Степаненко К. Н.

КАМО ГРЯДЕШИ……

Подмосковье

7529 год от сотворения мира

Среди разнообразных толкований понятия «история» своей правильностью с точки зрения современной официальной науки привлекает трактование этого слова греческими философами, видевшими в «истории» процесс добывания знаний и попытку установить их истинную хронологию.

Мне ближе определение «истории» римскими мыслителями, писавшими, что История – это рассказ о прошлом, где есть место здравому вымыслу, занимающему место тех событий и явлений, достоверных сведений о которых не сохранилось.

Но ни в одном из определений не встретил я упоминаний о людях, их замыслах и мотивах, которые, в конечном итоге и определяют пути развития народов, наций и цивилизаций.

Именно поэтому и интересны мне жившие когда-то личности, достоверные или нет, но оказавшиеся в самой гуще событий в точках излома истории. В моих, пусть и неуклюжих, попытках домыслить их поведение и «примерить на себя» их чувства и мотивацию поступков прошу видеть лишь мое искреннее желание понять этих людей, да и саму сущность человека, неизменную на протяжении всего известного периода своего существования.

Как перед ней не гнитесь, господа,

Вам не снискать признания Европы,

В её глазах вы будете всегда

Не слуги просвещенья, а холопы…

Ф. Тютчев. Русский поэт и дипломат

Начало

Куратор от всемогущей «Аненербе» над всем северо-востоком России группенфюрер фон Шольбе имел все списки ценностей не только центральных и районных музеев этого региона, но и краеведческих, а также частных коллекций. Всё, представляющее интерес для историков – оккультистов этой организации либо было уже изъято и отправлено в Берлин, либо готовилось к экспроприации. Покоя фон Шольбе лишало лишь исчезновение двух чрезвычайно интересных экспонатов одного районного музея.

Имея своим непосредственным руководителем всесильного рейсфюрера СС Гимлера, фон Шольбе без труда добился подчинения себе всего агентурного аппарата в данном районе. Было установлено, что заведующая музеем Лайма Куулеле за неделю до указанных событий упаковала музейные раритеты для транспортировки в обычный фибровый чемодан и направилась к

военному коменданту. Взятие городка планировалось немецким командованием через десять дней, и военный комендант был абсолютно загружен организацией эвакуации учреждений, документов и денег, а также мобилизацией мирного населения на оборонительные работы. В силу своего преклонного возраста Лайма не могла быть привлечена к рытью окопов и траншей, и просто ждала в коридоре коменданта оказии на Большую землю. Потом её видели на местном аэродроме, где базировалась эскадрилья лёгких У – 2. Поняв замысел музейщицы - улететь или отправить раритеты на Большую землю на «кукурузнике», или, как его называли немцы, «рус-фанер», фон Шольбе приказал поднять в воздух звено самолетов-разведчиков FW -185. «Рамам» был дан приказ сбивать все летевшие с аэродрома в сторону еще не занятой территории русские легкие самолеты. Делать это следовало подальше от русских войск, а к месту падения У -2 необходимо было сразу вызывать войсковую разведку, отряды которой заблаговременно были высажены в лесу.

На второй день барражирования штурман-радист одной из «рам» увидел в стеклянный колпак своей кабины тень от русского самолетика над лесным массивом. Выполняя приказ и стараясь максимально погасить скорость для захода в хвост тихоходного «кукурузника», пилот FW -185 выждал, когда русский вышел из прикрывавших его деревьев на незащищенное пространство над замерзшим озером и, поймав «рус-фанер» в прицел, рубанул по нему из всех пяти пулемётов. «Кукурузник» задымил и резко пошел вниз. Штурман – радист вызвал в квадрат разведчиков, и «рама» благополучно вернулась за наградой на базу.

Пилот У –2, старший сержант Шурочка Кутепова, сумела посадить планирующий самолет на рыхлый снег озера, вывалилась из кабины сама и выволокла с заднего места музейного работника, не выпускавшую из рук свой чемоданчик.

- Да бросьте вы его, самим уходить надо! – Шурочка была вне себя от досады.

- Никогда! Я без него не пойду! Вопрос государственной важности! У вас есть еще оружие?

- Да, в кабине есть винтовка моего штурмана.

- Достаньте! – приказала музейный работник таким тоном, что старший сержант подчинилась.

Пока они препирались, из леса показались три фигурки в белых халатах. Приказывая сдаться, они окружали упавший самолет. Достав свой пистолет, Шурочка несколько раз выстрелила в сторону немцев. Те ответили очередью, ранив старшего сержанта в плечо и попав в самолет.

- Не трать патроны. Тем более, что стрелять не умеешь, - престарелый музейный работник поудобнее устроилась в снегу и, приложив приклад к плечу, дослала патрон в патронник. Три выстрела, и три белые фигурки с расцветавшими на них красными пятнами крови, уткнулись носами в снег.

Лайма Куулеле с детства ходила на охоту со своим отцом, учившем девочку бить белку в глаз.

В это время взорвался бензобак самолета. Лёд треснул, утягивая в водную бездну отважных русских женщин, неудачливых немцев – разведчиков, трудягу У – 2 и фибровый чемоданчик с музейными реликвиями.

Партизаны потом рассказывали, что немцы весной пытались нырять в том районе, но военная обстановка развивалась так стремительно, что насладиться нырянием в ледяной даже летом воде озера немцам не пришлось.

Наши дни

«Утро добрым не бывает» - вспомнил Матвей любимую присказку не выспавшейся дочери, пытаясь открыть глаза и вписаться в дверь ванной комнаты. Хоть он и перестал ходить на работу, выбрав со своим помощником – компьютерщиком вывеску «частного консультационного агентства», но пытался сохранить выработанный годами режим.

Работа дома, с одной стороны, хороша. Тем, что не надо надевать костюм, дурацкий галстук и отвечать на такие же дурацкие вопросы начальства и подчиненных. Но есть и минусы. Во-первых, привыкаешь ходить без костюма. Что расслабляет. А во-вторых…, но сейчас не об этом. И так настроение – нерабочее.

Кофе никто не делает – еще один минус. Ну, хватит хандрить. Сам сварил любимый сорт кофе. «Тоже мне, сварил! Нажал на кнопку…» По голосовой команде электронный помощник включил новостную программу. «Скоро и в туалет буду ходить по голосовым командам…». Не услышал в новостных сводках ничего, лично его затрагивающего, и только – только Матвей собрался сеть в кабинете с любимым историческим романом, как раздался звонок. Номер не определился, что уже давало повод к радостным ожиданиям.

- Матвей, доброе утро! Надеюсь, не разбудил. Можешь к нам сегодня подъехать? – в трубке раздался знакомый голос Николая Николаевича, работающего в «почтовом ящике» с одаренными необычными способностями людьми. Когда – то Матвей помог Николаю Николаевичу и некоторым его подопечным, потом еще и еще. Они остались добрыми друзьями, да и за «рядом-с объектом-стоящим» домиком – банькой Матвея охрана присматривает и траву косит. Бесплатно! Что весьма ценимо, особенно в наше время.

- Конечно, подъеду. Что – нибудь привезти из Москвы? Колбасы, туалетной бумаги…

- Если только себе. А нам умище свой привези. Весь. И интуицию. Если осталась, - и повесил трубку.

Ну полковник, что с него возьмешь.

Через час Матвей подъехал к воротам объекта. Пропуск у него не спрашивали. Узнавали по машине и, как шутил начальник дежурной смены, по «морде лица».

Зная слабость Николая Николаевича, Матвей всё-таки привез пачку редкого тайского чая, и они наслаждались напитком. Ибо только неуч и болван сразу начинает говорить о делах, а умные и воспитанные люди сначала пьют чай и говорят о возвышенном. После чая, насладившись его вкусом, и поговорив о возвышенном – погоде и политике, приятели пересели к рабочему столу Николая Николаевича, где Матвей приготовился слушать.

- Ты знаешь, Матвей, что в нашей стране активно работают поисковые отряды, поддерживая и восстанавливая нашу историческую память. Так вот, проводя поисковые работы в одном из северо-западных районов боевых действий Великой Отечественной войны, во время погружения в озеро аквалангисты обнаружили наш сбитый У – 2, два тела – летчицы и пожилой женщины, по документам, заведующей музеем близлежащего городка. Нашли еще три тела в немецкой форме, но главное – нашли остатки сгнившего деревянного чемоданчика, в котором были три металлических предмета. Это – сгнивший в воде старинный наконечник копья, кольцо, сделанное из неопознанного металла, похожего на серебро, со скандинавскими рунами «вечность» и «слава», а также меч из дымчатой стали, похожий на дамасский булат. Два последних предмета, в отличие от наконечника копья, находятся в прекрасном состоянии. Предметы после из извлечения из воды были переданы в Центральный музей Вооруженных сил. Там их не смогли идентифицировать и передали для изучения в НИИ стали и сплавов, где провели все возможные анализы, но безрезультатно. Ни состав, ни происхождение

металлов не известны. Обратили внимание лишь на то, что в темноте и полумраке эти предметы светятся словно внутренним сиянием, которое тоже не смогли идентифицировать. В музее, заведующая которого, вернее её тело, была обнаружена рядом с артефактами, никаких документов не сохранилось. В вышестоящем городском музее нашли только запись в журнале о том, что в 1931 году они принимали на обследование остатки копья, обруч и меч, датированные ориентировочно 1 веком н.э. и найденные в древнем варяжском захоронении. Более детально исследовать артефакты они не могли, и экспонаты были возвращены в районный музей.

Начальник научного отдела Музея Вооруженных сил – мой приятель, привлекавшийся к некоторым нашим… опытам. Он усмотрел в этих артефактах нашу специфику и настоял на передаче их нам.

- И вы? – Матвей устал терпеть, ожидая, где же его роль в этом деле.

- И мы провели НАШЕ исследование экспонатов. Подробнее о них расскажет наш общий знакомый, старший научный сотрудник Денис Петрович. От научных степеней и лауреатств он по-прежнему категорически отказывается, как и от повышенной зарплаты.

Конечно, это был Дэн. Давно известный Матвею человек исключительной экстрасенсорной чувствительности на уровне, превышающем человеческое восприятие. Влетев в кабинет в своём обычном белом халате, Дэн плюхнулся на стул, хотя ему предложили кресло. Свои ноги в кроссовках, которые он, похоже, так и покупает стоптанными, он, по давней своей привычке, засунул под стул и нахохлил плечи, став похожим на воробышка. За последние лет десять он почти не изменился. Белокурые волосы не позволяли видеть седину, и лишь усталые глаза за толстыми стеклами очков выдавали возраст и пережитую печаль.

Не здороваясь с Матвеем («предрассудки это, бесполезное сотрясание воздуха» – это Матвей помнил еще с первых встреч), Дэн сразу начал с сути вопроса.

- Я их внимательно изучил. Всеми, доступными мне возможностями. Интерес представляют только меч и кольцо – обруч. Именно обруч, ибо первоначально он был сделан по форме запястья, а потом грубым физическим воздействием был уменьшен. Очевидно, что помимо излучаемого в ночное и вечернее время света эти предметы излучают невероятное количество энергии. В её нынешнем виде она никоим образом не воздействует ни на человека, ни на другие материальные объекты. Энергии не хватает еще одной составляющей, параметры которой усилят первоначальный энергетический поток и тогда уже они смогут воздействовать на окружающую среду.

- Спасибо, Дэн. А теперь для нас, особых бронепоездов, – к этим двум штукам надо приладить еще что-то, чтобы получилось супероружие? - Матвей старался не улыбаться.

Дэн поморщился.

- Грубо, но в целом правильно. Именно супероружие, мощность и возможности которого я даже представить пока не могу. Я пока даже не представляю, как это может действовать и с какой целью ЭТО можно использовать. Знаю одно – управляется это человеком. А человеческий фактор, как понимаете, это самое неуправляемое и страшное оружие. То есть, имеем очевидное – потенциально, это новая угроза человечеству, которое и так уверенно идет к саморазрушению.

- Дэн! Извини, что так обращаюсь. Я ведь тоже для тебя Матвей? Просто Матвей? – Дэн устало кивнул головой.

- То есть, найдя недостающую деталь, мы, то есть трое сидящих в этой комнате, четко понимаем, что всё это надо, на всякий случай, УНИЧТОЖИТЬ. Бомба – не бомба, но не дай Бог, попадет не в те руки, к большим мальчишкам, которые любят

играть в солдатиков… Мы должны это пресечь, как это было тогда, в Бурятии?

- Да! – в этот раз Дэн был лаконичен и твёрд. Они оба посмотрели на Николая Николаевича. Его ответ был очевиден, но он должен был это сказать.

- Да! – услышали они ответ куратора.

- Надеюсь, что нас никто не слышит, - Матвей посмотрел на Николая Николаевича, который красноречиво провел ладонью руки по своему горлу, и на Дэна. Тот воздел руки – мол, зачем говорить об очевидном.

- Итак, Дэн, ты один из нас видишь эти артефакты в нужном… ракурсе. Ты можешь назвать, какая деталь еще нужна этой ужасной машине. И, в конце концов, мне позволят взглянуть на эти предметы?

Не вставая с места, Николай Николаевич открыл стоящий рядом с ним сейф и достал… обычный целлофановый пакет. По иронии судьбы, на пакете была фотография новогоднего салюта. С уст Матвея уже готова была сорваться соответствующая моменту острота (или несуразность?), но, глядя на серьезные лица своих собеседников, а теперь еще, и участников заговора, он счел за нужное промолчать.

Расстелив на столе какую-то металлизированную подложку и надев нитяные перчатки, Николай Николаевич разложил на подложке ржавый наконечник копья, широкое серебристое кольцо с набитыми на него рунами и очень красивый чуть изогнутый меч с изящной загнутой рукоятью из металла, похожего на медь, и словно покрытым изморозью лезвием.

- Красота! – не удержался от комплимента Матвей. Уже привыкшие к предметам собеседники промолчали.

- Вещи я трогать не буду, а попробую нарисовать, - Дэн взял листок бумаги и уверенными штрихами изобразил меч, к кончику

клинка которого прикасается что-то, похожее на дирижерскую палочку, стилет или шило (Матвей вспомнил, что в преступной среде такая вещь называется «заточкой»). Из места соприкасания вырывается поток (энергии?), - Дэн вздохнул, - Должно быть так, но более тонких деталей я не вижу. И роли обруча в этой конструкции тоже не вижу. Могу лишь предположить, что обруч должен быть надет на одну из рук. Или с мечом, или с … этой штукой. Объяснять, почему это должно быть так, тоже не буду. Не поймете, да и незачем. Да, Николай Николаевич, попрошу Вас всё-таки хранить эти предметы отдельно. Мало ли что…

- Можно потрогать? Без перчаток? – Матвей старался быть дружелюбно убедительным.

Не услышав возражений, он коснулся кончиками пальцев лезвия меча.

Сумбур повседневного в голове куда-то исчез. Судорожные сполохи мыслей успокоились, общий фон зелено-серого цвета покатил одной волной, смывая ненужное. Голова отяжелела, Матвей впал в забытьё, но сам не заметил, что продолжал говорить, излагая всё видимое им.

Когда он, наконец, пришел в себя, Дэн и Николай Николаевич сидели на стульях вокруг него, с интересом внимая рассказчику.

Увидев по глазам Матвея, что тот вышел из «потустороннего состояния», Николай Николаевич выключил диктофон, и, сладко потягиваясь, заметил.

- Хорошо! Тебе бы, Матвей, книжки писать. Жаль только, что критики не проникнутся… Опять скажут – «Нелепый вымысел, не отражающий истинную реальность когда-то происходившего!». И им не возразишь, и автору. Нет же иных достоверных источников – видеозаписей, хроник, автобиографий, мемуаров. Другим занимались люди раньше. Делом занимались! А и нашлись бы такие материалы, их бы тут же обвинили в подтасовке, фальсификации и намеренном домысле. Уже сказавшие своё слово

в этой сфере – истории, никогда не выпустят из рук, вернее, изо рта, свой кусок хлеба и свою исключительность.

Ну что, каковы наши дальнейшие действия?

- Поскольку нет материализованного следа иной части «оружия смерти», мне понадобится время – собрать способных, смоделировать ситуацию и хотя бы вычислить район поиска, постепенно сужая его до самого предмета, - подал голос Дэн, - и дайте мне, Николай Николаевич, эту запись. Мне надо её еще раз прослушать.

Предтеча

Сурово-серые тучи, клубясь под порывами ветра, почти затянули весь небосвод над такими же сурово-серыми водами Моря. Это еще не была привычная сплошная грозовая пелена, готовая в любой миг прорваться над Морем и прилегавшей к нему землей ледяными струями дождя. На небосводе еще оставались оконца с едва видимыми сквозь них голубоватыми просветами.

Именно через эти оконца и смотрели на оставленную землю Боги и пирующие у них на вечном празднике герои, славно погибшие с именами этих Богов на устах. Так гласили легенды, которые наизусть пересказывали во всех селениях по берегам Моря и на его островах. Имена Богов у сказителей звучали по-разному, но какая разница, Один ли там сидит на золотом троне или Перун. Главное, что они следят за порядком на Море и на земле и забирают в свои чертоги тех, кто правильно жил и ушел из этой жизни.

Ветер продолжал безжалостно месить тучевое тесто, сбивая его в темную неоднородную массу. Тучи словно сопротивлялись этому напору, не желая становиться плотными и черными, словно зная, что тогда им придется извергнуть из себя огненных змеев молний, разразиться устрашающим грохотом грома и излить всю скопившуюся в их бешенной утробе небесную воду на нижние земли и Море.

Успевший вытащить из воды до начинающейся бури свой рыбацкий челн, юноша оттащил долбленую из цельного ствола лодку в ближайшие кусты, закрепил на длинную веревку за самый крепкий сук и, достав из лодки мешок с уловом и свою острогу, сел под гигантский валун. Это было его любимое место, которое

показал когда-то ему отец, сам частенько сиживавший там у маленького костра.

Именно отец научил его не бежать под начинающимся дождем в селенье, а выждать самый красивый момент зарождающегося ненастья, увидеть красоту смешения красок на небосводе и переждать первый натиск дождя, с его ослепительно красивыми вспышками молний и завораживающе пугающими раскатами грома. Отец говорил, что так неопытный воин растрачивает в первом наскоке всю свою ярость и силу, а затем просто машет мечом и копьем, думая не о победе, а о своей жизни. Сам он был опытным воином, и его наперебой звали в свои дружины не только местные вожди, но и заходившие в их селенье отряды других воинственных племен.

Много их было, заходивших на своих лодьях в удобную заводь, на берегу которой располагалось селенье. Были там и волосатые норманы, и свирепые берсеркеры из холодных северных земель. Приходили лодьи с купцами, да и просто лихими людьми от земель вятичей и поморов. Кто торговлю вел, а кто и просто грабить ходил. Всякое видело и терпело Варяжское море!

А кто посмелее, да поухватестее был, тот вообще ходил из Моря в другие моря, рассказывая в селении диковенные истории про иных людей, чудные их обычаи и товары. Верили им люди в селении. Да и как не верить, если показывали пришлые монеты, ткани и оружие невиданной работы, хвастались умелыми рабами и покорными красавицами – наложницами.

Приглашали пришлые местных воинов, известных своей бойцовской доблестью, в свои дружины, обещали золотые горы. И ведь прельщались родичи, уходили в поисках лучшей жизни. Некоторые возвращались…

Первый раз отец, у которого только родился первенец, ушел с дружиной какого-то датского ярла, дракары которого шли грабить шведскую Сигтуну. Поход бы удачным, и отец привез богатую

добычу. Потом были походы к суомам, к вепсам и даже в пустынные знойные страны занесли его Боги. Привез он оттуда красивый клинок дымчатой стали, широкое серебряное кольцо и несколько рабынь, красавиц в тюрбанах и сетками на лицах. Клинок по сих пор висел на видном месте в их хижине, а рабынь мать, у которой было уже четверо детей, продала проезжим купцам. Изумленному отцу она объяснила, что «толку от изнеженных девок никакого, а едят они много». Толк был от очередной партии рабов, которых отец привез после похода на земли племён чудь и меря. Три парня и три девки умели обрабатывать землю, выращивать рожь и разводить скот. Эти три пары сами построили себе хижину на краю их подворья, сбились, с согласия отца и матери, в семейные пары и стали работать на себя и на своих хозяев. Мука с их домашней мельницы, мясо и выделанные шкуры, а также сшитая из сбитой ими шерсти одежда быстро сделали Семью обеспеченной, а воинская добыча отца, регулярно нанимавшегося в различные дружины и становившегося больше купцом, чем воином, позволила им подняться до уровня уважаемых и авторитетных людей их селения.

Когда в семье родился первенец, отец назвал его в честь своего отца Иваром, повесил над его люлькой нож и с младенчества растил и воспитывал, как будущего воина. Игрушками Ивара были не вырезанные из дерева фигурки людей и животных, которые отец делал младшим сестренкам, а мечи, ножи, щит и копье, сначала маленькие, а потом, когда Ивар смог управляться с ними, - настоящие. Еще в младенчестве отец запрещал матери называть сына ласкательным именем – Иви. «У нас воин растет, скоро в походы ходить будет. Не хватало еще, чтобы кто-то из воинов назвал его этим дурацким детским именем. Так и прилипнет. А с таким прозвищем он не станет вождём!» - говорил отец матери. И та его слушалась.

Трёх своих сыновей отец учил воинскому искусству, ходил с ними на рыбалку и охоту, приучал к хозяйству. Две сестренки

помогали матери по дому. И всё было хорошо, и шестого ребенка мать ждала с радостью, когда пришла беда.

Всё началось с решения отца построить свой собственный корабль. «Хватит мне наниматься к пришлым и выполнять их дурацкие приказы! Я сам могу нанимать людей и командовать ими! Я знаю, куда надо идти за добычей!» - кричал после нескольких кубков хмельной браги отец, сидя в кругу своих друзей. Те нестройными голосами вторили ему, выражая желания идти за ним за богатой добычей. Дракар был заказан и построен, и скоро стоял у специально пристроенной для него деревянной пристани неподалеку от их дома. Нос корабля украшала искусно сделанная мастером голова морского дракона, оправдывая название корабля. Ведь на языке данов, морских разбойников западной части Моря, «дракар» и означал «дракон».

В походы обычно ходили поздним летом, когда Море еще спокойно, а на предполагаемых для грабежа землях основное мужское населения было вне селений, на полях и пастбищах. Быстро ограбив почти беззащитные селения, морские люди, или, как они себя называли – гребцы - викинги, успевали еще до сезона штормов продать награбленное, не нужное им самим, на известных им торжищах.

Отцу не повезло с самого начала. Пригнав новый корабль и не сомневаясь в том, что сумеет быстро набрать опытных воинов, он не учел возможных конкурентов. Одновременно с его новым дракаром в гавань селения зашли корабли трех известных на Море ярлов, тоже собирающих дружины для похода.

И здесь Боги были на стороне пришлых! О них все знали, об их предыдущих походах уже слагали легенды и песни, и, конечно, все лучшие воины пошли за ними. Отец понимал, что никого он не найдет даже в соседних селениях и не захотел терять на это время. Собрав, кого мог, из оставшихся сородичей и, закрывая глаза на их увечья и недостатки, он объявил отплытие. Мать, словно чувствуя

беду своим сердцем вещуньи, умоляла отца отложить поход, но тот был непреклонен.

Дракар вернулся через пару лун. С трудом пробившиеся через начавшиеся штормы четыре еле живых сородича рассказали, что им удалось разграбить первое из попавшихся суомских селений и взять там неплохую добычу. Воодушевленные успехом, они решили не возвращаться на дракар, а оставив сложенную добычу, продолжить поход пешком до следующего селения, о котором им рассказал под пыткой один из захваченных рабов.

Во втором селении, сначала показавшимся им безлюдным и беззащитным, они были атакованы многочисленным отрядом таких же, как они сами, морских разбойников. Те успели захватить селение и уже принялись грабить, но, видимо, были предупреждены дозором, и устроили засаду. Битва, по словам вернувшихся, была яростной. Но силы были неравны. Двум из отряда отца удалось выжить, притворившись мертвыми. Остальных, по их словам, зарубили. После того, как конкуренты покинули селенье, в спешке собрав добычу, уцелевшие викинги выбрались из-под укрывших их мертвых тел. Времени и сил для погребения своих товарищей у них не было, да и опасались они встречи с вернувшимися селянами. Даже не заходя в первое селение за сложенной добычей, которую они теперь не в силах были забрать, он вышли к своему дракару. Там с помощью двух оставленных сторожить корабль увечных сородичей, кое-как сумели поставить парус и преодолеть обратный путь.

- Твой муж бился до последнего вздоха и умер, как герой, - сказал один из выживших оцепеневшей от горя матери, - после битвы я нашел его тело и рядом этот меч. Перед походом он просил меня в случае смерти передать меч своему старшему сыну.

Он достал из своих ножен узорчатый, словно в запекшейся крови, меч и с поклоном вручил его вдове.

Так и висел этот меч на стене их хижины, оставаясь единственным напоминанием об отце. Мать, потерявшая от горя неродившегося ребенка, категорически отказалась выходить замуж и переходить в дом родственников отца, как это предписывал Закон. Она и дети были свободными людьми и могли сами выбирать свою судьбу.

Дракар пришлось продать, вырученных и ранее нажитых денег хватило на пару зим. Их кормили только рабы, но через эти два года матери стало ясно, что она не в силах управлять всем хозяйством.

И вот, в один из ненастных осенних вечеров она пошла в хижину, где жили рабы.

Там было тепло и уютно. На огне вкусно пахли котлы, к аромату которых примешивался ни с чем не сравнимый запах свежевыпеченного хлеба. Вокруг огня играли трое малышей, белоголовых и светлоглазых как их родители. Спальное место каждой из семей отгораживал тяжелый и плотный полог из катанной овечьей шерсти. В одном углу жилища за ворохом шерсти и полотна сидели три молодые женщины. Под тихую песню в их пальцах проворно мелькали костяные иглы. Увидев, что в жилище зашла хозяйка, вслед за ней вошел высокий статный парень, раб и муж одной из рабынь. До этого он стриг в овчарне овец, и в руке держал большие ножницы. Вид больших ножниц сначала насторожил женщину, но улыбка парня, да и сама картина умильно играющих детей, поющих за своей работой их матерей, успокоила мать, и, показав рукой, что ничего срочного у нее нет, она просто присела у огня. Ребятня тут же подлетела и подползла к ней, и она привычно погладила их нежные и волнистые кудри.

- Пусть все придут! – попросила мать, и через пару минут в помещение зашли, вытирая руки, два других раба. Откуда-то из темного угла приковылял еще один раб их семьи, колченогий, с одним вздернутым плечом, дед Ложка. Отец привез его из того же

похода, что и остальных рабов. Искалеченный раб был ему не нужен, но дед с такой яростью бросился на викинга из их отряда, который пытался зарубить боевым топором одного из молодых поселян того вепского селения, что отец, ценивший мужество даже у врагов, приказал не трогать деда. А чтобы не дать своим мстительным воинам потихоньку убить храброго деда, включил его в свою долю добычи, пожертвовав парой мешков ржи.

По пути домой, уже на дракаре, рабам ставили раз в день котел варева, которое они вынуждены были есть руками. Дед же, найдя кусок деревяшки, вымолил у отца его небольшой нож, и буквально за минуту вырезал ложку, с которой и сел к котлу. До конца дня он сделал ложки всем рабам. Предложил сделать ложки и викингам, но те гордо отказались. Не пристало гордым воинам брать пример со своих рабов!

Случай так впечатлил викингов, да и рабов, что к деду прилипло это имя – Ложка. Когда отец привел Ложку домой, он с матерью долго не знали, что делать с этим лишним ртом. Продать его было невозможно в силу увечья старого, а работать в полную силу он не мог. Старика, над которым уже маячил призрак смерти от зверья, холода и голода в диком лесу, спасли его необычные для селенья навыки – он знал языки почти всех племен, с которыми они торговали, воевали и ходили в походы, и первое время даже переводил разговоры хозяев с рабами. Он знал грамоту и счет, чем сильно помогал отцу, путавшемуся в расчетах на торжище и в своем растущем хозяйстве. От также умел работать с железом и даже выковал наконечник для отцовского копья. Он даже врезал в его древко серебряное кольцо, нанеся на него руны «вечность» и «слава». Отцу он сказал, что это кольцо было обручем для руки или детской шеи, но – «обручи у вас носим лишь мы, рабы, поэтому я немного уменьшил обруч для того, чтобы насадить его на древко копья и насёк на нём руны, подобающие великому воину!».

Отец не возражал. Древко копья менялось несколько раз, но наконечник и кольцо оставались.

И, наконец, дед Ложка взялся обучить грамоте и счету всех трех сыновей. Для дочек эти знания считались лишними, но поскольку сестренки всюду таскались с братьями, то и на них упал свет просвещения. И скоро дочки, не хуже волхвов - колдунов стали читать старинные руны на камнях и чертить амулеты для тех, кто их об этом просил. Правда, это скоро им надоело, и они вернулись в свой женский мир трав, шитья и домашнего хозяйства. Чем спасли отца и мать от косых взглядов колдуна и старосты селения, а деда Ложку – от неминуемой расправы «за распространение ненужных знаний».

И вот они перед ней – последняя ценность семьи, чья цена может спасти её и её детей от голода и нищеты. Сначала она хотела просто сказать, что продает их (и даже покупатели у неё были). Но за те годы, что были они рядом, сложилось между ними какое-то родство, что-то большее, чем отношение хозяев и собственности.

В соответствии с Законом, все рабы – и мужчины, и женщины, носили на шее металлическое кольцо с клеймом хозяина. И даже их дети, которым она сама помогала появиться на этот свет, по достижении возраста отрочества, обязаны были носить такие же рабские кольца. И от одной мысли о рабских ошейниках на тонких детских шейках (а ведь она знала, что многие местные вдовы, оставшись в нищете, добровольно продавали своих детей в рабство) стало ей горько на душе. Второй раз в жизни разразилась мать горючими слезами, обхватив себя за плечи и подвывая своему горю. Первый раз она так плакала, когда умерла её мама… И даже на тризне по своему мужу не пролила она ни слезинки, помня о том, что женская слеза может остановить душу павшего воина, спешащую на пиршество в Валхаллу.

Здесь же, видя её состояние, все кинулись утешать и успокаивать вдову своего хозяина. Придя в себя, она честно рассказала о своих невзгодах и попросила совета, в глубине души надеясь, что её люди сами предложат спасительный выход.

И они предложили. От имени всех говорил дед Ложка, которого, как оказалось, все беспрекословно слушают и уважают.

- Успокойся, хозяйка, и послушай, что я тебе скажу. Мы давно всё видим и понимаем. Понимаем, что единственная твоя надежда – это продать их шестерых с потомством. Я, калека, не в счет. Разве что купит меня за мешок зерна ваш колдун, чтобы принести в жертву своим Богам. Ну, продашь ты нас… Дракар дороже стоил, а тех денег хватило только две зимы протянуть тебе и твоим пятерым деткам. Со скотиной вы не управитесь. Значит тоже продавать. И останетесь вы без молока и мяса. Поле обработать, зерно собрать и помолоть – сил не хватит.

Вот что мы предлагаем. Ты и дети твои давно стали нам родными. Вместе живем, работаем и с нуждой боремся. Ты нас не продаёшь, мы остаемся единым хозяйством, все плоды которого идут на общую пользу. В наших землях мы называем такое устройство общиной и поверь, только так можно выжить. Особенно тебе – многодетной вдове.

- А вам-то что нужно? Вы и так общиной живете? – вдова никак не могла охватить весь смысл сделанного ей предложения.

- Нам важно снять с себя эти рабские ошейники, снова почувствовать себя свободными. И еще – в тех, наших, землях нас никто не ждет. Мы хотим остаться здесь, на этой земле, под защитой ваших мечей. Будешь думать, учти – земля и скотина остаются твоими, мы только работаем с ними, выплачивая тебе, скажем, треть от того, что получим. Это больше, чем ты получаешь сейчас.

- Что я должна сделать? – чуть слышно произнесло мать, чувствуя, что принимает самое важное решение своей жизни.

- На ближайшем сходе, где пока ты, а не твой старший сын, имеешь право представлять свою семью, ты объявишь, что в соответствии с волей своего мужа, которую он сообщил тебе перед походом, даешь нам свободу и просишь принять нас в ваше

селенье на правах свободных поселенцев. Скажешь также, что на общие землю и ловы мы пока не претендуем, будем пользоваться вашими. Я пойду с тобой и буду говорить от всех наших. Если потребуется…

Сход прокричали на вечер.

Мать, уже отсомневавшаяся и принявшая окончательное решение принять условия своих уже бывших рабов, ждала с рыбалки своего старшего, ломая голову над тем, чем накормить детей. Сидя у большого стола и покрикивая на шумевших у огня детей, она украдкой бросала взгляд на своё отражение в висевшем медном зеркале, оставшемся в семье после проданных ею невольниц. На неё смотрела еще моложавая и статная женщина, чей возраст и житейские тяготы выдавали лишь морщинки вокруг усталых серо-зеленых глаз.

Она первая услышала шаги у жилища и, не успел еще рыбак протащить мешок со своей добычей сквозь скрипучую дверь, как она кинулась ему помогать, опережая взметнувшихся, как стайка воробьев, детишек.

- Ивар! Как хорошо, что боги дали тебе добычу. А то эти голодные птенцы уже с утра требуют еды! Ты всё-таки попал под дождь… Но ничего, сейчас повесим твои вещи к огню, и они высохнут до того, как мы с тобой пойдем на сход. Да, да, ты тоже идешь на сход. В следующее лето ты станешь совершеннолетним и будешь полноправным участником схода, а пока тебе надо привыкать. К тому же мне может понадобиться твоя поддержка…

И мать рассказала Ивару о положении семьи и предложении их рабов. Сын спокойно воспринял это сообщение, спросив лишь, сам ли дед Ложка предложил это. Услышав ответ, он утвердительно кивнул головой – «Так тому и быть!»

Пока одежда Ивара сушилась у огня, мать сноровисто разделала рыбу, обваляла куски в замешанной на морской воде

крупнотёртой муке, и, насадив на рогатины, поставила их вокруг костра. Отчего всё помещение наполнилось неземным ароматом.

Не спуская глаз с запекавшейся рыбы и громко сглатывая слюну, дети сели вокруг старшего брата, ожидая от него очередную историю.

И он рассказал, как в мрачных водах Моря на его лодку напал страшный морской змей. Они долго бились – Ивар и змей, и чудище совсем было уже одолело Ивара, у которого была только острога… Но тут с неба, аккурат в просвет между тучами, влетело копьё и поразило змея.

В этом месте своего рассказа Ивар таинственно понизил голос и поведал свои притихшим братикам и сестричкам, что узнал копьё по серебряному кольцу у наконечника. Это было копьё их отца!

- Отец пировал среди героев во дворце Одина – Перуна, но увидел в просвете туч мою схватку со змеем и помог мне! Он же герой и не мог иначе…

- Конечно, наш отец – герой! И он спас тебя! – закричали дети.

- А почему ты не достал копьё отца? Ты мог бы нырнуть в воду… - вдруг спросил Улаф, самый младший из братьев.

- Если бы я нырнул за копьём, то мог потерять лодку и улов. И вы остались бы голодными. Надо было это делать?

- Нет, не надо! – дружно закричали дети, глядя голодными глазами на уже скворчавшую рыбу в такой аппетитной корочке.

Когда рыба была полностью готова, мать разделила её между детьми, отложила себе и положила отдельный кусок на деревянную плошку, попросив старшую из сестер:

- Отнеси это деду Ложке. И пригласи его потом к нам. Скажи, потом вместе на сход пойдем.

Сход проходил в Большом доме, как все называли дом старейшины селения. Сейчас это место занимал Фритьоф, могучий

и громогласный старик, переживший уже свою пятидесятую зиму. Возраст и увечья уже не позволяли ему принимать участие в боевых и торговых походах. Но именно такой староста и был нужен жителям, большую часть года остающимся без промышлявших где-то мужчин. Фритьоф мог и порядок поддерживать в селении, да и оборону организовать в случае необходимости, привлекая к этому редких, не взятых в поход, а потому оставшихся в селении мужчин, таких же как он, ветеранов, и основную боевую силу – несовершеннолетних подростков и женщин, владевших луком, ножом и копьем не хуже бывалых воинов.

Возвратившиеся из походов (с добычей или без неё) мужчины тоже прислушивались к старосте, признавая его право на местную власть.

Увенчанные славой и удачей вожаки походов, которым их воины присваивали почетные титулы «ярл», как правило, не стремились взять на себя бремя старейшины селения, предпочитая оставить эту повседневную рутину кому-то из своих прежних боевых товарищей.

Прохладное помещение, едва отапливаемое горящим в центре огнем, постепенно наполнялось теплом и людьми. Когда их количество приблизилось к сотне, из-за полога, закрывающего вход в жилую часть дома, вышел сам Фритьоф, в шлеме из черепа дикого вепря и в плаще, сшитом из шкуры того же вепря. По преданию, того гигантского хозяина этих, тогда еще необжитых мест, убил первый поселенец, прибывший на эти земли у Моря. Откуда тот прибыл, сейчас в селении уже никто точно и не помнил, но плащ из шкуры и шлем из черепа того дикого кабана бережно хранили как свидетельство своей родовой принадлежности.

Поприветствовав собравшихся величественным жестом руки, староста попросил всех сесть на заранее подготовленные скамьи, указав на самые почетные места двум богато одетым в меховые одежды варягам, недавно прибывшим на столь же богато

украшенных дракарах в их гавань. Один из прибывших, величественный огненно-рыжий витязь в железном шлеме – шишаке, с широким мечом у пояса, постоянно осаживал своего молодого товарища, который явно был впервые в таком Большом доме, где его очевидно забавляли и устрашающий вид старейшины в его плаще и черепе – шлеме, и сама напыщенность церемонии приветствия.

Закончив приветствие витиеватыми словами благодарности Богам неба, земли и Моря, Фритьоф, удобно примостив свое огромное тело в не менее огромное кресло – трон, приступил к рассмотрению вопросов, которым и был посвящен сход.

Сначала были решены несколько незначительных бытовых вопросов, касавшихся земли, скота и мелких взаимных женских обид. Решения, принятые старостой при молчаливом согласии присутствующих, настроили собравшихся на спокойный лад, и раздававшиеся, было, в начале схода голоса недовольных (а такие были, есть и будут! Всегда и везде!) стихли.

В образовавшейся паузе раздался сильный и резкий голос Матери.

- Уважаемый старейшина! И вы, люди селенья! Выслушайте меня и не говорите потом, что не слышали! Я, вдова погибшего в последнем походе воина, объявляю о том, что, исполняя волю мужа, даю свободу семерым своим рабам и их детям. Я разрешаю им остаться на моей земле и ухаживать за моим хозяйством. К вам обращаюсь с просьбой принять их на равных с вами правах в нашем селении при условии, что они не претендуют на иные угодья и запасы общества. Они хотят остаться с нами и жить нашей жизнью, защищая её, если нужно, с оружием в руках! Многие из нас или наших предков так же прибыли сюда, завоёвывая своё место в жизни. Так что вы должны их понять!

Мой старший сын Ивар, который на следующий год будет представлять нашу семью, может подтвердить мои слова.

Стоявший рядом с матерью Ивар кивнул головой в знак согласия.

Вопреки ожиданиям, это известие не вызвало бурной реакции схода, во многом благодаря тому, что в зал стали заносить блюда с мясом и рыбой, а также закатывать бочки с брагой и вином. Шепотом по рядам прокатилось – «Русы привезли! Русы дарят!»

Дабы не выпускать внимания собравшихся, равно как и свою власть, Фритьоф вопросил своим громовым голосом - есть ли возражения, и, не услышав таковых, завершил.

- По решению схода селения, указанным рабам даруется свобода и разрешается остаться на землях, предоставленных им. Иные права могут быть им дарованы при наличии особых на то причин!

Так или не так было всё это сказано, теперь уж никто не узнает, но семь взрослых людей, их дети и будущие потомки стали свободными. Если коварная история не уготовит им иную судьбу. Но это будет уже другая повесть.

Итак, решив пустяшный вопрос о свободе бывших рабов, Фритьоф, не беря паузы и даже не переводя дыхания, продолжил:

- А сейчас, уважаемые селяне, позвольте представить вам нашего сородича, достославного Дира, много зим назад уплывшего со своим ярлом Рёриком в далекие северо-восточные земли Гардарики. Укрепившись на тех берегах, наши сородичи шлют нам подарки и приглашают желающих отправиться с ними на службу в те края.

Ну, да досточтимый Дир сам расскажет вам обо всём, что вас заинтересует.

Последние слова староста уже запивал вином из поднесенного ему кубка, и накинувшиеся на еду и выпивку сородичи едва ли могли его слышать отчетливо.

Дождавшись, когда собравшиеся утолят свой первый голод, Дир поправил свой меч, само наличие которого у приглашенного на сход означало очень высокий статус гостя, и взглядом показал своему спутнику на сбившихся в отдельную кучку молодых мужчин. Их возраст не позволял им участвовать в битве за еду и выпивку наряду с пожилыми селянами, и они ждали своего часа, тихо переговариваясь. По знаку спутника Дира, к молодым подкатили отдельную бочку пива и поднесли блюдо с мясом.

Мать с дедом Ложкой незаметно выскользнули из Большого дома, неся радостную весть на свое подворье. Ивар, воспользовавшись этим, подошел к группе молодых, где уже вовсю витийствовал молодой спутник «достославного» Дира.

- … и ходим мы на больших лодках аж до самого Царьграда, где не счесть золота, шёлка и дымчатой стали!

- Вы тоже ходите туда на дракарах?

- Нет. Наши морские дракары тяжело переволакивать через камни в течении рек, но местные мастера делают прекрасные плоскодонные лодьи, расшивы или ушкуи, как их зовут местные. Они более вместительные и легкие на ходу. На речной воде это удобнее…

- А этот самый Царь – град и другие города вы на меч берёте? – у местных, да еще после пива, не иссякали вопросы.

- Когда как… Но чаще торгуем. Вот с хазарами, половцами и другими степняками приходится в сечи вступать. Хорошо на конях рубятся, вёрткие. Но наш щитовой строй взять не могут. Да и вообще…Местные жители очень мастеровиты, красиво строят из дерева, знают и другие ремесла. Земля богата мехом, медом, зверем и рыбой. Но недружны меж собой, для того и нас пригласили. У местных князей есть дружины, но маленькие и не так обучены. Для того и нас пригласили, чтобы устрашать и мечом порядок держать! Побольше бы нам воинов, наших, из варягов, мы бы еще сильнее там укрепились, еще больше городов поставили,

стали бы без опаски с греками торговать, а всех недовольных данью бы обложили.

- Затем и к нам пришли? На поход собираете?

- Да нет, не на поход. Нам дружина нужна постоянная, верная. Воин должен служить зим пять – шесть, лучше – десять! Потом сам решает – уйти или остаться. Оплата хорошая. Плюс доля с военной добычи, если в поход идут.

- И многих уже набрали? В других селениях были?

- Были. Но многие воины сейчас в походах. Тем, кто с нами захотел, проверки устраиваем. Человек тридцать уже набрали. Еще пару десятков бы набрать, да и домой, на Ладогу.

- Что, дом уже там? Ты же нам сродич…

- Да, дом уже там. Мой отец, свен из Уппсалы, давно туда пришел. Их прежний ярл много зим назад поставил там город Адельтьюборг. Местные его по имени озера-моря называют – Ладога. Там отец и жену нашел. И у меня там невеста есть. Видимо, уже пустила наша семья корни в тех краях.

Долго еще уговаривал молодой варяг ли, русич ли, своих сверстников из поморского селения попробовать поменять свою жизнь, поймать удачу за хвост, мир посмотреть и судьбу свою изведать.

И уговорил ведь, речистый, пять человек согласились прийти на следующий день на берег, принять участие в проверке.

Придя домой, застал Ивар праздничный стол. Счастливые вчерашние рабы, уже без рабских ошейников, сидели на равных с его матерью, громко смеялись и пели, а их дети резвились на шкурах с братьями и сестрами Ивара.

Он не стал огорчать мать и семью известием о том, что готовится к отъезду на несколько лет. Сказал привычное им – «Иду в поход», чем вызвал только новые радостные крики детей. Лишь у

взрослых глаза потемнели от печали, но у каждого из них была своя причина…

Взяв со стены узорчатый меч отца, Ивар вышел во двор, где при свете новой луны тщательно протер и поправил клинок. Жалея о том, что нет у него испытанного копья отца, стал выбирать подходящее оружие из вороха стоящих в углу сарая рогатин, острог и прочих подсобных инструментов. Увлекшись выбором, не услышал, как подошел сзади дед Ложка. Окликнув Ивара с безопасного расстояния, чтобы не попасть на возможный удар ножа или меча, дед, словно продолжая начатый разговор, сказал:

- Знаю, что ищешь. Погоди здесь…- и исчез в темноте. Через пару мгновений он появился уже со стороны своей кузни, держа в руке… копьё. Такое же, как было у отца!

- Держи! Тебе делал. Знал, что день придет. Думал на будущий год, молил, чтобы дожить. Знать, Боги по-другому рассудили. Копьё – как было у отца твоего, только без кольца серебряного. Извини уж, не было серебра у раба.

- Спасибо, дед! Приеду из похода, привезу серебра, доделаешь, - голос Ивара чуть дрожал.

- Всяко бывает, но, видать, другой кузнец тебе копьё доделает. Дадут Боги, искуснее меня тот кузнец будет… Ты ведь надолго на службу собрался? – вдруг без перехода спросил дед.

- Как ты…Откуда знаешь? – опешил Ивар.

- Поживешь с моё, многому научишься. Я ведь этого Дира давно знаю. Он воеводою был у Рёрика вашего, когда тот первый раз со своею дружиной по приглашению князей наших пришел непокорных усмирять. И мой народ усмирил. Всех воинов до единого. Меня тогда и покалечили. Решили, что умер, не стали добивать.

Потом Рёрика снова пригласили. Говорили, что он родом из тех мест, сын или внук какого-то словенского князя. Но в этот раз,

усмирив непокорных, Рёрик заодно и князей, его пригласивших, подчинил, сам владычить стал. Городище поставил – Адельгейм. Наши его Олонцом нарекли. Стал Рёрик владения свои расширять, племена под свою дань ставить. А данью – мехами, медом да зерном, его купцы с далеким Царь – городом торговали, и еще дальше заходили, до самых песков раскаленных и гор ледяных.

Когда увидел я Дира, да угощение его, понял, что за новым войском воевода прибыл. Видно, много варягов полегло в наших лесах да степях, а хитрый Рёрик только своим верит.

Что скажу тебе, Ивар! Не верь никому! Будь сам честен, слушай сердце свое. О матери и братьях с сестрами не беспокойся. Пока жив – пригляжу, потом наши не оставят. Мы ведь теперь одна большая семья.

И еще. Уходи сейчас. Не рви матери душу. Сам завтра скажу.

Ивар ушел. Переночевал на берегу, утром легко прошел испытания, и к вечеру уже лежал, после напряженной работы веслом, на дощатой палубе дракара под надувшимся парусом. Он не жалел о том, что ушел из дома. Такова судьба всех поморов. Жалел сейчас и будет жалеть всю оставшуюся ему жизнь о том, что не попрощался тогда с матерью.

За долгое плавание у Ивара установились хорошие отношения с Диром. Внешне надменный на берегу, на родном дракаре тот показался юноше открытым и прямым человеком. Найдя в Иваре благодарного слушателя, он много рассказывал о своих прежних походах с ярлом Рёриком, о том, как того пригласили князья из племен финов и угров, кривичей и словен для прекращения распрей меж ними и налаживания сбора дани.

По словам Дира, хитрый Рёрик, чтобы оправдать перед местными свое намерение править самостоятельно, придумал и всем рассказывает легенду о том, что его предки – из этих мест, а

сам он – внук старого словенского князя, то ли Горемысла, то ли Достомысла. Еще Дир поведал, что в своей дружине он вывел из родных мест почти всех мужчин, и эта дружина является его личным войском, не подвластным даже Рёрику. Ивар понял, что отношения Рёрика со многими воеводами в его варяжском войске испортились, особенно после того, как ярл потребовал, чтобы все воеводы признали его совсем еще маленького сына Ингвара следующим верховным вождем всех пришедших варягов и местных племен, варяжских данников. Дир гневно говорил, что наставником малолетнего Ингвара Рёрик сделал своего ближайшего воеводу и советника Ольгерда, или Олега, как его называют местные. А у Дира, как понял Ивар, не сложились отношения с Олегом, которого Дир и его друзья обвиняли в стремлении самому захватить власть. Ивар был согласен, что верховного вождя, будь то ярл, или даже конунг, следует выбирать лично, после совершеннолетия последнего. И лишь убедившись в личных качествах будущего правителя.

У них давно установились отношения доверия, и Ивар видел, что и Дир чувствует потребность высказаться.

Дир как-то обмолвился, что даже в это плавание, под предлогом набора новых воинов, Рёрик его направил, чтобы просто убрать из Нового города.

- Я мешаю ему моими речами на наших советах, не поддерживаю его планы по нападению на некоторые племена и захвату власти в Новом городе. И явно Олег, его верная собака, приложил к этому руку. Или, правильнее сказать, лапу… - Дир хрипло засмеялся.

- Новый город, это где? Я знаю только свенский Адельтьюборг, он же Ладога, и наш Адельгейм, который местные зовут Олонец.

Дир одобрительно посмотрел на Ивара.

- Молодец, запомнил названия. Так вот, Новый город – это новое городище, которое построил Рёрик для себя. На том месте,

правда, был ранее какой-то местный город, но какое это имеет значение! Ладно, вижу – ты парень смышленный, тебе я верю и сразу спрашиваю, пойдешь в мою дружину? Дашь клятву верности лично мне?

- Я согласен! Вот тебе моё слово верности и мой меч.

- Слава Богам! Возьму тебя своим оруженосцем и доверенным человеком. Вместо этого болтуна Грумвольта, которого приставил ко мне Рёрик. Чтобы тот следил за мной и записывал мои крамольные мысли, которые он потом прочтет Рёрику. Он всё время что-то чертит на своем свитке, а потом прячет его в свой сундучок, с которым никогда не расстается. Да если бы мы и увидели эти его знаки, никто ничего бы не понял, а он бы по-прежнему рассказывал, что это он саги записывает. Никто из моих людей грамоты не знает. Да и сам я не очень обучен… А ты, часом, умеешь ли читать и писать?

- Да, меня раб научил.

- Парень, да мне тебя действительно Боги послали! Можешь заглянуть в его сундук и прочесть, что он там пишет?

- Как я это сделаю, если ты сам говоришь, что он сундук не выпускает из рук.

- Сделаем так. Я завтра приглашу его к себе на обед и угощу вином. Он вино любит, выпьет много и уснет. Время у тебя будет достаточно.

- А как я открою замок?

- Это просто. Ключ он давно потерял, будучи пьяным. Сундук закрыт просто на крючок. Я сам видел.

Всё так и произошло. На следующий день Ивар лег отдыхать на палубе рядом с пустым местом Грумвольта и осторожно, приоткрыв крышку, вынул густо исписанный рунами свиток, сшитый из нескольких пластин березовой коры. Быстро прочитав

написанное (спасибо урокам деда Ложки!), он так же незаметно положил свиток обратно.

Вечером он рассказывал Диру.

- В свитке написано, что ты вместо найма воинов, тайно ведешь торговлю своими товарами и крадешь деньги, выделенные на угощение в селениях. Грумвольт записал, что ты не платишь задатки набранным воинах. Также там есть твои бранные слова на людях о Рёрике и его действиях.

Слушая это, Дир словно наливался кровью, отчего его лицо почти слилось по цвету с огненно-рыжими волосами.

- Спасибо, Ивар! Я поговорю с Грумвольтом. Может, мне удастся убедить его не ссориться со мной.

Утром следующего дня Ивара разбудили крики команды дракара, столпившейся вокруг места, где обычно ночевал Грумвольт. Самого его не было, исчез и его сундук. На овечьей шкуре, служившей постелью, растекалось красное кровавое пятно. Через минуту к Диру, рядом с которым стоял Ивар, подтащили паренька, взятого на последней стоянке. Паренек был худой и какой-то дерганный, совсем не похожий на воина. Увидев его в первый раз, Ивар удивился, как тот смог пройти проверку, в которую входила схватка на мечах, стрельба из лука и ножевой бой.

- Ярл, у этого парня руки и нож были в крови, - кричали приволокшие паренька воины Дира.

- Нам некогда вершить обычный суд, - скомандовал Дир, - связать руки и в воду его. Пусть Грумвольт сам разбирается со своим убийцей.

Ивар не успел и слова сказать, как паренек был сброшен в воду.

Вечером в Ивару подошел Дир. Сев рядом с Иваром на лавку, он незаметно для окружающих передал парню кожаный мешочек.

- Это твой задаток за будущую работу. Тебе забыли его отдать на берегу.

«Прав был дед Ложка. Здесь нельзя верить никому» - была последняя в тот день мысль засыпающего Ивара.

Еще через несколько дней пути, заполненных либо работой на веслах – если не было ветра, либо сонным ничего-не-деланием на палубе, ранним солнечным утром дракары подошли к пристани. Со стороны берега к самой воде подступали стройные вековые сосны, наполняя всё вокруг своим ароматом. Прозрачные волны Моря с приятным шелестом накатывали на прибрежную гальку и отступали, оставляя на гладких камешках пену, водоросли и запахи морских глубин. Кроме четырех дракаров Дира, у дощатых помостов пристани стояли несколько торговых лодей, на которых Ивар не увидел ни привычных суетливых купцов, ни снующих с тюками товара работников. На берегу возле причалов не было видно обычного торжища. Да и обычного для таких мест селения тоже не было видно. Выше кромки воды, у самой стены деревьев стояли несколько сложенных из крупных бревен хижин с земляными крышами, над которыми вился дымок костров.

- А где люди? Купцы? Это ведь их лодки стоят у причала? – Ивар подошел к Диру, наблюдавшему за выгрузкой своей команды.

- Здесь нет селенья. Только небольшой сторожевой отряд, стерегущий эту гавань. А купцы разгрузили свой товар и перевезли его на повозках к реке, откуда уже на других лодьях пойдут дальше, к Царьграду или, через Понтийское море, в Аравию. А эти лодки наймут другие купцы, которые будут возвращаться после торгового перехода.

- А наши дракары? – не унимался Ивар.

- Не наши, а – мои! - голос Дира, ступившего на эту землю, снова стал жестким, - Дракары будут стоять под охраной здесь. Неизвестно, когда и зачем они могут мне понадобиться. Ты собрался? Идешь с моей командой, теперь - с Твоей командой, ко мне на подворье, в Ладогу. Вон те двое, - Дир показал на отдельно стоящих у причала рослых воинов с мечами и копьями, - тоже идут с нами и будут служить в моей дружине. Остальные пойдут в Новый город, к Рёрику.

Пеший переход к Ладоге занял два дня, и это – без поклажи и обозов. Ивар легко освоился в отряде Дира, стараясь держаться воинов, с которыми плыл на дракаре. Из своего селения он один попал в этот отряд. Двое других новичков, Рулаф и Труан, были из других поселений и держались особняком, настороженно посматривая на Ивара, когда тот пытался с ними заговорить. «Видимо, тоже был у них свой дед Ложка, предупреждавший о необходимости быть осторожными» - думал Ивар, в который раз отгонявший от себя мысли о том, правильный ли он сделал выбор, сначала согласившись на предложение уехать на несколько лет от семьи, а затем примкнув к дружине Дира.

На пути несколько раз видели они людей, чаще детишек, собиравших что-то в лесу. Увидев отряд вооруженных воинов, те разбегались с криком – «Русы идут, русы!». Ивар попытался, было, спросить у кого-либо из воинов, почему их так называют, но те пожимали плечами, отсылая любопытного юношу к воеводе. Наконец, любопытство пересилило опаску перед вечно хмурым Диром, и Ивар, выждав момент, спросил.

- А почему они нас называют русами? Кто такие русы?

Дир помолчал, словно взвешивая свой ответ, потом нехотя ответил.

- Когда раньше приходили сюда с походами, они нас называли то норманами, то варягами, то виками, или викингами. От нашего слова «вик», то есть военный поход за добычей. Когда пришли

сюда по просьбе их правителей, нас стали называть русами. Вроде было такое племя на побережье Моря, славящееся своей жестокостью к побежденным. Когда ходим с торговлей, то дальние купцы тоже зовут нас всех русами, хотя с нами ходят и угры, и фины, и вятичи, и иные. Кроме степняков. Те торговать не любят. Только грабят.

Помедлив, Дир, оглянувшись по сторонам и убедившись, что их не слушают, тихо продолжил.

- Ивар, ты говоришь с моими воинами. Будь внимателен к их словам. Особенно про убийство Грумвольта и пропажу его сундука. Кажется мне, не всё здесь так просто.

Ивар и сам уже ловил обрывки фраз воинов о таинственной пропаже Грумвольта, но стоило ему приблизиться к говорившим или самому упомянуть имя пропавшего, разговоры тут же затихали. А однажды один из воинов, услышав от Ивара имя пропавшего, схватил Ивара за ворот рубахи и, вытащив наполовину из-за широкого пояса свой нож, прошипел.

- Молчи, парень, об этом. Если и сам не хочешь … стать пропавшим.

Ивар не стал ничего рассказывать Диру, решив для себя забыть эту историю.

Ладога оказалась обширным городищем. Стоящие на берегу озера хижины, склады и амбары были объединены общим бревенчатым частоколом, ворота в котором охранялись стражей. Воины стояли и на сторожевых башнях, стоявших вдоль частокола. Подворье Дира было в центре Ладоги, состояло из нескольких искусно построенных и украшенных замысловатой резьбой хозяйственных и жилых построек, тоже обнесенных бревенчатым частоколом. Эти брёвна были не такими мощными, как в стене всего городища, но явно могли сдержать напор наступающего врага. И ворота здесь были с крепким запором. И сторож стоял у

ворот, с мечом, копьем и щитом. «Словно хозяин всегда готов к нападению» - подумал Ивар.

Старые воины разошлись по своим местам. Кое-то из них, как успел заметить наблюдательный взгляд нового дружинника, остался в самом городище, не заходя на подворье. К оставшимся стоять посреди двора Ивару и еще двум новичкам подошел седоусый воин и показал рукой на длинное строение. Судя по ржанию коней, в одной половине строения была конюшня. Вторая половина, дорожка к воротам которой была усыпана сеном, служила, по всей видимости, сеновалом.

- Разместитесь пока там. Поесть можно у стряпух, - он махнул рукой в направлении большого, видимо, хозяйского дома, от которого действительно доносились запахи готовящейся еды.

- Потом вас найду, расскажу, как будете служить дальше.

Не дожидаясь вопросов, седоусый положил руку на рукоять своего меча и пошел дальше.

И потекла жизнь воина наёмной варяжской рати. Ивара взял в свои приближенные, а, следовательно, и в свой дом, сам Дир, которого воины называли то ярл, то князь, в зависимости от того, от какого племени морского побережья был воин. Варяжская дружина была вся из пришлых, неохотно мешавшихся с местным населением, хотя у некоторых из воинов уже были здесь семьи и жены из местных. Дружина не занималась хозяйственными делами, кормилась и обслуживалась прислугой, выделенной местным правителем, как и было оговорено с Диром. В задачу дружины входило поддержание власти правителя, подавление выступлений недовольных правлением или данью, защита границ владений от нападений воинственных соседей. С местным населением дружинники старались жить в мире, хотя знали, что в случае ссоры, или, даже кровавой разборки, правосудие правителя будет на стороне дружинника. Не любили их за это местные, хотя и признавали полезность присутствия варягов на своей земле.

У самих варягов тоже была своя система власти. Так, пришедшие с ярлом Рёриком вожди со своими дружинами, давшие когда-то клятву верности своему ярлу, должны были беспрекословно ему подчиняться, принимать участие в его походах, выполнять приказы и поручения. Но время точит даже камень. Многие вожди поменялись; были выбраны, по древнему обычаю викингов, новые предводители дружин. Даже из тех, кто давал когда-то клятву Рёрику, не все были согласны со всё более властным и требовательным ярлом, стремящимся к личной власти на всех землях, до которых могут дотянуться копья его дружин.

Таким недовольным был и Дир, которого верная ему дружина тоже прокричала «ярлом», то есть почти равным Рёрику.

Но что значит – почти, когда речь идёт о власти?

Прошел уже год службы Ивара в Ладоге, в дружине Дира. Войдя в совершеннолетие, юноша возмужал, оброс светлой бородкой. Он был уже опытным бойцом, побывал в нескольких походах по усмирению непокорных племен меря и чудь, завел себе хорошего коня, добрую броню с кольчугой. Дир выделил ему земельный надел недалеко от своего подворья, на котором местные мастера быстро и качественно возвели резной терем с хозяйственными постройками. Большую часть времени терем пустовал, поскольку Ивар был занят служебными делами, но проходя по пустым и светлым комнатам терема, Ивар мечтал о том, чтобы перевезти сюда свою семью.

Получая хорошее жалование и нередкие «подарки» от Дира, помимо воинских дел активно занимавшегося какими-то делами с купцами, Ивар сумел с надежным человеком передать матери письмо и увесистый мешочек с монетами, в который вошел и тот задаток, который Диру не удалось утаить тогда, на дракаре. Тот же человек, вернувшись, рассказал, что в семье всё хорошо, что подтвердила в ответном письме одна из сестрёнок. «Молодец, не забыла уроков деда Ложки! Сумела и письмо моё прочитать, и

ответ написать!» Ивар почувствовал, что его внутренняя вина перед домашними стала заметно легче весом.

Дир держал Ивара в своей личной охране, часто пользуясь грамотностью своего воина для тайной переписки со своими единомышленниками. Из этой переписки Ивар понял, что некоторые вожди хотят уйти от Рёрика и начать самостоятельное правление на землях южнее Нового города. Самому Ивару это было всё равно. Тем более, что и самого Рёрика он не знал и не давал тому клятвы на верность, как Диру.

У воинов того времени больше ценилась личная преданность, чем коллективная.

Из переписки Ивар знал, что Дир и его дальний родственник Аскольд, стоявший со своей дружиной в небольшом городище под Новым городом, сговорились отпроситься у Рёрика на самостоятельный поход на Царьград. Якобы, завоевание этого богатейшего города расширит владения варягов, принесет деньги в казну самого Рёрика. При этом заговорщики договорились просить ярла о том, чтобы в походе участвовали только дружины Дира и Аскольда, а основная дружина Рёрика оставалась охранять его нынешние владения.

В ходе этого похода заговорщики планировали либо взять Царьград, но оставить его себе, либо завоевать по пути какие-нибудь удобные земли и основать на них своё новое и самостоятельное владение.

Аскольд, чаще общавшийся с Рёриком по причине своего ближнего соседства, писал Диру, что Рёрик в последнее время ослаб здоровьем, чает оставить своему малолетнему сыну Ингвару огромное владение и потому с удовольствием воспринял идею присоединения к этому владению и Царьграда, что даст Ингвару еще и титул кесаря.

Со своей стороны, Дир, несколько раз бывший в Новом городе якобы по своим делам, добился встречи с Рёриком и в ходе беседы

как бы невзначай обмолвился о том, что его дружина решила на данный момент все спорные вопросы, сидит без дела и мечтает о каком-либо новом походе.

В ходе дальнейшей беседы Рёрик, тоже словно случайно, спросил у Дира, как тот относится к своему дальнему родственнику Аскольду. Зная о тактике ярла сводить для решения одной задачи двух противников, которые будут следить друг за другом, Дир ответил, что всегда недолюбливал Аскольда, и если бы не совместная служба…

Так или иначе, но хитроумный план сработал. На очередном большом военном совете ярл Рёрик объявил, что принял решение идти на Царьград. Эту задачу он ставит перед дружинами Дира и Аскольда. При этом хитрый Рёрик не определил, кто из них будет главным в походе, что, по его мнению, обострит противоречия двух вождей. Рёрик и его ближнее окружение, и прежде всего Ольгерд – Олег, рассчитали в целом, правильно – вожди либо перессорятся и уничтожат друг друга, что устранит из окружения ярла двух его оппозиционеров. Либо, если они сговорятся и возьмут или обложат данью Царьград, то подойдет большая дружина Рёрика и заберёт желанную добычу. А Дир и Аскольд могут и погибнуть при штурме….

Всё это Дир, уже не имевший секретов от Ивара и сделавший его своим первым доверенным лицом, рассказал во время их личной трапезы.

- Так что готовься, Ивар, делать большую опись военной добычи! – не скрывал своего ликования Дир, - я, конечно, понимаю, что двум нашим дружинам едва ли удастся преодолеть неприступные стены Царьграда, но надеюсь на то, что тамошний кесарь, узнав о походе на него войска Рёрика, попробует откупиться. А мы с этими деньгами… Что думаешь, мой молодой, но мудрый, друг?

- Мой ярл, прости за прямоту, но, если я этого не скажу, тебе не скажет никто. Узнав о приближение трех сотен варягов, кесарь, у которого около десяти тысяч постоянного войска и армии союзников - степняков, не будет откупаться, а только посмеётся. Мне больше нравится та часть вашего с Аскольдом плана, где вы хотите присмотреть по пути в Царьград какие-либо пригодные земли и осесть на них. И дружины сбережем, да и гнев Рёрика не будет столь страшен, как за украденное золото Царьграда. А золото мы потом на торговле возьмем…

- А что, Ивар, может, ты и прав... Надо этот вариант как следует обдумать с моим братом Аскольдом. Он завтра приедет. Ты тоже будешь присутствовать при этом разговоре.

- И еще. Искать пригодные земли с набитых дружинами лодей неудобно, да и некогда. А вот заранее послать по пути, да не реками, где кроме берегов, ничего не увидишь, а по земле, ногами, отряд небольшой в разведку, следовало бы. Чтобы всё узнал, разнюхал. А уж потом будете причаливать и решать, годное или нет.

- Ну ты - голова! Тебе и ехать. Отбери себе столько людей, сколько надо. Всё необходимое выдаст Рогвальд. Будешь готов – скажешь.

Рогвальд, тот самый седоусый старый варяг, который встретил новичков на подворье, заведовал всем хозяйством и командовал личной стражей Дира. Именно к нему и направился Ивар с вопросами о снаряжении разведывательного отряда. Уже получивший распоряжение Дира, Рогвальд помог Ивару составить перечень всего необходимого в дорогу

- Припасы повезете на запасных лошадях. Повозку не берите – застрянет в лесах. Сколько людей пойдёт?

- Дир решит этот вопрос сам, - здесь Ивар немного лукавил, поскольку получил разрешение самостоятельно набирать людей, и уже решил взять с собой Рулафа и Труана, тех воинов, что пришли

вместе с ним. Выбор был не случаен. Ивар понимал, что ему сложно будет командовать теми, кто пришел вместе с Диром и считает себя старшими по отношению к новичкам, а эти двое признавали старшинство Ивара. Но что-то удержало Ивара от окончательного ответа седоусому. Тот продолжил.

- Когда определите людей, можете зайти в мою оружейную, выбрать себе кое-что получше того, что у вас есть. Вот ты, Ивар, хоть у тебя и отличный меч, не хочешь взглянуть на мои запасы и подобрать себе что-либо еще?

И словно внутренний голос подтолкнул юношу.

- С удовольствием взгляну. Но меч не поменяю. Этот мне от отца достался!

Открыв огромный замок, Рогвальд с видимым усилием открыл толстенную дверь оружейной. В помещении не было окон, и в свете своих факелов вошедшие увидели блестевшие металлическими бляхами ряды щитов, связки мечей и кривых степных сабель. На стенах висели шестоперы, чеканы и боевые топоры. Какое-то оружие было свалено в углу помещения, но внимание Ивара привлекли копья. Вернее, одно копьё, которое сразу бросилось ему в глаза сверкнувшим в свете факела серебряным кольцом у наконечника. Это копье Ивар узнал бы из миллиона. Это было копьё его отца.

Он сразу протянул к нему руку, но был остановлен резким окриком Рогвальда.

- Это копьё не дам. Это – мой талисман, память о схватке, где Боги сохранили мне жизнь. Этим копьём суровый витязь из дальних стран чуть не убил меня, но Один отвёл его руку и позволил мне поразить его.

С трудом успокоив бешено бьющееся сердце и дыхание, Ивар стал расспрашивать о той схватке. Очевидно, эти воспоминания были дороги седоусому, были его личной сагой, легендой о

совершенном подвиге, и он с упоением, в мельчайших деталях стал рассказывать о том бое. Если отбросить все слова Рогвальда о себе, непобедимом и искусном воине, Ивар услышал, как всё было в тот страшный для его семьи день.

Отряд викингов во главе с Рогвальдом (если только он не приписал себе главную роль в том походе) заканчивал грабить очередное селение как раз в этих местах. Воины уже сносили в центр селения всю добычу, чтобы потом отвезти её на свой дракар. В это время в селение вошел другой отряд, явно с целью получить ту же добычу. Завязался бой, в ходе которого соперником Рогвальда оказался отец Ивара со своим копьём. Они рубились с переменным успехом, но скоро отец выбил у противника боевой топор и уже замахнулся, было, своим копьём, чтобы убить Рогвальда. Именно в этот момент что-то сильно отвлекло Отца (по словам Рогвальда, который счёл это заступничеством Одина, в одной из хижин громко заплакал ребёнок). Отец на мгновенье отвернулся, но этого хватило Рогвальду, чтобы воткнуть свой нож в спину Отцу.

- Я не стал брать его остальное оружие. Оно было в грязи, а меня колотило от волнения и радости от победы. Я взял лишь копьё, которое и храню, как память и амулет! – с гордостью завершил Рогвальд свой рассказ.

Ивар не стал ничего брать из оружейной, но весь оставшийся день его трясло от двух мыслей. «Отец обернулся на детский плач, потому что у него дома оставались маленькие дети, и он не мог не обернуться! Рогвальд вонзил Отцу свой нож в СПИНУ! Трус и подлец!»

Ивар уже решил для себя, что убьёт седоусого и заберёт копьё отца. Осталось решить, как он это сделает.

Вечером, успокоившись принятым решением, он сообщил Диру, что берёт с собой Рулафа и Труана, а также просит отпустить с ними Рогвальда. Нахмурившись сначала на имена новичков,

которых он недостаточно хорошо знал, Дир улыбнулся, услышав про Рогвальда. Тот был преданным лично ему, Диру, человеком, и точно сможет проконтролировать все действия его лазутчиков. Это было хорошее, с точки зрения ярла, решение.

Первая часть плана Ивара сработала.

Прибывший на следующий день Аскольд одобрил план, попытавшись, правда, внедрить в состав группы Ивара своего человека. Ивар, широко улыбаясь, сказал, что с радостью примет помощь от такого уважаемого человека как «ярл» Аскольд, но слишком большая группа может вызвать подозрение. Не столь хитроумный Аскольд снял свое предложение, тем более, что особого смысла в нем не было, кроме желания самого Аскольда быть во всем «на равных» с Диром. Особой любви между этими «братьями», как заметил Ивар, не было.

После выпитого первого кубка – за успех начинаемого – Ивара под благовидным предлогом отправили из трапезной, и оставшиеся яства «братья» доели сами, тихо о чём-то перешептываясь. Ивар не обиделся, пошел в поварню, где был щедро вознагражден не менее вкусной едой и более интересным общением с самой миловидной из стряпух. Общение на сеновале длилось всю ночь, а утром четверо конных викингов, ведя в поводу двух коней с поклажей, тихо выехали из ворот городища. Уже отъезжая, Ивар заметил Рогвальду.

- Что же ты не взял свой амулет, копьё с серебряным кольцом? Поход будет длинным, не простым. Можем сюда и не вернуться….

Седоусый молча развернул коня, вернулся к себе, и через некоторое время догнал их, уже с заветным копьём.

До самого Нового города они ехали, особо не таясь, поскольку это была их, по сути варяжская земля, где порядок поддерживался их дружинами, а местные правители, да и население, всецело зависели и потому побаивались русов, как их здесь называли.

Когда проходили мимо Нового города, Ивар удивился тому, что вопреки принятой практике возводить городище на одном, высоком, берегу реки, Новый город стоял по обеим сторонам реки, причем каждая половина городища была обнесена стеной.

Державшийся рядом с Иваром Рогвальд объяснил, что таким городище было построено еще до прихода варягов, давним местным князем Буривой.

- По легенде, которую я слышал еще в первый свой поход в эти земли, самого полянского князя Буриву варяги разбили, но он еще долго жил в какой-то глуши. А вот сын его, Гостомысл, породнился через свою дочь с варягами, и наш ярл Рёрик, как считают местные, и есть внук Гостомысла. Потому его и призвали сюда, - монотонно рассказывал Рогвальд, покачиваясь в седле, - А городище было построено по двум сторонам реки, поскольку на одной стороне с давних времен селились знатные да богатые, а на другой – купцы, ремесленники и «прочая чернь». И не хотели они смешиваться…

Рогвальд держался рядом с Иваром, поскольку считал этого молодого, но близкого к ярлу Диру воина ровней себе. Молчаливые Рулаф и Труан, хоть и получившие от Рогвальда неплохое оружие, не воспылали к нему тёплыми чувствами, и, беспрекословно выполняя все его поручения, не стремились к общению. Ивара это устраивало, поскольку по замысленному им плану убить Рогвальда он мог лишь один на один, в отсутствие двух других воинов. Их реакцию он предвидеть не мог, хотя и установил с ними неплохие отношения. Общение с самим седоусым убийцей своего отца было ему неприятно, и он постоянно ловил себя на остром желании вонзить нож в горло Рогвальда прямо сейчас. Но надо было выждать нужный момент...

А когда он настанет, этот нужный момент? Этого Ивар не знал, но тоже старался быть ближе к седоусому.

Двигаясь после Нового города вдоль реки Ловать, отряд вел себя осторожнее. Здесь была уже граничная территория, не подконтрольная варяжским дружинам.

Не привлекая к себе излишнего внимания и не заходя в поселения, казавшиеся Ивару неинтересными с точки зрения их последующего завоевания, отряд дошел до реки, называемой местными Славутич, или Днепр, и пошел по его течению вниз. Когда подходили к реке, чтобы набрать воды с высокого берега, то на другом, пологом, берегу часто видели степных всадников, как одиночных, так и отрядных. Опытный Рогвальд сказал, что эти степняки – половцы или хазары, высматривают купеческие суда, на которые потом устраивают засады.

- На отмелях или каменных перекатах они закидывают лодьи стрелами, цепляют их веревками, тянут к своему берегу и грабят – Рогвальд говорил уверенно, словно сам участвовал в подобном.

- Откуда знаешь? – с усилием спросил, стараясь быть спокойным, Ивар. Очень уж ему хотелось полоснуть мечом по морщинистой шее седоусого всезнайки.

- Ходили охраной с торговым караваном к Царьграду. Нас не трогали. Видимо, видели копья и щиты дружины. Но местные корабельщики и купцы про то рассказывали.

Так, за разговорами, дошли до небольшого селения, расположенного прямо у воды. Река здесь разливалась широко, и местные, видимо, не боялись, что до них доплывут или посекут стрелами степняки. С берега к воде спускались сходни, в саму воду входили мостки и пару пристаней, у которых стояло несколько лодок. Около лодок толпились люди с вещами.

«Да это перевоз! Хорошее место для городища. Да вон и само городище виднеется, и торжище есть. Надо бы подробнее разузнать…» - Ивар почувствовал, что они нашли что-то интересное.

- Значит так. Вы, - он обратился к Рулафу и Труану, - останетесь здесь сторожить коней. Мы с Рогвальдом пойдем на торжище, всё узнаем, да и еды добудем.

Оставив копья, боевые шлемы и щиты на своих лошадях (Ивар с тоской посмотрел на отцовское копьё), они взяли по мешку для снеди и пешком, не торопясь, пошли к торжищу, смешиваясь с толпой. Вид двух пришлых с мешками для покупок не вызвал к ним особого интереса, как и их неместный говор. Видимо, привыкли в этом бойком месте к чжакам.

Пообщавшись с одним из купцов, Ивар узнал, что называется то место – Киев перевоз, в честь первого поселенца, организовавшего здесь переправу. Другие бойкие люди, щеголяя друг перед другом своей осведомленностью, поведали, что Кий был первым местным князем, который вместе со своими братьями Щеком и Хоривом, а также сестрой Лыбедью, основали это городище. В доказательство они показывали на три холма, на которых виднелись постройки.

- Это и есть горы - Киева, Щековица и Хоривица, названные в честь братьев.

- А в честь сестры какую горку назвали? – позволил себе пошутить Ивар.

- В честь погибшей сестры назвали речку, что течет меж горами. Они, ведь, бедолаги, так и сгинули все вместе, то ли от хазарских рук, то ли от мора завезенного, не оставив нам князя – наследника.

- Кто ж правит вами? Кому дань платите?

- Дань платим хазарам, что живут на той стороне реки. А собирает дань и правит городищем наш староста.

- А много ли лодей торговых через ваши пристани и торжище проходят? – не унимался Ивар.

- Достаточно. Иной раз у пристаней и мостков места не хватает, по воде на плотах грузы возим… А вы чего всё выспрашиваете? Не соглядатаи ли вы хазарские? Или кесаревы? А ну, робята, хватай их, да на двор к старосте волоките! Там с них спрос будет!

Не ожидавшие такого развития событий Ивар и Рогвальд сначала опешили, но выручила бойцовская выучка. Бросив мешки, они обнажили мечи и встали спина к спине.

- Слушайте и молчите! – голос Ивара бы властен и громок, - мы – передовой отряд варяжского ярла Рёрика, сидящего в Новом городе. Слышали, наверно? Скоро он сам с дружиной будет здесь по пути в Царьград. Если нас не отпустите с миром, то наша малая дружина, что ждет нас в засаде под городищем, придёт сюда. И тогда – горе вам!

Горожан явно испугал грозный вид двух готовых к бою викингов, но еще больше испугала весть о двух варяжских дружинах, одной - стоящей в засаде под городом и второй - идущей к ним по пути в Царьград.

Похватав детей и самое ценное, лежащее на прилавках, горожане и купцы стремглав кинулись к городским воротам. Оставшись на обезлюдевшей торговой площади, варяги, не торопясь, собрали в свои мешки самое на их взгляд съедобное и вкусное и направились в ожидавшей их «в засаде малой варяжской дружине».

Идя за седоусым, который повесил свой туго набитый мешок на палку и шел, сгибаясь под его тяжестью, Ивар думал о том, что действительно нашел место, которое может устроить Дира и Аскольда и отвлечь честолюбивых «братьев» от бесполезного похода на Царьград.

Впервые за долгие дни похода вкусно и сытно поев, викинги, разомлев на ласковом днепровском солнце, почувствовали страшную усталость. Ивар, пользуясь свои старшинством, уснул

сразу же, положив голову на снятое с коня седло. Глядя на него, стали зевать и другие. Перед тем, как уснуть, опершись на своё копьё, Рогвальд успел приказать Труану быть в дозоре, а вечером разбудить Рулафа.

Если бы пирующие в Валхалле погибшие герои – викинги посмотрели вниз на своих потомков у берега Славутича, они бы увидели картину полного покоя, предвестницу бесславной смерти, как сказал бы Один.

Все спали. Ивар – лежа головой на седле; Рогвалью – сидя и опершись о копьё, Рулаф – просто лежа на траве, а часовой Труан – прислонившись к дереву и держа обнаженный меч на коленях.

Четверо хазарских лазутчиков, кагана которых предупредил староста Киева городища, тихо переплыли на лодке перевозчика реку и неслышно подкрались к месту отдыха варяжского отряда. Старшему из степняков каган настрого приказал не вступать в бой с викингами, а выяснить, где они и сколько их. Но увидев, что русов всего четверо, и они спят, хазарин решил, что привезет их головы кагану. А за этот подвиг каган ему подарит… подарит ему… Дальше он не додумал, потому что по его приказу один из степняков перерезал горло спящему часовому. Пустив горлом фонтан крови, Труан дернулся, и лежавший на его коленях обнаженный меч упал, звякнув о лежавший на земле камень. От этого звука моментально проснулись три других варяга. Меньше всех повезло Рогвальду. Пока он тяжело вставал, опираясь грузным телом на копьё, степная стрела пробила ему горло. Ивар и Рулаф сумели, перекатившись на бок, вскочить на ноги с мечами в руках. И началась рубка, кровавая и беспощадная, где вся жизнь человека, все его помыслы собираются в один сгусток желания. И это желание одно – убить противника!

Степняки – хазары прекрасно рубились своими кривыми саблями на конях, но пешими, да еще в лесу, они уступали привычным к таким схваткам варягам. Саблями можно только

рубить, да еще с большим замахом. Мечами же можно еще и колоть, да и для удара мечом нужен не большой замах, а большая сила. А сила у варягов была! К тому же булатный меч Ивара сразу перерубил две степные сабли, а с ножами, даже если свирепо при этом выть, биться против меча не получится.

Через пару минут яростной рубки два степняка лежали с разрубленными головами, еще один скулил, придерживая надрубленную руку. Рулаф теснил последнего из напавших, но Ивар не стал помогать ему. Еще обидится…

Он подошел к лежавшему на спине Рогвальду, из горла которого с бульканьем уходили кровь и жизнь. Рука седоусого всё еще сжимала копьё. Ивар буквально вырвал копьё из почти одеревеневшей руки старого варяга.

- Ты помнить того витязя, который чуть не заколол тебя этим копьём, и которого ты убил ножом в спину? – по открытым глаза Рогвальда Ивар понял, что старик его слышит.

- Это был мой отец! Я не буду убивать тебя, чтобы отомстить. За меня это сделали Боги. Но пусть мой отец знает, что он отомщён, его убийца мёртв, а копьё вернулось к сыну!

Ивар сел рядом с умирающим Рогвальдом, дожидаясь последнего всхлипа. После этого закрыл глаза убитого и сказал подошедшему Рулафу, которому всё же удалось добить своего противника.

- Его уже нельзя было спасти. Он отдал своё копьё мне. Интересно, а стрела в шею – это считается достойной смертью в бою, чтобы попасть в Валхаллу? Думаю, нет!

Добив подрубленного и скинув тела убитых хазар на песчаный берег (чтобы их видели степняки с той стороны реки), они сожгли по варяжской традиции тела своих убитых соратников. Рядом развели еще и третий костер, показывая условным знаком лодьям Дира и Аскольда место причаливания. Дымы поддерживали два

дня. На третий день варяжский флот пристал у Киева городища, заняв не только торговые пристани, но и почти весь видимый берег.

Сошедшим на берег Диру и Аскольду Ивар рассказал о том, как они с Рогвальдом нашли и обследовали это место, о коварном нападении хазар и гибели двух варягов. Стоявший рядом окровавленный Рулаф был подтверждением рассказа, как и тела убитых хазар на берегу.

Видя некоторую растерянность Дира и Аскольда, не знавших, с чего начать завоевание этих земель, когда нет открытого сопротивления, Ивар взял инициативу на себя.

- Хазары на нас напали явно по указке местных. Степняки плавать не умеют, и одежда на них была сухая. Знать, пришли на переправе. Переправа – у местных, из городища. Князя нет, есть староста. С него и спрос.

И был учинен допрос. Со всем тщанием. И признался староста, за что и был низложен. Совсем. При полном сборе народа, которому и объявили, что безвластию пришел конец. Князьями в Киевом городище дружина прокричала Дира и Аскольда. Когда дружина достала мечи, за новых князей прокричал и народ. Новые князья въехали в старостин дом, начав его перестраивать под свои, княжеские уже, потребности и вкусы. Вкусы у «братьев» были разные. Может, оттого и пошла на Руси мода на несимметричные дома, одна половина которых не похожа на другую. Условия сбора дани и её размер оставили прежними, но собирали уже не для хазар, а для себя. Степнякам это почему-то не понравилось, и они несколько раз приходили к новым киевским князьям. В случае невыплаты дани грозились хазары снова разорить все земли полонян (а теперь – и русов). Послам был заявлен решительный отказ, а последующие набеги отражались с переменным успехом. И даже Киево городище было неоднократно сожжено. Правда, быстро восстанавливалось в еще больших размерах и с более

мощными укреплениями. У Дира и Аскольда были уже дивно украшенные отдельные терема, правда в разных концах городища, что отражало растущее неприятие ими друг друга. Они по-прежнему делили поровну дань и прибыль от растущей торговли, но давно бы уже разбежались, если бы не необходимость совместно защищаться.

Хитромудрый Дир, помня легенду о том, что ярл Рёрик является потомком словенского князя Горемысла, а потому имеет наследственные права на Ладогу и Новый город, сразу установил хорошие отношения с родовой и купеческой верхушкой Киева городища, делая недвусмысленные намеки, что имеет в родне славянские корни, произрастающие от первого киевского князя Кия. Это же он говорил и навещавшим его царьградским купцам, и вскоре об этом уже заговорили на улицах, где создавались легенды и история места. Аскольд же, кичащийся своим варяжским происхождением, был в представлении киевского люда «приходимцем», чуждым местному населению.

Количество исконных варягов в их дружинах неумолимо сокращалось, и дымы их погребальных костров хорошо были видны торжествующим хазарам на той стороне Днепра. Плыть за пополнением в родные места у Моря, киевским князьям Диру и Аскольду было не с руки, и они решили, по примеру Рёрика, набирать в своё войско местных – полян, древлян и родимичей. Набор и обучение нового войска поручили Ивару, который уже был главным воеводой у Дира, и даже недоверчивый и подозрительный Аскольд одобрил это назначение.

Ивар с энтузиазмом взялся за обучение новых бойцов, которых привлекали к службе за хорошую плату, проводя такой же отбор, какой прошел в своё время и он сам. Молодые славяне были сильны и ловки. Хорошо метали стрелы, рубились на мечах. Самым сложным было научить их биться в так называемом варяжском строю, когда все воины держат одну линию и по команде закрываются щитами и копьями. Этот строй,

непобедимый для хаотично нападающего противника, когда-то помог не таким многочисленным варягам победить многие местные племена. Этому строю Рёрик и его воеводы обучали местные дружины, которых в бою выставляли вперед, щадя жизни самих варягов.

За два года проживания в Киевом городище Ивар еще больше возмужал и заматерел. Немного утратил юношескую подвижность и гибкость стана, стал кряжист и осанист. Бороду и усы он подравнивал снизу; голову, по местному обычаю брил, оставляя длинный чуб. Это украшение головы было удобно носить под шлемом, его легко было мыть и расчесывать от разной вредной кровососущей мелочи, обычной в походных условиях. У варягов чуб считался признаком силы и богатства хозяина, а местные шутили, что за этот чуб Боги вытаскивают погибших на поле брани воинов к себе, на небеса. Ивар хорошо освоил местный язык, называемый всеми местными словенским и даже стал понимать их грамоту, отличавшуюся от известных ему рун тем, что словенские знаки изображали звуки и слова, а не смысл и понятия, как руны. И даже дары он подносил местным богам, величественные деревянные истуканы которых стояли на капищах на вершинах и ветвистых полянах киевских гор. Справедливо полагая, что местные боги и есть явление признанных поморских богов местным жителям, Ивар не забывал по вечерам, отходя ко сну, благодарить Одина и Перуна, прося их позаботиться о Семье. Не имевший от неё вестей, Ивар иногда тосковал, но сам замечал, что было это всё реже и реже. Ему давно приглянулась одна из местных горожанок, помогавшая в лавке своего отца, купца и владельца суконной мастерской. Семья считалась зажиточной, и к выбору жениха для единственной дочери купец относился очень серьезно и придирчиво. Но перед величественным и состоятельным Иваром, имевшим к тому же титул воеводы и собственный дом в центре городища, не устояли ни купец, ни его дочь. Купцу неудобно было отказывать жениху, пришедшему просить руки его дочери с

богатыми дарами и десятком вооруженных воинов, а красавице Владе просто глянулась широкая улыбка и голубые глаза варяга.

После свадьбы, справленной по местным обычаям, с приношением даров местным богам Перуну, Велесу, Сварогу и Яриле (со своими Одином и Тором Ивар и его варяжские дружинники выпили отдельно), молодые переехали в собственный дом, через положенный срок наполнившийся криками их первенца.

Однажды, прогуливаясь и следя за порядком на торжище, Ивар увидел знакомое лицо купца, заходившего когда-то в его родное поморское селение. Разговорились. Купец вспомнил отца Ивара и был явно доволен, что в этом Киевом городище у него нашелся такой влиятельный знакомый. Он сказал, что примерно раз в год рискует пройти путем от Варяжского моря до Царьграда.

«Это очень сложный и опасный переход, но прибыль превышает все остальные торги» - с упоением рассказывал купец. За небольшую плату и помощь Ивара в устройстве его лодьи в удобном месте у причала купец согласился доставить семье варяга письмо и небольшой мешочек денег.

Примерно через год к Ивару подошел один из его воинов и сказал, что его разыскивает какой-то купец. Поседевший, с появившимся шрамом через всё лицо, знакомец Ивара поведал, что ему удалось добраться до того селения на берегу Моря и передать письмо одной из сестер Ивара.

- Мешочек с твоими деньгами у меня отобрали как плату за проход воины князя Ольгерда под Новогородом, и мне пришлось отдать твоей сестре свои деньги… - скулил купец.

Не слова не говоря, Ивар отвязал от пояса и бросил купцу кожаный мешочек со звякнувшими монетами.

- Ответное письмо привез? И кто такой этот князь Ольгерд? Когда еще пойдешь туда?

Поймавший казну на лету, купец начал с ответа на второй вопрос.

- Князь Ольгерд, а местные называют его – Олег, был правой рукой и главным воеводой достославного князя, то бишь, ярла Рёрика. После смерти Рёрика, Олег, являясь опекуном и наставником сына Рёрика, Ингвара, по местному – Игоря, взял власть на тех землях в свои руки и правит землями теми твердой рукой, сурово, но справедливо. Его варяжская рать, насчитывающая более тысячи обученных варяжских воинов, внушает страх всем соседям, и в уделе Олега царят покой и порядок. И ещё - князь и его воеводы подробно расспрашивают всех купцов о Киевом городище и твоих князьях – Дире и Аскольде, вашем войске и торговле через ваше торжище.

- И что ты ему рассказал?

- Правду! Что мне скрывать от Великого князя? Рассказал, что у вас пока мир с хазарами, живете вы сытно и вольно. Торговля идёт бойко, причалы забиты лодьями. Ваши князья, Дир и Аскольд, они ведь ходят под Новогородом, и, следовательно, под Олегом?

- Да, конечно… Где письмо?

- А вот, - купец передал Ивару небольшой свиток из куска кожи, - а вот назад я пойду не скоро. После Царьграда хотим идти через Понт в Арабию. А, если Боги позволят, еще и дальше, по великому Нилу. Буду проходить обратно, найду тебя.

Купец был бы не купцом, если бы не попросил Ивара о паре пустяшных, по его словам, услуг. Приказав своему воину помочь торговцу, Ивар поспешил домой, читать письмо.

Путаясь в рунах – либо он сам, либо сестра забыли уроки деда Ложки, Ивар прочел, что мать его покинула этот мир, как и их наставник дед. Сестры взяли себе мужей, и живут вместе в общине. Средний из братьев погиб во время большого шторма на рыбалке, младший же, Улаф, по стопам старшего брата пошел служить в

дружину ярла Рёрика. В конце сестра благодарит за те пару монет, которые ей передали от Ивара.

«Пару монет…Скотина купец. Увижу, еще один шрам поставлю» - дружелюбно подумал Ивар.

Но предчувствующий такое развитие событие купец, а у людей такой профессии хорошо развито чувство… солидарности, в тот же день отплыл, и никогда больше Ивар его не видел. К счастью для купца.

Связь с семьей с уходом матери у Ивара оборвалась. Но две мысли продолжали его терзать. Первая – ярл Ольгерд, он же князь Олег, явно проявляет интерес к Киеву городищу. С учетом характера Олега и мощи его войска это представляет очевидную угрозу. И уже не просто ссорящимся меж собой Диру и Аскольду, а самому Ивару и его семье, где недавно появился второй сын.

А вторая мысль – его младший брат, Улаф, служит в дружине князя Олега. То, что брат – воин, это хорошо. Но судьба может свести их в смертельной схватке, где только Боги будут решать, кому какой выпал удел.

Вечером, за субботней трапезой, на которую «братья» Дир и Аскольд традиционно собирали своих воевод и доверенных людей, Ивар рассказал о том, что ему стало известно и о своих предположениях в отношении князя Олега.

Дир и Аскольд, хорошо знавшие Ольгерда, еще в бытность того при ярле Рёрике, согласились с тем, что существует реальная угроза похода на них со стороны Новогорода.

- Если у Ольгерда – Олега действительно около тысячи воинов, то даже с половиной своей дружины он может разбить нас. У нас осталось не больше ста испытанных варяжских бойцов, а новая дружина еще не была проверена в бою. Нам нужны союзники, - почти кричал даже взмокший от волнения Дир, хорошо понимавший, чем грозит лично ему неповиновение старшему ярлу.

- Неизвестно, пойдёт ли на нас Олег, захочет ли класть головы варяжские в бою с такими же варягами. А если и пойдет, то не специально на нас, а наверняка на Царьград. А к нам заглянет лишь по пути. Выйдем им навстречу, покаемся, объясним, почему тогда на Царьград не пошли, а здесь остались. Силы, мол, не те были. Поклонимся дарами (чай, не обеднеем), да присоединимся к его походу, - осторожничал хитрый и трусливый Аскольд, - а то и вовсе, как увидим лодьи Олеговы, уйдем с дружиной в леса древлянские, или вообще к белым хорватам, к границе с Моравией. Полян местных Олег не накажет, а то, с кого дань потом брать. А мы отсидимся, а когда после похода рать Олегова домой отступит, или, что вернее, посечена будет войском кесаревым, мы и вернёмся.

- Нет, опасливый брат мой, отсидеться не удастся, а покаяние наше Ольгерд не примет. Тебе ли его не знать. Надо союзников искать. Выбор у нас не велик. Против Олеговой силы другая, не менее великая сила нужна. Таких всего две вижу. Хазары, которым тоже Олега бояться надо, либо кесарь царьградский. К кому пойдём союза искать? – обратился Дир к собравшимся.

Много тогда было споров. Каждый имел, что сказать, как в отношении вероломных и жестоких хазар, мечтавших вернуть их земли в число своих данников, так и против не менее хитроумных греков, чей кесарь ненавидел словян, не платящих ему дань, и при каждом удобном случае натравливал на них дикие соседние племена. Не выдержав споров, в которых его мнение никем в расчет не принималось, Аскольд покинул собрание, на что разгоряченные спорщики и не обратили особого внимания.

А напрасно не обратили и не проследили за действиями этого соправителя Киев-града. В ту же ночь отправил Аскольд гонца в Новый город с письмом к князю Олегу. Каясь в своем давнем клятвоотступничестве, Аскольд просил простить его и рассказал о планах Дира вступить в союз либо с хазарами, либо с кесарем против Олега, если тот замыслит идти в эти земли. Нахваливая земли полян и сам Киев-град, Аскольд по сути приглашал Олега

захватить эти богатые земли, имеющие весьма слабую охрану из сотни варягов и нескольких десятков необученных пока местных воинов.

«Я помогу тебе зайти в городище без большой крови» - писал Аскольд.

А не подозревающие об измене участники совещания у Дира приняли решение направить послов как в Царьград, к греческому кесарю, так и в Саркел, к хазарскому кагану.

Ивара Дир не отпустил в посольства, ибо тот один мог организовать оборону Киевского града. Послы, коими поехали знатные воины дировской дружины, получившие на время посольства титулы воевод, должны были сообщить кагану и кесарю весть о готовящемся походе князя Олега сначала на Киев, а потом – на них, попросить союза и даже предложить (хазарам) прежнюю годовую дань в обмен на военную помощь.

Посольства закончились ничем, если не считать отрубленной головы воеводы, поехавшего к кагану. Степняк не воспринял всерьез сведения о возможном походе Олега на каганат, посчитал оскорблением годовую дань за свою военную помощь и потребовал восстановить прежнюю вассальную зависимость полянских земель, с выплатой виры (штрафа) за недоимку дани. Когда гордый варяг с гневом отказался, ему отрубили голову и отправили в качестве ответа.

Принимая посольство в своем роскошном дворце в Царьграде, кесарь не был столь скоропалителен в решениях. Понимая реальность угрозы военного похода русов и достаточно зная о мощи варяжской дружины Олега, кесарь сделал для себя выводы о необходимости усиления обороны города и обновления союзнических отношений со своими вассалами и племенами в дикой степи. Посольство же отправил домой ни с чем, ограничась пустяшными ответными дарами Диру.

Не столько отказ хазар огорчил Дира – иного он и не особо ожидал, сколько смерть своего старого дружинника и ясно читаемое послание кагана, считающего русов в Киеве своими кровными врагами, а потому – остающегося смертельным ножом в почти не защищенном подбрюшье владений Дира. Да, именно Дира. Еще не зная о предательстве Аскольда, Дир понимал, что после решения вопроса с походом Олега ему надо будет радикально решать вопрос со своим «братом». Или даже не дожидаясь Олега…

Определившись с тем, что ему придется убрать Аскольда, но так, чтобы не восстановить против себя Аскольдову дружину, а в поддержке местной верхушки и населения, включая свою и местную дружины, он был уверен, Дир решил сделать это во время охоты, которую назначил на ближайший день.

Это было красивое и завораживающее зрелище. Под звуки рогов, одетые в легкие одежды дружинники, не занятые в охране городища и пристаней, лишь с луками, короткими копьями и ножами, гарцуя на конях вокруг Дира и Аскольда, выезжали из ворот, покрикивая на вышедших поглазеть на них горожан. Ловы в тот день были удачными. Загнали и подрубили стрелами несколько оленей и косуль, загнали семейство кабанов, главу которого, свирепого секача с угрожающе торчащими клыками забили копьями воины, охваченные охотничьим азартом. Затравленный и окровавленный кабан бросился на конного Аскольда, в пылу охоты слишком неосторожно приблизившегося к зверю. «Вот оно, вот! Помогайте мне, Боги!» - молил смотревший на схватку со стороны Дир. Но Боги спасли Аскольда. Один из его стражников бросился с коня на зверя и вонзил свой широкий охотничий нож прямо под кабанью лопатку. Видимо, нож попал в сердце. Хлынула, булькая кровь из раны и из открытой клыкастной пасти. Сразу застывшие глаза зверя тупо смотрели на охотников, восторженно приветствовавших этот героический поступок стражника, спасшего своего хозяина. Даже Аскольд, обычно сдержанный в эмоциях,

подъехал к стражнику и протянул тому свой богато украшенный охотничий нож.

Не в силах скрыть свою ярость, Дир подъехал к Аскольду и предложил тому отъехать пострелять уток. Еще под впечатлением схватки с кабаном, Аскольд согласился, знаком показав своей охране остаться и помочь со свежеванием кабана.

- А голову отрежьте и приготовьте мне на стену повесить! – Аскольд только теперь начал осознавать, что был на волоске от смерти. Дир, уже наложивший на тетиву стрелу, наконечник которой был смазан жабьим ядом, не оставляющим следов, завлекал Аскольда вглубь лесных зарослей, как к Ивару подскакал гонец и что-то сказал на ухо. Ивар кинулся к Диру.

- Сигнальные дымы на реке! Лодьи идут к нам!

- Какие лодьи? Сколько их? Есть ли княжеские стяги? – Аскольд тут же забыл про уток и повернул коня.

- Сигнальщики пустили три дыма. Было бы много лодей, пустили бы пять дымов. Могут быть и купцы, но для купцов уже поздновато… - Ивара терзала смутная тревога, причину которой он и сам не мог объяснить.

С досады метнув отравленную стрелу в гущу леса, Дир приказал свернуть лов и возвращаться в городище.

Въехали на подворье Дира, а именно он был зачинщиком охоты, и, по традиции, пир в честь удачного лова готовили на его подворье. Охотники, оставив коней и не меняя оружия, кинулись свежевать добычу и готовить костры с вертелами. Кто-то побежал выносить столы и выкатывать из подпола бочки с пивом и брагой.

Дир приказал Ивару:

- Иди на пристань. Проследи… И охрану проверь. Вели дружине в готовности быть. Да сам броню надень и меч возьми, охотник…

Когда Ивар прискакал, уже в полном воинском снаряжении на берег, к причалам успели закрепить две большие лодьи, а третья, уткнувшись в берег, уже ощетинилась сходнями. Лодьи походили на купеческие, но по бортам висели боевые щиты, груза на палубах не было видно, а мешковатые накидки сбегавших на пристань и по сходням на берег людей не могли скрыть их мечи.

- Тревога! Враги! – закричал Ивар.

Он видел, как малочисленная на пристани стража была моментально обезоружена или посечена «торговыми гостями» и понимая, что не сможет их остановить, хлестнув коня, поскакал к воротам, разбрасывая по сторонам хлынувших туда же горожан. Влетев в ворота, приказал запереть их. Спрыгнув с коня, взбежал на сторожевую башню, через оконце которой увидел, как сошедшие на берег «торговцы», сбросив с себя скрывавшие их доспехи мешковины, выстроились перед воротами в полном боевом снаряжении. Последними на причал сошли два варяга в сверкавших на вечернем солнце шлемах-шишаках и пурпурно-красных плащах. Ступив на землю, тот из витязей, что выглядел старше, громко прокричал своим воинам.

- Людей не рубить! Они нам не враги!

И, обращаясь в страже на стене, продолжил.

- Я – князь Ольгерд, называемый Олегом, из рода Рёрика. А это, - он показал на своего спутника, - Ингвар, сын ярла Рёрика. Требую открыть ворота перед вашими законными владыками. Жителей не тронем, хотим говорить с воеводами Диром и Аскольдом!

К удивлению Ивара, ворота открылись. Стражники, варяги дружины Аскольда, выполнили приказ своего воеводы и впустили Олега и Игоря в городище.

Видя такую измену, Ивар тихо спустился с башни и побежал к своему дому, тщетно надеясь защитить жену и сыновей. В

набежавшей толпе, а поглазеть на вхождение в городище прославленных варягов – русов Олега и Игоря, сбежалось почти все население, ему удалось пробраться на свое подворье. Облетевшая городище весть о том, что пришлые русы не будут трогать жителей, а хотят лишь разобраться со своими, всех успокоила. Разборки князей, они только князей и касаются. А русы – это же не хазары дикие, или половцы. Эти, вон, даже внешне на своих похожи. Все статные да красивые в своей сияющей броне. И уже ладные горожанки бросали лукавые взгляды на пришлых, а купцы подсчитывали будущую прибыль от такого числа покупателей…

Один из Аскольдовых дружинников взялся проводить «гостей» к терему Дира, сообщая по пути, что сейчас там, на подворье, все собрались, включая Аскольда.

Вокруг пришлых князей выстроилась их охрана. Так и вошли на подворье.

Опешив от неожиданности, все, бывшие во дворе замерли, даже те, кто крутил над кострами нанизанные на вертела туши оленей и косуль. Почуяв запах подгорающего мяса, Олег обратился к поварам.

- Чего замерли? Мясо упустите… Крутите, давайте. Дичина здесь не при чём. Тем более, она уже мёртвая, - и, обращаясь к терему, крикнул, - Дир и Аскольд, выходите! Суд ваш прибыл!

«Братья» вышли вместе, упираясь друг о друга плечами, чтобы не упасть от страха и волнения. Уже на крыльце Аскольд бросился на колени перед Олегом,

- Олег, князь наш! Я же тебе писал, я покаялся, всё тебе изложил. С радостью приму любую твою немилость! Но я – твой верный слуга, и всегда буду им….

Встав с колен, Аскольд попытался обнять Олега, но тут же согнулся и сполз на крыльцо. Вытирая о плащ Аскольда свой меч, Олег, скривив в брезгливой гримасе рот, сказал, обращаясь к Диру.

- Предатель, он и есть предатель. И никогда не будет иным! Что, киевский князь Дир, всё понял?!

Прочитав в глазах Олега свой приговор, Дир словно очнулся. Выхватив свой меч, он кинулся на Олега и Игоря с криком

- Бей их!

Два копья стражников тут же вонзились ему в грудь и отбросили назад. Верные Диру воины его дружины, бывшие во дворе, кинулись на дружинников Олега. Беда была в том, что их было мало, да и вооружены они были охотничьими ножами и подручной кухонной утварью. Воины Аскольда демонстративно побросали ножи и отошли в сторону. Через несколько минут схватка, а это было просто избиение безоружных, закончилась. Тела поверженных лежали в крови на земле, а разгоряченные бойней дружинники Олега смотрели преданными глазами на своего вождя, ожидая новых приказов.

- Идите и найдите других воинов Дира, или иных, кто окажет сопротивление. Если придут добровольно, приведите живыми. Не захотят, смерь им.

И воины кинулись в город, давя и разбрасывая по пути не успевших увернуться горожан. К одному из стражников Олега подбежал Аскольдов воин, открывший городские ворота. Что-то прошептав стражнику на ухо, он показал на дом Ивара.

Подбежав к подворью, стражник стал колотить в ворота рукоятью меча. Ворота распахнулись, и стражник увидел стоящего перед ним воина в низко надвинутом шлеме, полном боевом снаряжении, с копьем и мечом. Два бойца сошлись в смертельной схватке, стараясь держать равновесие на земле, ставшей сразу скользкой под начавшимся осенним дождем. Долго бой шел на равных, как это бывает у двух одинаково сильных и умелых воинов.

Вдруг в низко нависших над рекой и городищем тучах появился просвет, и вылетевший из него луч света словно высветил

фигуру Ивара, поднявшего меч и наставившего копьё на своего противника. Тот вдруг отошел, словно в забытье, и опустил оружие.

- Копьё отца! И его меч! Ивар, это ты?

Ивар тоже остановился, опустив копье и меч. Медленно сняв шлем, он долго вглядывался в своего противника. Тот тоже снял шлем.

- Не узнаёшь? Я – твой брат Улаф…Что ты здесь делаешь?

Ивар вглядывался в лицо брата, думая о том, что Боги уже посылали ему предчувствие этой встречи.

- Я защищаю мой дом, мою землю и мою семью…

В это время во двор забежали еще два стражника Олега. С криком – «Улаф, что ты здесь возишься?» один из них с силой метнул копье в грудь Ивара. Тот зашатался, упал на колени, а затем на спину. Склонившемуся над ним Улафу он успел шепнуть – «Брат! Мои жена и дети…»

Жена Влада и двое сыновей видели из светелки терема этот странный бой. Когда Ивар упал, они выбежали из терема и упали на грудь убитого отца и мужа. Влада, не помня себя от ярости, выхватила из-за пояса убитого мужа его боевой нож и хотела уже броситься на убийц, но тут увидела слезы на глазах стоящего рядом с ней на коленях воина, бившегося с её мужем.

- Это был мой брат! Мы не узнали друг друга. Он умер как герой, и душа его будет пировать в Вархалле! Теперь вы – моя семья…

Здесь записанное видение Матвея, вызванное прикосновением к узорчатому мечу, прекратилось. И Дэн не мог услышать, какие иные мысли заполнили тогда голову Матвея. И как одна из них, ярче других, долго не оставляла его.

Думал Матвей о том, что так закончилась одна история. История Ивара – варяга и русича. И началась другая, история Улафа

и его вновь приобретенных сыновей. А потом начались и следующие истории. И так – до наших дней. И потом, после нас, будут истории, но они будут уже совершенно иные. Не хуже и не лучше.

Просто – иные.

А тогда… Волны времени затерли боль и слезы. И жизнь продолжилась.

Не знаем, какой женой стала Влада младшему брату, да и стала ли она вообще его женой, несмотря на бытовавший тогда такой обычай, не позволявший разбрасываться родной кровью. Но сыновья Ивара точно стали сыновьями для своего дяди, и вырастил он из них истинных воинов, символом доблести которых стали семейные реликвии – копьё с серебряным кольцом и меч узорчатой стали.

А в Киевом городище тогда поставил Олег княжить Игоря - своего воспитанника и сына ярла Рёрика. А чтобы никто не сомневался в законном праве Игоря княжить, оставил тому большую часть своей дружины. И попросившегося остаться Улафа.

Сам же Олег вернулся княжить в полюбившийся ему Новый город. С собой забрал он выживших дружинников Дира и Аскольда. Очевидно, на перевоспитание. Или уже тогда понимали «власть-поимевшие» полезность регулярной смены своих силовиков. Чтоб не жирели и не обрастали лишним скарбом и связями.

Так и пошли первые Руси – северная, Новгородская, и южная, Киевская, она же Рюриковская. Потом эти Руси ссорились, мирились, роднились и воевали друг друга, чтобы стать в конце концов единой Русью. А уж чьи корни древнее, да главнее…Какое это имеет значение для основной массы русичей.

Живущих здесь и сейчас.

Через несколько дней, по приглашению своих друзей, Матвей вновь посетил известное ему место.

Сидящий на своём обычном стуле Дэн, выставив навстречу Матвею свои стоптанные кроссовки, тут же заговорил, словно продолжая ранее начатый рассказ.

- Не скажу, как, но нам удалось реконструировать кусок интересующей нас истории. Думаю, это то, что нас интересует.

И он нажал кнопку воспроизведения лежавшего на столе диктофона. Полившийся из динамика раскатистый мужской голос с характерным оканьем, откашлявшись, начал.

- Лаборатория ситуационного анализа. Группа номер шесть. Вариант исторического развития номер восемь.

Смута

Над накрытой утренним туманом речкой Московой забрежжило первое утреннее солнышко. Его еще робкие лучи озарили белые стены, окружавшие заповедный Белый город, средоточие богатых, ярко-расписных хором московских богатеев. Оберегая их чуткий утренний сон, даже петухи не смели прокричать в полное горло своё обычное приветствие новому дню, помятуя о своей возможной участи. Не зря по всему частоколу,

между птичниками и поварнями, были выставлены, словно бы для просушки, глиняные горшки, жаровни да корчаги.

Зато в Горшечной слободе, которая спускалась от границ посадских домов до самой реки и в которой лепилось да обжигалось всё это глиняное убранство для яств, петухи давно уж откричали. И даже воду мальчишки, да девчонки – подмастерья еще с затемна принесли на коромыслах из речки и залили в огромные ямы, обвязанные по стенкам ивняком. В эти ямы еще с вечера была свалена глина, привезенная из подмосковных раскопов. Там, в круговерти хитрых котлованов старые мастера отбирали и сортировали по надобностям разные сорта глин, которые и развозили по мастерским, да печам обжига, специальные повозки – глиновозки. Раньше отец отпускал Митяя проехать с глиновозами до карьеров и обратно, взяв с сына и погонщиков страшное слово не отпускать мальца одного в ямы, где жидкая глина могла затянуть не то, что маленького горшечника, но и саму повозку с ивовым кузовом и запряженной савраской.

Теперь же, когда Митяй подрос, его утреннее место было в яме с глиной, которую надо было вымешивать ногами до того состояния, когда отец признает её готовой для лепки. С Митяем месили глину два его брата и две сестры, которые в силу возраста, и, по мнению Митяя, своей бестолковости лишь мешали глиномесам. Когда глина в яме была готова, её несли в специальных квашнях в мастерскую, где быстро сохнущую массу надо было еще месить руками, постоянно поливая водой. Затем, нарезав глину как тесто, отец, мать и двое дядьёв Митяя творили из неё разные кухонные и поварские приспособы. Перед ярморочными днями и престольными праздниками горшечники лепили еще всевозможных игрушек, да свистулек, причем это считалось женским делом. Мужчины же должны были еще и обжечь весь товар в печи, а затем отвезти на специальной тележке отожжёный и уложенный в несколько рядов товар купцам, либо, напрямую, заказчикам из богатых домов.

К шестнадцати годам слабый и тщедушный с младенчества Матвей превратился в рослого широкоплечего парня, на которого заглядывались девицы и молодухи не только его Горшечной слободы, но и посадские красавицы. И даже на подворьях Белого города, куда Митяй привозил товар, с ним, жеманясь, заговаривали обычно гордые и неприступные дворовые да сенные девки.

Для таких походов с товаром Митяй обычно надевал свою праздничную кумачовую рубаху и менял обычные опорки на подкованные сапоги, которые ему отдал отец. Вот и в этот день, принарядясь и пригладив мокрой рукой волосы («надо бы тятю на картуз упросить!») Митяй выкатил полную товара тележку на дорогу. Множество тарелок, жбанов для питья, ковшов и прочего настольного обилия заказали отцу на подворье знатного московского боярина Капитона Собакина. Тогда, принесшая заказ дворовая девка Собакиных, разговорившись во дворе мастерской с Митяем, сказала, что много глиняной посуды заказывают по случаю сватовства к дочери боярина Насте сына польского пана Горецкого, Януша.

- А как тот Януш к нам приезжает, его охрана и друзья, мало того, что с нами охальничают, еще и всю посуду бьют. И каждый раз требуют им в новые чары наливать. Вот боярин наш и велел всё фряжское стекло от них убрать, кубки только оловянные ставить, а посуду всю на глиняную поменять, - ластясь к Митяю, ворковала девка.

Заказ был хороший, задаток боярин выплатил щедро, попросив лишь расписать посуду подиковиннее. Вот мать Митяя, да его сестрицы и постарались, разрисовав тарелки, да чарки, диковенными цветами и птицами. Уже подъезжая к подворью Собакиных, услышал Митяй за спиной свист, бешенный топот коней и крики убраться с дороги. Он не успел отодвинуть громоздкую тележку в сторону, как был сбит с ног ударом нагайки. Его тележка, гремя посудой, развернулась и загородила и без того узкий проход по улице, заполненной народом. Группа всадников

едва смогла сдержать коней. Лишь один из них, в меховой боярской шапке и отороченном мехом плаще, не смог остановить разгоряченного коня. Тот попал ногой в колесо тележки и сбросил седока. Разъяренный всадник, вскочив и вытащив саблю, кинулся на Митяя.

- Кся крев! Зарублю собаку! Запорю до смерти! Убить меня хотел! Чьих будешь, холоп?!

- Я не холоп, - поднимаясь с земли и отряхиваясь, ответил Митяй, - я вольный человек, горшечник. Вы разбили весь товар, должны заплатить. Все видели, как вы налетели.

Не слушая его, всадник бросился на него с саблей. Спешившаяся свита окружила его, вырвала саблю и принялась уговаривать. Митяй только слышал слова – «Вольный… Нельзя… Штраф… Царёв указ… Все видели...». Наконец всадник немного успокоился. Бросив Митяю золотую монету, он прошипел.

- Запомню тебя, смерд, холоп грязный! Кровью умоешься!

На шум из подворья выбежали люди боярина. Вышел и сам Капитон Собакин, с посохом, в боярской шубе и меховой шапке. Кинулся сразу к оскорбленному всаднику.

- Януш! Дорогой! Не сильно ушибся? Кто посмел!?

Свита Януша показала на Митяя.

- Вон, смерд, перегородил дорогу, чуть не убил молодого пана…

Собакин навис над Митяем.

- Ты кто? Пошто на моих дорогих гостей руку поднял?

- Митяй я, горшечник. Вам вез посуду к сегодняшнему пиру, да вот эти господа разбили всё… - начал оправдываться Митяй.

- Боярин, да ты никак нас на глине угощать собрался? Вот это радушие московское! Так вы дорогих сватов встречаете… -

загалдели поляки. И сам Януш, пришедший в себя после падения, приосанился.

- Не гоже, дорогой родственник! Ты ведь хочешь быть моим родственником? Не гоже так нас встречать…

- Да не так это, - заюлил боярин, - врёт он всё, наговаривает! Моя посуда, фряжская да италийская, на столах стоит, вас ждёт, - показывая за спиной свои дворовым знаки - бежать в терем и приводить всё в порядок, пытался успокоить гостей боярин. Сквозь настежь открытые ворота был виден богатый боярский терем, резной и красиво расписанный яркими красками. В открытом оконце светёлки второго этажа видна была красивая темноволосая девушка в нарядном кокошнике. Печально смотрела она на происходящее внизу, но сразу закрыла створку окна, как только боярин и галдящая вокруг него толпа поляков вошли на мощеное деревом подворье.

Когда поляки и дворня боярина ушли, к Митяю, которого сочувственно били по плечам и выражали своё сожаление собравшиеся прохожие, подошел тиун боярина. Осмелевший Митяй сунулся, было, к своему заказчику.

- Получить бы с вас. Мы заказ выполнили, да гости ваши все разбили. – И, вспомнив рассказ дворовой девки, озорно добавил, - всё равно бы они разбили…

Сжав кулак, тиун поднёс его к носу Митяя.

- Вот тебе, а не плата. Бога благодари, что жив остался. И не думай, что тебе это так с рук сойдет. Пан Януш злопамятен! Да и мы больше у тебя ничего заказывать не будем! Язык твой, поганый! Пошёл вон!

Раздосадованный Митяй вернулся домой. И хотя полученный от поляка золотой фряжский дукат с лихвой покрывал их расходы, жалко было свою работу, да и от отца получил Митяй по шее за то, что нагло разговаривал с тиуном боярина.

- Хорошего заказчика упустили… Теперь еще и слух про нас распустят, что заказчиков черним.

Ночью дом и мастерская загорелись со всех сторон. Выбежавшая из дома семья была посечена всадниками в черных одеждах. Не пощадили никого, ни взрослых, ни детей. Уцелел один Митяй, убегавший ночью к реке, на свидание с посадской зазнобой. Когда вернулся, помогавшие тушить соседи сказали, что всадники ругались по-польски.

Сердобольный сосед сунул Митяю кусок хлеба и посоветовал уходить.

- Узнают, что выживший остался – добьют. Иди, парень, спасайся. Твоих мы сами похороним…

Собрав в мешок какие-то крохи из не совсем сгоревшего, Митяй побрел в город, надеясь найти временный приют у кого-нибудь из знакомых купцов. Дверь никто ему не открыл, но один из приказчиков сказал «по секрету», что боярин Собакин пустил по торговым рядам весть о том, что семья Митяя и сам он - нечисты на руку, распускают свой язык и хулят заказчиков, а потому всяк, кто им поможет, навлечет на себя боярский гнев. Он же, приказчик, посоветовал Митяю искать ночлег и кров под стенами царева кремля, где издревле обитают такие горемыки. По указанному месту действительно горело много костров, вокруг которых сидели и лежали какие-то молчаливые люди в лохмотьях. Пристроившись у одного из костров и положив свой мешок и сапоги под голову, убитый горем и внутренне надломленный Митяй сразу уснул, забыв про голод. Проснулся от утреннего холода. Мешка под головой не было, как не было и подкованных сапог отца.

Злой, голодный и босой Митяй, устав болтаться по такой, ставшей вдруг недружелюбной Москве, присел у какой-то харчевни, из открытой двери которой аппетитно пахло готовящейся едой. «Не поем, так хоть надышусь. А потом пойду и сожгу подворье боярина Собакина!» - решил Митяй.

В это время он почувствовал, как кто-то положил ему руку на плечо.

- Паря, ты, видать ошибся местом. Это – царёв кабак, только для его слуг, опричников, - почти ласковым голосом сказал ему подошедший невысокий мужчина в черном плаще.

- Да мне всё равно! Вчера люди в таких черных плащах убили мою семью, и мне теперь жить не хочется! – как в горячке выпалил Митяй, чувствуя, что у него от злобы и голода кружится голова.

-Э, паря, а ведь ты сейчас глупостей натворишь. Пойдем со мной, пойдем, не бойся, - мужчина повлек Митяя за собой, в открытую дверь «царёва кабака».

Посадил Митяя за стол, от которого тут же отошли сидевшие там люди в таких же темных одеждах. Заказав еду, а Митяй заметил, как подобострастно обращался с его благодетелем целовальник, сам подбежавший их обслуживать, незнакомец стал подробно расспрашивать юношу о том, что произошло. Опьянев от еды и чарки медовухи, Митяй, неожиданно для себя, всё очень подробно рассказал. И о том, как шел с заказом к боярскому подворью, и о налетевших всадниках, и о том, как поляк хотел его зарубить, а потом пригрозил отомстить. О пожаре, во время которого черные всадники порубили его семью. О запрете боярина Собакина давать ему кров. Умолчал лишь о том, что нищие обокрали его, спящего.

Молча слушал незнакомец, лишь выпил три чарки водки, да закусил капустой.

- Так, говоришь, поляк Януш на тебя налетел, а потом всадники в таких черных плащах порубили твою семью? И ругались при этом по-польски? А потом боярин Собакин, к которому и направлялся этот Януш, велел тебя оговорить? Так?

Митяй кивнул.

- Поел? Молодец. Отведу тебя в дом. Помоешься там, отдохнешь. Потом расскажешь всё еще раз и подробно моему человеку. Он всё запишет, даст тебе подписать. Грамотен?

- Матушка учила. На Писании. Могу буквицы складывать и выводить их. Горшечники мы, посуду расписывали.

- Вот и славно! Потом еще поговорим…

В доме незнакомца Митяю дали помыться, бросили неказистую, но чистую и опрятную одежонку, сапоги. Потом пришел человек с бумагой и подробно, уточняя детали, опросил Митяя, показав, где поставить подпись. Не выдержав, юноша спросил.

- А кто таков мой благодетель? За кого Бога благодарить?

- Благодари за господина нашего, думного боярина Григория Скуратова – Бельского.

- А кто он есть?

- А есть он глава сыска всего нашего опричного войска и ведает всем делом пресечения измены государевой!

Оставив изумленного Митяя размышлять о своей судьбе, писарь вышел.

Два дня Митяй просидел под охраной в комнате, выходя или по нужде, или поесть в соседнюю светелку, из окон который была видна лишь колоколенка.

На третий день, вечером, его пригласили на трапезу к хозяину.

В небольшой опрятной горенке, за скромно накрытом столом его ждал сам господин Григорий Скуратов – Бельский, печально известный на Москве как Малюта Скуратов. Рядом с ним сидел еще один, чем-то похожий на Малюту.

- Кто я, знаешь. А это – племянник мой, Богдан Бельский, моя правая рука. Сначала - о твоих делах. Твоего обидчика Януша, как

сына польского посланника, мои люди тронуть не могли. Но его люди признались, что именно они в одеждах царёвых опричников владенье ваше подожгли и семью твою убили. Так на дыбе и отдали душу, упокой их, Господи…. Боярин Капитон Собакин, что еще и сродич мой оказался, но очень дальный, напрямую в преступлении не замешан. Жаль, не удалось доказать, что это он твой дом указал и мысль о переодевании убийц в наши одежды предложил. Давно у меня руки на него чесались, хотел сбить спесь с этого московского гордеца. Но, ничего, ничего… Глаз с него не спущу. Попадется еще…Пока же он предупрежден, что напрасно хулы на тебя и твою семью, упокой, господь, их души, возводил. Пошлет своих людей по городу оповестить о напраслине. У тебя прощения просит и кланяется этими деньгами, как возмещением за урон причиненный, - Малюта положил перед Митяем кожаный кисет со звякнувшими монетами.

- Можно деньги в церковь передать? Требы заказать за души невинно убиенных. В руки их взять не могу. Я имена после напишу…- Митяя слегка трясло от значимости момента и важности сидящих с ним за одним столом людей.

- Молодец! Я бы так же поступил. И тогда, второй вопрос – пойдешь ко мне служить? Я землю нашу от воров и разбойников чищу. Знаешь разницу между вором и разбойником? Нет? Так знай, вор – это изменник, руку на священную власть царя нашего поднявший. А разбойник – просто душегуб и убивец… Ну так как? Или один по земле покатишься? Но знай - ни к чему хорошему тебя одного не прибьёт. Решай! Будешь со мной служить?

- Буду! – зажмурив глаза, решился Митяй, понимая, что на самом деле выбрал жизнь.

- Добро! Тогда я вас покину, а Богдан тебе всё подробно расскажет и к делу пристроит. Будь здрав, новый царёв пёс!

Когда за грозным Малютой закрылась дверь, Митяй тихо спросил Бельского.

- А почему он меня псом обозвал?

- Да потому, что вся наша опричнина – это и есть свора царёвых псов, выгрызающих измену государеву и крамолу. И потому знак наш – собачья голова и метла, которой мы выметаем врагов и скверну. Сам Малюта, отец наш, себя «кровавым псом» называет, хотя и молится ежевечерне с самим царем. А устроены мы как орден монашеский. Сам Иоанн Васильевич устав наш писал и правит нами, аки пастырь стадом своим. Малюта наш начинал три года назад простым пара… параклисиархом.., - с трудом выговорив греческое слово, уже сильно подвыпивший Богдан Бельский удовлетворенно икнул, - то есть почти простым… монахом. А теперь! Владыка кнута, топора и дыбы, устрашение всех врагов наших!

- А много ли тех врагов? – до смерти напуганный Митяй сам удивлялся своим смелым вопросам.

- А половина государства нашего! Царь разделил Русь пополам, на земщину, где по своим законам правят ненавистные ему и нам бояре, и опричнину, земли в которой он отдал своим служивым дворянам, то есть нам. Так вот вся земщина и есть наши враги. И наша работа – всех земских бояр уличить и наказать, земли их вернуть царю, а людишек и барахлишко отдать служивым. То есть нам!

Опрокинув в себя еще чарку, Бельский внимательно посмотрел на Митяя.

- Ты где служить-то хочешь? В подвале при дознании, выпытанную правду записывать? Там еще надо книги сверять, описи учинять и бумаги для Совета писать…

- Нет. Пером не шибко владею, да и в подвалах сидеть не хочется, - Митяй сам не верил в реальность происходящего.

- И то правда. Молодец ты видный и плечистый, хороший рубака будешь. Саблей владеешь? На коне держишься?

- Приходилось! – соврал Митяй.

- Ну, вот и решили. Ко мне в сотню пойдешь. Как тебя кличут-то?

- Митяй. Горшечники мы.

- «Горшечники…» - передразнил его Бельский, - Забудь холопье свое прошлое. Будешь – Горшенин. Дмитрий Горшенин! Звучит! Еще и титло себе добудешь, коль усердие покажешь и саблей хорошо помашешь. Сколь годов тебе?

- Семнадцатый миновал, - прибавил себе один год Митяй.

- Недоросль? Не годится. Писарю скажешь, что уже осьмнадцать стукнуло. Кто проверять будет? А так тебя сразу на кошт поставят, коня и обряд весь дадут. По улице поскачешь, девки падать будут!

Так, в свои неполные семнадцать лет подмастерье – горшечник и сирота Митяй стал опричником Дмитрием Горшениным.

Сотня стояла на подворье Богдана Бельского. Всякий сброд, сметённый со всех уголков Руси на запах беспорядков и наживы, пил, жрал, безобразничал с дворовыми девками, согнанными из всех разоренных боярских усадеб. Лишь получив очередное указание Бельского «проучить или усечь в правах» какого-нибудь очередного столбового боярина, впавшего в немилость царю или верхушке опричнины, сотня бросалась в седла и с диким визгом, топча зазевавшихся прохожих, мчалась на расправу.

Митяя сначала не трогали, давая привыкнуть к «монастырскому» укладу. Бродя по замызганному подворью, он наткнулся на степенного Осипа, бывшего стрельца, явно случайно попавшего в этот вертеп. Разговорились, почувствовали родство душ, подружились…Осип научил Митяя огневому бою из пищали, показал приемы владения саблей. Он же посадил юношу на коня,

научил на нем держаться и даже скакать во весь опор, не сбивая коню спину и холку, а себе - то, чем садятся в седло.

Бельский, знавший всё и про всех, не препятствовал этим занятиям. Но через пару недель, когда по его приказу вся сотня взлетела в седла, готовясь к очередному «правежу», он приказал Митяю и Осипу присоединиться. С гиканьем сотня ворвалась в небольшую усадьбу, вытащили из теплой постели старых, трясущихся от страха, боярина и его жену, связали, кинули в повозку и увезли. А в усадьбе начался правёж! Стариков секли на месте, молодых вязали и уводили «в полон», девок при этом сильничали. Гребли из домов все добро, зерно и скот. Застывшим от ужаса при виде этого беспредела Митяю и Осипу кто-то из опричников крикнул.

- Не зевай. Хватай, пока само в руки идёт!

Но Митяй и Осип тихо выехали с уже пылавшего подворья. Так было еще пару раз. Теперь друзьям просто поручали сопровождать захваченных «изменников» в сыскной дом.

Размах беззакония, творимого опричниками, не мог не дойти до сведения царя, и Иван, хоть и прозванный Грозным, ужаснулся, опасаясь как кар божьих, так и возможности мятежа, явно назревавшего в царстве. К тому же боярам удалось нашептать на царское ухо, что само опричное войско, достигшее к тому времени, только по дворцовым расходным книгам, численности в 6 000 человек, может стать угрозой самому Ивану Четвёртому.

Повод и предатели, как всегда, нашлись быстро, и вот уже верный царю Малюта арестовал и допросил почти всю верхушку опричнины и самых рьяных из её участников. Летом 7080 года на Красной площади выставили более 300 жженых огнём и ломанных на дыбе бывших «царских псов». Лично пройдя перед строем осужденных, «великий царь и государь Всея… Великая и Малыя…» помиловал 184 человека, а 150 велел казнить «с особой жестокостью».

Видать, действительно была у царя способность видеть всех «насквозь».

Войско опричное было распущено, но хитрый Малюта удержался у трона и даже сумел укрепиться, выдав за в очередной раз овдовевшего царя свою дальнюю родственницу, дочь коломенского боярина Собакина, Марфу. Коломенский Собакин, вне себя от радости, что ему простили родство с московскими Собакинами, которых Малюта всёж таки достал, принял к себе счастливо избежавших дыбы и казни Митяя и Осипа, увезя их подальше от Москвы. Перед самым отъездом заехавший их проведать и поблагодарить, что не рассказали в пыточной о лихих делах своего воеводы, Богдан Бельский поведал Митяю, что Малюта сумел найти управу на московского боярина Капитона Собакина и обезглавить его. Правда, дочь Собакина Настя успела выйти за этого поляка и уехать из Москвы. «В тереме том теперь другие хозяева. Отмщен ты, Митяй!»

В следующем году на царство и на голову еще пребывающего в медовом периоде Иоанна Васильевича обрушился очередной поход крымского хана Девлет – Гирея. Набирая войско из поредевших стрельцов и наемных казаков, вспомнил царь о «недоказнённых» опричниках и велел Малюте «наскрести их по сусекам», да самому и вести на крымского хана. Так Митяй и Осип снова взяли в руки оружие и двинулись на крымчаков.

Жестокая битва развязалась близ местечка Молоди и длилась почти день и ночь. Полегло тогда много воинов с двух сторон. Хан отошел, признав поражение, но и русская рать под командованием славного боярина Воротынского понесла огромные потери.

Был порублен кривыми татарскими саблями бывший стрелец, «недоказнённый» опричник Осип. Получивший стрелу в руку и удар саблей по ноге, Митяй нашел своего изрубленного друга на поле брани и просидел с ним до конца, закрыв потухшие глаза. Последними словами Осипа были.

- Уходи, парень, подальше от царей и бояр. Найди покой душе своей. Я искал, да, видать, не сподобил мне Господь. Может, Там повезёт…

Митяй сам вырыл могилу и уложил в неё тело друга, воткнув в насыпанный холм земли связанный из двух палок крест. Рядом несколько казаков хоронили в одной могиле своих товарищей, завершив дело таким же крестом. Уходя, они позвали на тризну и Митяя.

Выпив по глотку из большой баклаги за упокой души убиенных, казаки продолжили свой, давно, видно, начатый разговор.

- Уходить надо, не медля. Обещанных денег, по всему видно, эти московиты всё равно не заплатят, да еще и вычтут за кошт да жжёный боеприпас для пищалей. А хуже того, погонят в очередной поход за свои нужды, под началом какого-нибудь своего дурака – воеводы. Сегодня же ночью и пойдём…

- А куда пойдете-то? – интересно было Митяю.

- Откуда пришли, туда и пойдем. На Гуляй – поле да наш остров, Хортицу.

- А чей это, наш? Чьих вы будете? – не унимался Митяй.

- А в том то и дело, парень, ничьих мы не будем. Мы – сами по себе. Живем по своим законам правды и свободы. Нет у нас ни царей, ни бояр. Своих старшин сами выбираем, сами и снимаем. Казаки мы!

- А чем живете? Землёй, скотом, ремеслом? – Митяю всё было интересно.

- Саблей живем!! Да пикой! Да конем!

- Разбоем, что - ли? Как наши опричники?

- Нет. Опричники ваши беспредел творят под царским именем. У нас же – общий для всех закон. Рабства нет. Все равны. А

кормимся тем, что сабли свои продаем то князьям, то купцам, то целые царства нас нанимают. Вот как сейчас ваш московский Иван нас нанял, но опять, чувствую, обманет.

- Ты-то сам, любознательный такой, откуда будешь? Как на войне оказался? По одежде – так не стрелец? Но рубился знатно!

И Митяй всё им рассказал. Думал, долго рассказывать, а оказалось – меж двумя глотками весь тот сказ уместился.

Казаки подумали, переглянулись, и старший их, с седыми уж усами, сказал.

- Иди парень с нами! Видим, судьба у тебя с нашей схожа. Да и по повадкам своим ты – казак! Не обещаем, что жизнь у нас будет сладкой, да долгой, но зато вдохнешь ты воздух свободы и не почувствуешь на себе рабского ярма. Пойдешь?

- Пойду! – решился Митяй, не сомневаясь в своем решении. Да и куда было идти ещё?

- Звать-то тебя как?

- Митяй. Горшечник, - решил назваться прежним именем, не зная, как посмотрят его новые знакомцы на явно московско-дворянское прозвище – Дмитрий Горшенин.

- Не… У нас так не годится. Будешь – Митько Горшок. И дай тебе Бог, чтобы браты просто Горшком звать не стали.

Так в третий раз окрестили Митяя. И чувствовал он, что не в последний.

Как и договаривались, ушли ночью.

Бестолковый после празднования победы над крымским ханом лагерь еще не ощетинился дозорами и рогатками, воины залечивали телесные и душевные раны, а воеводы сочиняли победные реляции. Было не до беглецов. Да и то – те бежали перед сечей, а после неё выжившие обычно делили трофеи, а не бегали от них.

Взяв по два коня, оружие и то немногое из провианта, что удалось забрать под предлогом закуски к праздничным кубкам, беглецы незаметно выскользнули из гуляющего стана и углубились в ночь, ориентируясь на звезды. Московии и её владыкам было не до них; надвигался голод вследствие нескольких лет недорода, население залечивало страшные раны опричнины, раскол переживала и церковь, наполнившая дороги и селенья раскольниками, попами – расстригами и их юродивыми последователями.

Ехали, особо не торопясь, берегли коней, давая им хороший выпас на неухоженных полях бывшей земщины, крестьян которых рьяные опричники успели перегнать себе в усадьбы.

Митяй, а теперь – Митько (о втором прозвище – Горшок, не вспоминали после того, как он в одиночку одолел трех посланных к ним «с проверкой» вооруженных слуг какого-то боярина, недовольного потравой своих полей), ехал рядом с походным атаманом Серком. Тот весь путь рассказывал о нравах и обычаях Запорожской Сечи.

- В Сечь нашу входят около двадцати кошей, в каждом из которых по 40 куреней. И атаманов мы выбираем на год – сечевого, кошевого и куренных. Если идем в поход, то выбираем походного атамана, как сейчас меня выбрали еще перед походом в Московию. Законы у нас суровые: за убийство – смерть, живым в могилу рядом с убиенным закапывают, за кражу руку рубят, задолжал кому – к пушке приковывают, и сидишь, пока не выкупят. Нашел случайно чужую вещь, вешаешь на столб и ждешь три дня, не объявится ли хозяин. Только потом эта вещь твоя.

В походе струсил или предал – смерть. Атамана ослушался – смерть. В плен мы не сдаемся и пленных не берём.

- А что за поход?

- Сечь живет, окруженная врагами. Поляками, османами и крымчаками. Для защиты от них и крепость на Хортице еще наш давний черкасский атаман Евстафий Дашкевич поставил.

Наша обязанность – ходить на вылазки против врагов, в разведку, защищаться от поляков, крымчаков и османов. Иногда, когда совсем обнищаем, идем кого-нибудь из них пограбить. Но раз в год собираем большую силу, до тысячи казаков, и на сотнях легких лодок идем к османскому берегу. Идем по лиманам, где их большие корабли с пушками не пройдут. Пробираемся сквозь турчинскую стражу и берем на меч какой-либо город. На добычу потом год живем!

Так, за разговорами, дошли они до Днепра. Несколько раз их окликали дозоры казаков, но атаманский бунчук атамана Серко и называемые им заветные слова позволили спокойно продолжить путь.

- Сначала на Хортицу сходим. Надо сечевому атаману всё обсказать, да и тебя представить. Потом уж к себе в курень пойдем.

Наняв на переправе за серебряный ефимок лодку, казаки приплыли на остров, где Митько увидел много хижин, по виду, мастерских и жилищ, напоминавших его собственное в Горшечной слободе.

- Это тоже казаки живут? – спросил он атамана.

- Не, то посполитые, крестьяне и ремесленники. Они тоже свободные, но платят Сечи налог и работают для казачества, за плату. У них есть семьи, а у казаков семьи нет. Клятву такую даём. Дети посполитых могут стать казаками, если нашу жизнь принимают и клятву дают. А казак, если женится, сам становится посполитым…

В центре острова часть построек была обнесена земляным валом со сторожевыми башенками. По гребню вала виднелись жерла пушек. Подъехали к воротам.

- Пугу, пугу! Козак с лугу! – громко крикнул атаман.

Ворота открылись, и отряд въехал на площадь, где камнями был выложен большой круг, стояла церковь и глинобитный дом под соломенной крышей, с белыми мазаными стенами. Сопровождавшие атамана казаки спешились и разбрелись по площади, направляясь явно не в церковь, а к двум корчмам, в дверях которых стояли, кланяясь гостям, подростки с вьющимися пейсами и с подносами в руках.

- Вот ведь зараза! Перед походом в Московию били их и прогнали с Хортицы. Так нет, опять появились, спаивать да долгами опутывать казачество.

- Ты о ком это, атаман?

- Да о шинкарях этих, жидах да поляках, что одно и то же и есть. Одно слово – шпЕкули!

Зашли в атаманский дом, причем стоявшие у входа охранники с пиками даже не пошевелились.

Кратко доложив сидящему за столом сечевому атаману, главным отличием которого была мерлушковая папаха и расшитая рубаха под накинутом на плечи кафтаном, о том, что выполнил его приказ и разбил крымского хана Довлет-Гирея, Серко сказал, что после победы денег ему не заплатили, и он принял решение вернуться в Сечь. Хотя, по его словам, и выходило, что победа была достигнута лишь благодаря его, Серка, мужеству и отваге бывших с ним казаков.

- Собаки – московиты! Но ничего, придут еще помощи просить, напомним, - засопел в усы сечевой. Глянув на стоящего рядом с Серко Митяя, спросил.

- Кого привел в Сечь?

Услышав хвалебный рассказ об «умелом рубаке и яром царененавистнике», мечтающем присоединиться к казакам, сечевой атаман приказал Митяю перекреститься, дать клятву на верность ему, атаману, и всему войску казачьему. После чего приказал атаману Серку поставить нового казака на кошт в своем курене и научить того всему, «что потребно знать».

Курень Серка располагался на правом берегу Днепра недалеко от города Умань. Уютный дом с белыми мазанными стенами под соломенной крышей был окружен полисадом с цветником. Дом окружали хозяйственные постройки, на одну из которых Серко указал Митяю.

- Жить там будешь, с остальными казаками.

К Серку тут же подбежала миловидная женщина в расшитом переднике. За руки её держали двое детей, радостно кричащих при виде атамана. Все трое стали ластиться к атаману, который нарочито сурово отодвигал их.

- Ну, будет! На людях неудобно. В хате поговорим…

На недоуменный взгляд Митяя – «А как же безбрачие казаков?» Серко, хмыкнул в усы и тихо, чтобы не услышала женщина с детьми, произнес.

- То не жена… Так, приблудилась, с детьми… Не бросать же…

Судя по пронзительному взгляду женщина, она услышала эти слова. А судя по тому, как она подпёрла руками свои пышные бедра и передернула плечом, была намерена обсудить их дома, наедине со своим «немужем».

И потекла жизнь «козацкая». Если не было разъездов и дозоров, казаки с утра до вечера работали на подворье, получая дважды в день по миске варева, правда, с хорошим куском пшеничного хлеба, иногда – мяса и лука. Митька приодели в

расшитую рубаху, широкие синие шаровары, мягкие сапоги. Выдали кафтан – «на весь срок службы!» и шапку, верх которой лежал на плече. Голову казаку остригли, как положено, - с длинным чубом – «шоб было, за шо атаману таскать!». И стал Митько «щирым козаченькой».

Работа его особо не напрягала, дозоры были в радость и упоение, кормили хорошо. Казаки куреня были дружными, любили погулять и попеть. По вечерам Митько и еще пара молодых казаков ходили в ближайшее поселение, где были мастерские и жили хорошенькие панночки. Среди мастерских была и горшечная, и проходившему мимо Митяю часто лезла в голову мысль – «Бросить это казачество, жениться на местной красавице и завести себе горшечню!». Но подумав о необходимых на это деньгах, утрате личной свободы и лишении регулярного кошта – оплаты его службы в натуральном и денежном виде, Митько отбрасывал ненужные мысли.

Близость к Польше давала о себе знать. Серко требовал к себе обращения «пан атаман», деньги называл «пеньонзами», одевался как поляк и хотел тех же прав, какие имели польские паны на своих холопов. От набегов и грабежей польских городков и местечек он воздерживался, хотя окрестных «жидочков» держал в страхе, и, как говорили подвыпившие казаки в курене, кормился с них. Не столько Серко, сколько его «нежена», были скуповаты, но на коште для казаков не лукавили. Понимали, кто их может защитить, либо предать в это неспокойное время и в таком неспокойном месте.

В году 7090 от сотворения мира, а именно так считались тогда года на Руси, решил польский круль Сигизмунд Второй Август принять на свою службу до 300 вольных казаков, дабы закрыть этим уже регулярным войском свои границы от крымчаков и турок. В «Войско его королевской милости Запорожское», сделали набор, вписав казаков в реестр. Так вольные ранее запорожцы разделились на реестровых и сечевых, то есть, с точки зрения поляков, диких. И сразу начались раздоры между ополяченными

реестровыми, получавшими регулярную оплату от Кракова и участвующими во всех польских походах, и вечно голодными и недовольными сечевыми.

Курень Серко вошел в реестр, что окончательно привело к ополячиванию атамана, утвержденному в своей должности уже решением польского сейма. Своих прежде вольных товарищей – казаков из куреня он всё чаще называл холопами, заставляя их больше работать. Правда, бить пока опасался. Уже дважды он водил свою сотню под польскими знаменами против крымчаков и, что совсем не понравилось Митяю, против смоленских полков. Правда, в этом походе Митько с товарищами всю битву просидел в засаде, мучительно думая о том, стал бы он рубить своих.

Через некоторое время после включения в реестр, Серко поехал в польскую столицу, Краков, на созванный Сечевой круг Запорожского войска. С собой он взял Митяя, как своего хорунжего и адъютанта. Серко, как и его соратники по реестровому войску, надеялся, что на Круге им, наконец, объявят об обещанном и ожидаемом уравнивании в правах казацкой «старшины» со шляхетским панством. Но вероломные поляки их опять обманули, выдав лишь очередные патенты на казачьи должности.

Потом был роскошный пир, накрытый на деньги богатейшего магната Польши пана Вишневецкого, пытавшегося таким образом переманить казаков на свою сторону в борьбе за польскую корону.

На пиру разодетые по последней европейской моде поляки упражнялись в витиеватых тостах и галантности обхождения, откровенно насмехаясь над мужиковатыми и лишенными манер казаками, напрасно стремящимися сравняться в правах с великолепными потомственными шляхтичами. Потом начались словестные перепалки, быстро переходящие в ссоры и хватания за грудки. Видя, что казаки сегодня явно не перейдут в лагерь его сторонников, сам Вишневецкий тихо улизнул с застолья, благодаря Бога за то, что всех участников перед входом в зал заставили сдать

оружие. Но, зная горячность и тех, и других, а также боевые навыки казаков, Вишневецкий, выйдя из своего дворца, немедленно послал гонца к командующему польской армии с просьбой прислать полк конных королевских рейтар, способных своими доспехами, пиками и тяжелыми лошадьми сдержать участников возможной свалки.

Сидя на самом конце длинного стола и наливаясь злостью к желчным полякам, Митяй вдруг услышал знакомый голос, ругавший Московию и её жителей.

- Всё, что есть хорошего в вашей грязной Московии, пришло от нас, поляков, - кричал сидевшим напротив него казачьим атаманам какой-то разодетый поляк в огромном парике, - Все ваши высокородные бояре имеют польские корни. Все эти Трубецкие, Воротынские, Пожарские, Шуйские, они все от нас вышли. И даже знаменитый Малюта Скуратов, наводящий ужас на всех, включая вас, якобы бесстрашных казаков, и тот наш! Он шляхтич по происхождению, из старинного рода Блесских! И назвали его при рождении – Гжеш! Гжеш Блесский всех вас в кулаке держит, вот так! – поляк начал махать своим сжатым кулаком перед каменными лицами сидящих напротив казачьих атаманов.

Один из них, огромного роста и могучего сложения, - Митяй знал его как атамана Медведя, медленно встал со скамьи. Сжав одной рукой кулак поляка так, что был слышен хруст польских костей, второй рукой он сорвал парик с его головы.

- Не гоже, вельможный пан, сидеть за столом в шляпе, да еще на такой дурной голове!

Началась суматоха. Со своих мест повскакивали и поляки, и казаки. Вспомнив, что они безоружны, похватали со столы все ножи, вилки, металлическую посуду, и бросились друг на друга

Митяй узнал поляка без парика. Это был его давний обидчик Януш Горецкий, убивший его семью. Не помня себя от ярости, Митяй схватил со стола огромную вилку и кинулся на Горецкого.

Тот, явно не понимая, кто хочет его убить, сначала увернулся, потом схватив со стола огромное серебряное блюдо, стал загораживаться им как щитом.

- Януш, сын, уходи! Я прикрою тебя! – на помощь Горецкому – младшему спешил на помощь пожилой шляхтич. В его руке был меч, который он, очевидно, сорвал со стены залы. Размахивая мечом, он шел прямо на Митяя и разрубил бы того, если бы ему самому в спину не вонзился нож. Атаман Серко, сдавая при входе в зал саблю, «забыл» сдать свой нож, носимый по боевой привычке за отворотом сапога. Видимо, постеснялся простой деревянной рукояти ножа на фоне всех тех изукрашенных сабель и боевых ножей, которые сдавали щеголи – шляхтичи. Вот нож и пригодился.

Выхватив меч из рук падающего на пол пожилого поляка, Серко перебросил его Митяю, а сам побежал в зал на помощь своим казакам. В два прыжка нагнав Януша в какой-то призальной комнате, где поляк пытался скрыться за пологом, Митяй сначала рубанул того мечом по ногам, а когда, обливаясь кровью, поляк упал, приставил меч к его горлу.

- За что? – только и успел прошептать поляк.

- За семью горшечника, которую твои люди порубили в Москве, - казак вонзил меч в горла Януша Горецкого. Странно, но успокоения он при этом не получил, хотя ему всегда казалось, что именно месть держала и вела его в этом мире. Бросив непривычный ему меч рядом с телом, Митяй поспешил на помощь своим.

Свалка в зале уже почти закончилась. Казаки, владевшие приёмами рукопашного боя, обезоружили шляхту и покидали её в лестничный проем. Затем спокойно вышли из дворца и сдались окружившим дворец рейтарам. Выступив вперед, атаман Медведь показал наставленным на него пикам свои руки.

- Нет у нас оружия. Ваши еще там сидят, доедают. Сабли – то наши верните… Не очень-то вы хлебосольные.

Кроме двух убитых, были покалечены еще много шляхтичей, но официальное разбирательство учинено не было. Во-первых, в Польше началась очередная свара за трон. А во-вторых, арест и допросы атаманов Запорожского войска мог привести к мятежу этого самого войска, а увидеть три сотни разъяренных казаков под стенами королевского Кракова и в своих усадьбах высокородным панам совсем не хотелось. Придя к решению при первом же удобном случае отправить казаков в самую кровавую мясорубку, сейм проглотил обиду и «милостливо» разрешил атаманам уехать к своим куреням.

Покачиваясь в седлах по пути домой, Митяй, по просьбе Серка, рассказал ему о причине своей ненависти к убитому поляку и еще раз поблагодарил за помощь.

- Не на чем, - ответил атамана, поглаживая рукоять ножа, занявшего свое обычное место за голенищем сапога, - вот он, спаситель. Не раз уж пригождался. И тебе советую. Ты знаешь, у нас, у казаков есть такие особые бойцы – мы их называем характерники или заморочники, так они без оружия любого оружного завалят и всякие бойцовские ухватки бесовские знают. Так они нас раньше учили и наставляли, что ухватки ухватками, но острый нож надо всегда при себе иметь. Хоть куда его засунь, но в нужную минуту нож должен быть при тебе

- Атаман, а правду поляк сказал, что Малюта Скуратов польских кровей?

- Точно того не знаю. Тебе видней, ты же москаль. А слухи такие у нас ходят. Да Бог с ним, кто каких кровей! У нас в казаках всякие есть… Главное, каким ты стал, и что у тебя в душе!

- Ты же хотел поляком стать. Как теперь, станешь?

- Не поляком стать, а то ценное, что у них в их Речи Посполитой есть, к себе примерить! Отстать, прилип, как лишай. О себе лучше подумай!

И опять потянулась лямка служивой жизни. Казацкая старшина так же тянулась к панским привилегиям, наследственным наделам земли и холопам, сечевики так же ненавидели и завидовали реестровым. И все ждали большого похода или войны, предвестники которых так явственно витали в воздухе.

И снова всё началось с Московии.

Трехгодичный недород и последствия смуты привели к тому, что многие помещики южных областей Московии не хотели кормить крестьян и гнали их со своих земель. Толпы обездоленных пошли по дорогам и поместьям, грабя и воруя. Появились у них стихийные вожди, нашедшие слова подхода к этой голодной и обезумевшей массе людей. Одним из таких был некий ХлопОк Косолап, то ли беглый стрелец, то ли бывший казак.

Знающий оружие и тактику ведения боя, он сколотил небольшую армию, сумевшую разбить посланный за их головами отряд стрельцов под командой опытного в военном деле боярина Басманова. После чего стихийная армия Хлопка пошла на Москву, требуя «хлеба и порядка».

Однажды в курень Серка прискакал взмыленный казак.

- От Медведя, - буркнул он и свалился с коня. Придя в себя, рассказал, что шляхта всё-таки учинила расследование убийств на пиру у Вишневецкого и докопалась, что Горецких, и отца, и сына, убил хорунжий атамана Серого, некто Митько.

- Сюда направлен конвой рейтар, я обогнал их на полдня.

Атаман Серко немедленно покидал в мешок всё съестное, что было на столе, протянул Митяю свой пистоль и нож.

- Бери, мне он теперь только лишний! Бери коня и уходи в Московию. На тех землях паны не достанут. Слышал, там у вас новый вожак объявился, Хлопок. Вроде из наших, я встречал, мнится мне, кого-то с таким прозвищем. К нему иди под своим

старым именем. Про то, что у нас был, молчи. В Москву не ходи - бояре выдадут.

Спокойно пройдя казацкое Дикое поле, где помогло знание «заветных слов», Митяй углубился в тревожные земли Московии.

На второй день заночевал в скирде перепрелого сена, под зарево горящих в округе то ли усадеб, то ли неубранного жита. Проснулся от удара по голове, спутанный по рукам и ногам.

- Проснулся, царев лазутчик! Чего же ты без харчей в дозор пошел? Хорошо, хоть конь есть, да оружие справное. Ничего, атаман с тобой разберётся, - трое бродяг деловито обшаривали Митяя.

- Я не лазутчик. Ведите меня к атаману Хлопку. У меня к нему послание от атаманов Дикого поля. И развяжите меня.

Развязывать руки не стали, но присмирели и на его же коне отвезли к уцелевшему господскому дому в центре разоренного поместья. Посреди господской, под образами, на резном стуле и в барском халате сидел бородатый мужик с трубкой. Дыма не было, видать, взял трубку просто так. Для форса.

- Ну, кто таков? Что делал в поле?

- Я – Митько. От запорожского атамана Серка. Знакомец он твой. Послал меня к тебе узнать, тот ли ты ХлопОк, что с ним братался. И если так, то не нужна ли тебе какая его помощь с Дикого поля, - рисковал Митяй, но другого пути не было.

- Ну да... Кажись, был такой… Серко…Вроде братались с атаманом, - скорее для своих людей, толпившихся в комнате, говорил Хлопок. Престижно ведь быть побратимом атамана, да еще и предлагающего помощь, - так сколько, говоришь, людей сейчас у Серко?

- Две сотни казаков, да другие курени поддержать готовы, - отступать Митяю было некуда.

- Хорошо. Видите, сколько у нас силы? – обратился Хлопок к своим, хриплыми голосами поддержавшим своего вожака, - пока казаков не надо. Сами только что стрельцов царевых разбили, так что даже оружие есть. Ты ведь пока у нас останешься? – с подозрением обратился он к Митяю.

- Если не прогонишь. Атаман Серко сказал пока при тебе быть, а как помощь потребуется, известить его.

- Оставайся. Нам такие казаки нужны. Эй, верните ему оружие… Федька, Бурый, присмотрите за ним, а то мои люди к незнакомцам с опаской относятся. Неровен час, обидеть могут…

Оружие возвращать Митяю не спешили, но посадили в запертую комнату под надзор двух дюжих угрюмых мужиков. Видно, не очень поверил Хлопок в сказку про атамана Дикого поля, когда поддерживающие восставших местные крестьяне сообщали, что стрельцы разбитого царского воеводы Басманова не разбежались, а собирают силы вокруг лагеря «разбойников». Если вечером накануне своего пленения видел Митяй лишь сполохи далёких пожарищ, то теперь в оконце его светелки зарево пожарищ не затухало ни днём, ни ночью. Днём он слышал, как с подворья разъезжались и расходились люди Хлопка, да и сам он с отрядом своих вооруженных людей под вечер уехал на нескольких подводах. Дом опустел, стал гулким и чутким к звукам. Легший, было, спать Митяй, которому перед этим принесли краюху хлеба и жбан молока, чётко услышал разговор своих сторожей, сидевших в соседней комнате.

- Хлопок, кажись, совсем ушёл. Одних нас оставил с этим сидельцем.

- Да куда ему идти – то, со всех сторон стрельцы окружили. По всему видать, хана Хлопку. Эх, недолго мы покуражились… Но барина своего, да старосту его, я успел подрезать. За все порки отомстил. А девок их попользовал… Сильно кричали, когда потом ножиком... того…

- Живодёр ты, Бурый. У самого, поди, дети были.

- А и были. Сынов барин Демидовым продал, на Урале в шахтах каменных гнить. Не ведаю, живы ли… А дочек барин к себе забрал, в наложницы свои. Слушай, Фёдор, нам-то што делать? Здесь стрельцы накроют, точно убьют. А если еще и этот сиделец – из царских, то вообще хана, на дыбе изломают.

- Давай его придавим, да тихонько и уйдем.

- Куда уйдем? Здесь кругом стрельцы…

- Думаю, сначала в Дикое поле пойдем. Оно огромное, низовья Дона, Волги и Днепра занимает. Там много наших людей свободу ищут. Они не выдадут, а степняки – не бояре. В худшем случае – в рабство продадут. Но мы к рабству и здесь приучены. А как уляжется всё, можно за Урал двинуть, в Сибирь, страну Беломорье искать.

- Старый ты уже, а всё в сказки веришь. Беломорье… Нету его и быть не может. Да и не уляжется у нас никогда. Так было, и так будет – то одна замятня, то другая. Но с сидельцем ты прав. Давить его надо. Вишь, и Хлопок ему не поверил. Давай, как луна выйдет…

Слышал всё это Митяй, и спина потом холодным покрывалась. «Мужики – то здоровые, да и оружие моё у них». И тут он вспомнил про нож. Тот самый, что атаман Серко ему отдал и велел всегда при себе держать. Хорошо, не в сапог положил, что нашли бы обязательно, а на длинном шнурке вдоль тела подвесил, и к бедру с внутренней стороны привязал. Достав, Митяй почувствовал облегчение. Всё не как овцу безропотную душить будут. Держа в руке нож, Митяй всё думал, а зачем атаман ему отдал именно этот нож, хотя в его хате были и другие. И понял – от улики избавлялся атаман, ибо нож могли опознать бывшие тогда на пиру у Вишневецкого, а так и ни ножа, ни Митяя. Ай да Серко! Не зря атаманскую булаву носит! Враз все просчитал. Ну, да Бог тебе судья.

Чуть забрежжил лунный свет, дверь тихо скрипнула, и в светелку вползла огромная тень Бурого. Митяй заранее сложил из одеял и тряпья подобие человеческой фигуры на кровати и стоял в темном углу рядом, изображая сонное сопение и храп. Бурый наклонился над «спящим», собираясь сжать тому горло. В этот момент Митяй нанес ему удар в спину. Бурый страшно захрипел и повалился на лавку. В двери показался Федор.

- Что Бурый, никак помощь нужна? Щас я ему ноги-то… - закончить он не успел, получив нож прямо в сердце.

Митяй быстро выскользнул из своей комнаты, забрал лежавшее на столе его тюремщиков свою саблю и пистоль, и выскочил на двор. В доме никого не было, кроме пары женщин, разбежавшихся при виде бегущего с саблей наперевес Митяя. Коней в конюшне, конечно, не было, и пришлось ему бежать в лес. Там, в темноте, кое-как нашел он овраг с поваленными деревьями и забрался в самую их глухомань. Вот где пригодились навыки прежних дозоров! Утром он слышал, как шли, громко переговариваясь и прочесывая лес, стрельцы, как потом гнали они назад нескольких пойманных холопов. Отчетливо слышал, как один стрелец говорил другому.

- Ты видел? Двух своих ХлопОк заколол! Вот зверь! Хорошо, что поймали. Правильно будет, что шкуру с него сдерут, прежде чем колесуют.

Так Митяй понял, что его короткое знакомство с Хлопком закончилось. Еще ночь и день сидел он в своём убежище, питаясь лишь сбереженной краюхой хлеба. Потом пошел. Не зная куда, но пошел от Запорожского войска с его панами, казацкими и шляхетскими.

К исходу третьего дня, обессиленный и теряющий сознание от голода, пристал он к обозу из трех повозок, на которых семейство шинкаря Исаака перебиралось из-под Кракова в Московию. Лежащего Митяя сначала увидели дети. Всей своей огромной

толпой они сначала принесли ему воды и пару кусочков хлеба. Потом они подвели его к старшему, Исааку, который долго и недоверчиво смотрел на рослого голубоглазого Митяя, прежде, чем спросить.

- И откуда такое чудо на дороге в степу валяется?

- Я - Дмитрий Горшенин, был в плену у крымчаков, отбит казаками, возвращаюсь домой.

- И где, осмелюсь спросить, есть дом у такого юноши?

- В Москве, в Белом городе, подворье боярина Капитона Собакина. Я его племянник, - неожиданно для себя сказал Митяй и продолжил, - если разрешите идти с вами и не дадите умереть с голоду, обещаю защиту от разбойников в дороге и помощь в Москве.

- И в каком размере будет эта помощь? – старый Исаак оценивающе смотрел на саблю и пистоль Митяя, понимая, что изорванная одежда в данный момент не является мерилом достатка.

- Мой дядя – из ближних к царю бояр и сможет получить для вас разрешение проживать в московском посаде и даже открыть там мастерскую или корчму, - горшечник Митяй хорошо знал особенности московского быта, и эта его осведомленность стала решающей каплей на весах сомнения старого еврея. Но Митяй знал, что московского боярина Собакина больше нет, а Исааку только предстояло об этом узнать.

Итак, Митяя, то есть его очередную реинкарнацию – Дмитрия Горшенина, взяли в обоз Исаака, и он благополучно, хотя и долго шел с ними до самого Орла. Рваную казацкую одежду он поменял на нашедшиеся в одной из кибиток долгополый лапсердак, панталоны и широкополую шляпу с высокой тульей одного из зятьев Исаака. Волосы Митяя отрасли, и смешливая Магда подстригла его «в кружок», оставив «для смеха» пейсы на висках.

Пейсы Митяй сразу же срезал, а свою рваную казацкую одежду сжег в костре. Он видел, каким оценивающим взглядом смотрел на нее Исаак, и решил, что не стоит рисковать своей, да и чужой жизнью, если такую заметную одежду «случайно» найдут на дне одной из кибиток.

Дочки и внуки, а также сам старый шинкарь зауважали Митяя после того, как тот раскидал трех вышедших на дорогу с топорами и вилами мужиков. Сначала, увидел долговязую фигуру Митяя в лапсердаке, полосатых панталонах и шляпе, разбойники грубо заржали от смеха. Пуля из пистоля сразила одного, второй был убит выпадом сабли, а третий бежал, бросив вилы. Забросив в кибитку оставшиеся бесхозными топоры и вилы, Исаак стал, было, оценивать грязную и рваную одежду убитых, но поняв бесполезность сдирания такой одежды на дороге, просто сказал Митяю «спасибо». Вечером, за ужином, Митяй уже не чувствовал себя нахлебником.

В пути Исаак, оказавшийся веселым и смешливым мудрецом, рассказывал Митяю разные библейские притчи и смешные истории про свой народ, про поляков и казаков. Двух его зятьёв убили во время очередного погрома сечевые казаки, и он вёз трех своих дочерей и целый выводок внуков в Москву, где надеялся найти, наконец, покой и счастье. Митяю нравилось с ним болтать, пугая рассказами о холодах, снеге и московских жуликах.

Но более всего Митяю нравилась его младшая дочка, веселая хохотунья Магда. Застав их целующимися, Исаак хитро прищурил свой глаз и ласково спросил юношу.

- Ты действительно хочешь поменять свою веру, чтобы жениться на Магде, или готов вынести страшные кары могучих еврейских богов?

И этого хватило пылающему от страсти Дмитрию Горшенину, чтобы прекратить шашни с прекрасной Магдой, тем более, что судьба – затейница не хотела отпускать Митяя из своих когтей.

Подъезжая к Орлу, Митяй увидел двигавшееся на Москву огромное войско. По лебединым крыльям на кирасах он узнал польских гусар, по ряду пик над нестройно бредущими солдатами в пыльной форменной одежде узнал ландскнехтов, наемников, которых щедро поставляли любому государю, имеющему деньги, Франция, Германия, Швейцария, да и другие европейские страны. И, наконец, показались казачьи хоругви и бунчуки, с которыми, под ритмичный стук литавр, двигалось реестровое Запорожское войско.

Увидев идущее войско, Исаак оживился.

- Могу сделать маленький гешефт. У меня есть на продажу товары, нужные солдатам. Водка, свинцовая мазь от неудобных болезней, обереги и амулеты всех религий.

- А женщин для солдат у тебя в кибитке нет? – Митяй не знал, как скрыть свою досаду от встречи с теми, от кого бежал.

- Ойц, таки нет, - с сожалением скривил губы Исаак, - но я понял тебя, Дмитрий, и спасибо за заботу. Мои дочери и внучки намажут кожу сажей и кислицей, и будут сидеть в кибитке, как больные. Ты мне поможешь торговать, или хотя бы стоять рядом, как защита?

- Нет, извини, Исаак. Там могут быть люди, с которыми мне совсем не надо встречаться.

Исаак понимающе кивнул, но не стал настаивать. Мало ли какие могут быть причины у человека прятаться в это смутное время в таком беспокойном месте? Неприятности Дмитрия могли навлечь очередные беды на седую голову самого Исаака и его большое семейство.

А оно им надо?

Уходить от кибиток Митяй не стал, а сев за возницу в одной из них, намотал на лицо тряпицу, вроде как страдал зубной или глазной напастью. Посмотревший на него Исаак одобрительно затряс головой, одобряя маскировку, а сидевшая в кибитке Магда,

сама измазанная сажей и кислицей, имитирующей волдыри и струпья, покатилась на пол от хохота.

Влившись в обоз идущего войска, где они растворились среди многочисленных повозок с разнопёстрым людским базаром, сопровождающим идущее за добычей войско, кибитки Исаака мерно покатились по московскому тракту. На ночевку остановились перед самым Орлом. Не успел обоз расставить свои повозки, как к ним потянулись солдаты еще не успевшего расположиться на ночлег войска. Уставшие воины искали разнообразия и утех, в достатке находя то и другое у маркитантов. Исаак тоже успел расторговаться, предупреждая пытавшихся заглянуть в две его другие кибитки солдат, что там лежит его больная семья.

- Ничего заразного, лекарь уже смотрел, но они лежат грязные и ходят под себя…

Ничего так не боится солдат на войне как заразных болезней. Не важно от чего, от божьих напастей, грязи или любви. Потому и сторонились они тех кибиток. Хотел Исаак еще чумной флажок на них повесить, но Митяй отговорил.

- Сожгут вместе с нами!

И Исаак ему почему-то поверил…

Уже совсем стемнело, когда лишь пламя горящих перед каждой «рабочей» кибиткой освещало путь людей, ищущих свою цель в жизни. Исаак собрался уж задёрнуть полог кибитки и закрыть свою походную лавку, как из ночной темноты, как из мрака преисподней, выплыл… атаман Серко.

- Исаак! Ты, паршивец! А я слышу знакомый голос, да цену двойную за выпивку, так и подумал, шось кто-то из знакомцев за нами приладился!

Оказалось, Серко и Исаак знакомы давно, и даже шинок Исаака когда-то был в Серковском курене.

- Вот, ушел от меня, сразу под погром и попал. Я бы тебя в обиду не дал, - говорил атаман в ответ на рассказ Исаака о гибели своих зятьев. Растроганный Исаак достал шкалик, и беседа продолжилась. Лежавшему под соседней кибиткой Митяю было все хорошо слышно. Атаман рассказал, что всё Запорожское реестровое войско, как и многие иные полки войска польского, а также несколько полков наемников, за деньги польского магната Юрия Мнишека, пошли служить к «чудесным образом спасшемуся» царевичу Дмитрию, единственному оставшемуся сыну московского царя Иоанна Четвертого и его законному наследнику. И с этим войском царевич Дмитрий идет на Москву, отобрать свою царскую власть у Бориса Годунова.

- После нашей победы нам обещана огромная награда, большие пеньонзы, Исаак. И я, наконец-то смогу отдать тебе тот долг. Я ведь его помню, хоть и прошло уже больше года.

- Да, конечно, почти три года - кивал головой мудрый Исаак.

- И раз я всё равно отдам тебе долг, давай сделаем его больше на цену (справедливую цену, Исаак!) еще двух шкаликов водки. Хорошая она у тебя! А то ведь, не ровён час, учинят поляки дознание – а почему это краковский шинкарь Исаак оказался в нашем войске перед Москвой? Но ты не бойся, я тебя защищу!

Получив два заветных шкалика, Серко нетвердой походкой побрёл в темноту. Митяй не стал его окликать. Да и о чём было с ним говорить? Если он избежал ареста и наказания тогда, после убийства пана Горецкого, знать совсем ополячился бывший вольный казак Серко. Помощь от него была не нужна, а выдать Митяя полякам атаман вполне мог.

Медленно, постоянно разрастаясь за счет примыкавших к войску Лжедмитрия недругов Годунова и казаков, огромная армия подошла к Москве. Бог тогда был на их стороне. Весной 7113 года умирает Годунов, и с трудом набранное им войско по сути открывает кремлевские ворота. Напуганные и потому

примирившиеся между собой бояре венчают Дмитрия Первого на царствие, а затем принимают участие в бракосочетании Лжедмитрия и Марины Мнишек, на деньги отца которой и была организована вся эта польская кампания.

Пока в Москве творилась вся эта вакханалия, а колокола московских, да и главных из них - кремлевских, церквей захлебывались от перезвонов, то торжествующих, то набатно-тревожных, Митяй привел повозки Исаака по знакомым ему с детства тайным тропам в район ремесленных слобод и посадов. К счастью, никто из прежних знакомцев не узнал Митяя в его нынешнем обличии. Над Москвой стояли дым, стон, плач и горе. Поляки, дорвавшись безнаказанно до мирного населения, бесчинствовали. Грабежи, пожары, насилие и убийства продолжались и днём, и ночью.

Оставив кибитки в безопасном месте и снова переодевшись у запасливого Исаака в подходящую одежду польского кроя, Митяй отправился в дозор. На месте сгоревшего дома его семьи уже стоял другой дом, а на подворье были совсем чужие ему люди. Не зная, куда идти, побрёл он по узким улицам. Попадавшимся на его пути группам пьяных польских солдат, он вежливо кричал, приподнимая шляпу – «Приветствую пана!» и его не трогали, как не представлявшего ни товарной, ни иной ценности.

Машинально дойдя до подворья боярина Собакина, он увидел стоявшие там кареты явно польской работы, расхаживающих с гордым видом по двору гайдуков с какими-то гербами, нашитыми на левое плечо кафтанов и носящихся по своим делам дворовых девок. В одной из них он вдруг узнал ту, которая когда-то приносила им заказ на глиняную посуду для пира. Выждав момент, он схватил пробегавшую мимо девку за руку и затащил в узкий простенок. Зажав ей рот – чтобы с дуру не заорала по своей бабьей привычке, он приблизил своё лицо к её раскрасневшейся мордашке.

- Не ори! Я – не пОляк! Я – Митяй. Горшечник. Помнишь, как у нас посуду заказывала, которую потом пан Януш разбил. Ну, вспомнила? Орать не будешь?

К чести девки, соображала она быстро. Немного успокоившись, поведала она, что тогда, после случая с разбитой посудой, боярин всё-таки выдал свою дочку Настю за «того противного поляка». И молодые сразу укатили в эту их «противную» Польшу. Там мужа Насти и её свекра, этих «противных» Горецких, убили в каких-то шляхетских разборках. Анастасия Собакина, по словам девки, не долго горевала во вдовстве и почти сразу вышла замуж за какого-то высокородного пана Сапегу. И вот она со своим новым мужем прикатила сюда, сразу заняв этот родной ей дом.

- Муж её, противный такой, всех наших девок уже пощупал, кучу солдат за собой водит. Дом – то этот, как Малюта барина нашего, Капитона Собакина, за измену против царя Грозного казнил, передали царскому посольскому приказу. Так Настя с мужем приказали все чужое из дома выкинуть и сейчас, пока они сами в Кремле околачиваются, солдаты их по московским богатым домам шарят, убранство достойное сюда тащат. Шпалеры, посуду, мебель. Даже парсуны людей, к роду Собакиных не относящихся, и те тащат.

- А Настя и муж её что в Кремле – то делают?

- Так он при особе нашего нового царя, Димитрия и его советника Мнишека, состоит. А сама Настя при персоне царицы нашей новой, Марины Мнишек, обретается. И еще Настя грозилась всех найти, кто отца её, старого боярина Собакина, оговорил, да на плаху отправил. Злая она стала, как подменили. Сказывают, уже трех бывших отцовских друзей полякам сдала. Шел бы ты, парень, отсюда. Не ровён час! – и, посмотрев хитроватым, заблестевшим взглядом на Митяя, добавила.

- А ты где сейчас обитаешь? Хочешь, приду вечером, как наши улягутся?

- В шалаше, с семьёй знакомца одного. Я лучше сам к тебе как-нибудь на ночь заскочу. Будешь ждать?

- А то! – зарделась девка.

Вернувшись к глиняным ямам, Митяй не увидел там кибиток Исаака. Возможно, в душе он уже и сам хотел отделаться от старого еврея и его семейства, но за время совместных странствий он прикипел душой к этим людям, давшим ему кров, еду и одежду. К чести Митяя, он не стал метаться, а, помня свои навыки следопыта, пошел по следам кибиток, дюжина колес которых оставила хорошо видимые следы на раскисшей глине. Следы привели в Жидовскую слободку, как называлось тогда в Москве поселение этого гонимого, но хитрого и изворотливого народа, представители которого, кроме традиционных портняжного и ювелирного дела, занимались понемногу всем – от противозаконных ростовщичества и винокурения, до лекарских и правовых услуг. На разбитой пыльной дороге следы колес потерялись, но, пройдя по улочкам, Митяй увидел в одном из маленьких и грязных двориков знакомые кибитки.

И его тоже увидели.

- Димитрий, хорошо, что ты нас нашел. Отец сказал идти тебя встречать, но дети разбежались, а я тут …, - прекрасная Магда сидела на скамейке рядом с каким-то худощавым юношей в лапсердаке и свисающими из-под картуза пейсами, который держал девушку за руку. Митяй сначала почувствовал укол ревности, но потом понял свою удачу. Одним камнем на душе легче!

Никто никому ничего не должен.

На голоса из дома вышел Исаак, радушно пригласивший Митяя зайти в дом. Выяснилось, что это был дом дальнего

родственника Исаака, семья которого уже много лет живет в Москве. Именно он – Лейба – и пригласил Исаака переехать в Московию, подальше от казаков и панов. Но даже мудрый Лейба не мог предвидеть такую резкую смену обстановки и польское нашествие. В Москве Лейба знал всё и всех. Но еще больше знала его жена. После того, как Митяй зашел в дом и присел на скамью, сидевшая на своей половине жена позвала Лейбу за перегородку. Когда через пару минут хозяин вернулся, он внимательно посмотрел на Митяя и сказал.

- А я тебя знаю! Ты – Митяй из Гончарной слободы, у которого семью порубали опричники. Мы у вас горшки покупали.

И Митяю – Митько – Дмитрию пришлось, в который уже раз, вновь и подробно рассказать свою историю. Ничего не утаивая, ибо понял он, что ложь всё равно всплывёт, а тогда уж точно ему не поверят и не помогут. А помочь ему, кроме этих людей, сейчас некому.

- Извини, Исаак, что обманул тебя и признаю свой долг перед тобой, но мне надо было добраться до Москвы и увидеть свой дом…

- Увидел? Легче стало?

- Там уже другой дом стоит. Но легче стало. Правда, еще одна беда обнаружилась, - и Митяй рассказал о возвращении в Москву Анастасии Собакиной и её планах мести.

- Я знал старого барина Капитона Собакина. Он так и ушел, не выплатив мне всего долга. А ведь брал на приданное свой дочери! Говоришь, убили её первого мужа? Не гоже так о мёртвых говорить, но поделом ему. Злой был, меня чуть не изрубил, когда у Собакина встретились. Да и тебя обидел. Кто, говоришь, убил?

- Я не говорил, потому как не знаю… А второй муж у неё – вроде как из шляхетского рода Сапег.

- И этих знаю. Наши родственники с ними в Польше и Литве дело имеют. Здесь он, говоришь? Значит, скоро придет к нам за ссудой. Вот что, парень, - Лейба задумчиво намотал на палец прядь своих седых пейсов, - ты еще дело своё горшечное помнишь? Хорошо, тогда я тебя устрою к знакомым горшечникам. Они недавно сюда приехали, семью твою и тебя не знали. И не надо им рассказывать! Поработаешь у них пока. Может, всё и стихнет. Волосы-то отпусти, да ремешком завязывай, Митяй! И в город не ходи, целее будешь…

Нет ничего временного, что надолго бы не растянулось.

Вот и Митяй пошел поработать временно, а задержался в дружной артели горшечников на несколько лет. Сказавшись беженцем с южных земель, бывшем с детства в крымской неволе, где и освоил гончарное дело, он не ходил в город, с удовольствием лепил податливую глину и обжигал её в печи, делал диковенных зверюшек и птиц-пищалок, которых быстро раскупали на торжище. Оттуда же ему и приносили городские новости.

Узнал он об убийстве московского царя Дмитрия, который, как сказывали в народе, вовсе не царевич был, а беглый аптекарский холоп бояр Романовых Юшка Отрепьев, после побега принявший схиму в монастыре под именем Григорий.

Рассказали ему о поспешном, но пышном венчании на царство дальнего родственника Иоанна Грозного из Рюриковичей Василия Шуйского. Месяц бурлила Москва слухами о походе на стольный град войска атамана Болотникова, собранного из беглых крестьян, запорожских да донских казаков и примкнувших к ним «боевых холопов» - вооруженных дворян, оставшихся со времен опричнины с оружием и желанием убивать и грабить. Якобы, и сам Болотников из таких был. Поход был направлен против царя Василия Шуйского и поддержавших его бояр. Очень боялись на Москве прихода этих «разбойников» в первопрестольную, понимая, сколько крови и бед они принесут народу. Потому с такой

радостью было встречено известие о разбитии царской ратью войска Болотникова под Тулой.

Не успели московские колокола отзвонить благовест об этой победе, как другая беда пришла на многострадальную землю царства московского. Бежавшие с торжища и не продавшие ни одного горшка встревоженным московитам, жители слободки наперебой кричали о новом походе на Москву теперь уже «чудом выжившего» два года назад венчанного на царство и якобы убитого в Кремле Дмитрия. Этот Дмитрий, уже прозванный в народе Вторым, собрал под свои знамена всех недобитых после Болотникова и Дмитрия Первого, остатки бродящих по Московии поляков и иностранных наемников, взял открывшие ему ворота Брянск и Тулу, опустошил их лабазы и арсеналы, и идет на Москву.

Всё знающий Лейба рассказал, что к Дмитрию Второму, которого на этот раз поддержал сам польский круль Сигизмунд, примкнул и Сапега с набранным им за свои деньги полком, в который он собрал всех недобитых разбойников из казаков, поляков и европейских наемников. Сам Сапега занял видное место при «дворе» Дмитрия Второго, расположившегося в селе Тушино. А жена Сапеги – Анастасия Собакина, вернулась в свиту Марины Мнишек, «признавшей во втором Дмитрии» своего якобы выжившего мужа Дмитрия Первого, прах которого, как все знали в Москве, был выстрелен из пушки в сторону Польши. Марина даже родила от Дмитрия Второго сына, прозванного в народе «вороненком». Сапега звал Лейбу, имевшего с ним какие-то денежные дела, в Тушино, но осторожный ростовщик, ссылаясь на свои старческие хвори, посылал вместо себя своих помощников. Один из них, что когда-то нежно жал ручки прекрасной Магде, рассказывал, что как-то раз Дмитрий Второй вышел на крыльцо перед ожидавшим его народом в венце, щедро украшенном самоцветами. Камни это так горели в свете заходящего солнца, что это тут же дало повод московским острословам сочинить новую

прибаутку – «На воре и шапка горит!». Ведь уже давно на Москве Дмитрия Второго звали «Тушинский вор».

Не имея еще достаточно сил, чтобы гарантированно взять Москву, Дмитрий Второй сидел в Тушино, куда стекались со всей Московии все недовольные, да и просто жаждущие наживы. Сам Филарет Романов, постриженный когда – то за свои честолюбивые планы Борисом Годуновым в монахи, но выкрутившийся и ставший метрополитом Ростовским, приезжает к Дмитрию Второму и получает от того чин метрополита Московского!

Москва притихла в ожидании развития событий.

В это время царь Шуйский решает заключить договор со Швецией о совместной борьбе с поляками. Шведский Карл давно мечтает заполучить север Московиии с его богатыми Новгородом и Псковом, а также незамерзающим портом Архангельска. Получив формальный повод ввести свои войска, он и не думает биться с поляками. С ними у него уже давно было соглашение о разделе русских земель. Шведы начинают просто грабить.

Поляки же, получив формальный повод начать вторжение, осаждают Смоленск.

Могуч русский народ! Хватило у него духу и внутренних сил, чтобы собраться и дать отпор. Поляки отброшены от Смоленска, Дмитрий Второй разбит и бежит из Тушино в Калугу. Вместе с ним бегут Сапега и его жена, потерявшие деньги и веру в будущее. Московское боярство, недовольное Шуйским (а когда «ближний» круг был доволен царём!) решают убрать его и пригласить на престол польского королевича Владислава, думая, что сможет управлять пятнадцатилетним недорослем. С этим предложением в Польшу едет главный московский интриган Филарет Романов. Роскошно устроившись в предоставленном ему дворце, он не спешит возвращаться в злую и голодную Москву. Объявив полякам, что не уедет без Владислава, он сообщает в Кремль царю

Шуйскому и московским боярам, что «захвачен в плен и мается в каземате».

Одновременно с этим поляки разбивают московское войско на дороге в столицу.

Хорошего, в общем –то царя Шуйского тихо свергают и, по старой и доброй русской традиции, запирают в дальний монастырь. А к власти в первопрестольной приходит «семибоярщина». Царский трон опустел, а на скамьях по-прежнему лаялись, мерились родословными и рвали друг у друга земли и холопов «хозяева земли московской» - бояре.

Москва в ужасе. Все понимают, что первое нашествие поляков и казаков было раем по сравнению с тем, что сделают с Москвой и её населением регулярная польская армия и примкнувшие к ней недобитки. Московиты затаились по своим домам; гнетущая тишина реяла над городом. Тихо вошедшие вечером польские солдаты во главе с гетманом Гонсевским идут по пустым улицам, выбирая жадным взглядом богатые подворья для постоя и завтрашнего грабежа. Дождаться утра не хватило сил. Грабежи, насилие и пожары начались сразу же, несмотря на приказ короля Сигизмунда не трогать «уже польскую Москву».

Москва стонала в полный голос. Не было, казалось, ни одного не ограбленного дома и ни одного не униженного московита. Ободрав до каменных стен дома в богатом Белом городе, мародеры пошли по посадам и слободкам.

Однажды вечером, работая на своем подворье, Митяй услышал крики из дома Лейбы. Схватив топор, он кинулся туда. Вбежав на подворье, он увидел лежащих в крови Исаака и Лейбу, над которыми уже склонились двое польских солдат. Крики неслись из дома, причем крики женские и детские. Разнеся двумя ударами топора головы поляков, Митяй выхватил у одного из них саблю и кинулся в дом. Двое солдат ловили бегающих по комнате дочерей Исаака. Они даже не успели вытащить сабли, как были

зарублены. Третий, отпустив пойманную им Магду, успел вытащить пистоль, но был обезоружен и повержен на пол клинком Митяя. Поляк протянул руки в жесте сдающегося в плен. Но бывший казак Митько пленных не брал, и польская голова покатилась под стол.

Закрываясь обрывками платья, Магда кинулась на грудь своего спасителя. Из всех уголков помещения показались перепуганные писцы Лейбы. Горестно подвывая и тряся пейсами, они удивительно ловко обшарили своими чернильными пальцами карманы зарубленных поляков. Зрелище прервал голос Лейбы. Держась за косяк двери и прижимая к окровавленной голове какую-то тряпку, он скомандовал.

- Если их найдут, убьют всех. Трупы вывезти и утопить в овраге, в глиняных ходах и ямах. Оружие спрятать в навозе. Кровь замыть. И никто ничего не видел!

Так всё и было сделано.

Польских мародеров не хватились. Да и до них ли было командованию польского гарнизона, если Москву наполнили слухи о том, что в Рязани собирается народное ополчение, которое воевода Ляпунов уже почти повел на освобождение первопрестольной. Надеждам московитов не суждено было сбыться. Ссоры дворян и казаков, боровшихся за место возле трона, воровство выделенных на ополчение денег и умелые интриги поляков сорвали это выступление. Ополчение разбежалось, а самого Ляпунова зарезали. Как говорили на Москве, зарезали его по польскому приказу казаки.

Новость о взятии Новгорода шведами уже не так волновала Москву. Знающий всё Лейба сообщил, что ворота ранее неприступного Новгорода открыла его «старшИна», главные богатеи города. Они давно торговали со шведами и севером Европы, знали терпимость северян к православию и не хотели власти над собой ярых католиков – поляков.

А воспылавшая прежними чувствами к Митяю Магда, которая даже позволяла себя горячо целовать в темных уголках подворья, по секрету поведала ему о том, что Лейба рассказывал своим близким. Как сообщили Лейбе его должники – поляки, сам Папа Римский провел в Ватикане торжественную службу по поводу крушения Руси и всего православия. А еще поляки поделились с ростовщиком известием о том, что на состоявшемся в Лондоне Совете торговых компаний, торгующих с Московией, был принят план создания коридора от Архангельска до Астрахани под охраной английских солдат. На Совете решили, что все издержки по осуществлению этого плана понесет Московия, на которую должна быть наложена особая контрибуция.

По словам Магды, Лейбу очень воодушевила эта, последняя, новость и он даже приказал своим писцам быстро привести в порядок какие-то там расчеты и бумаги. Митяю было наплевать на все планы Лейбы, но ему стало очень больно за свою державу, её народ и её землю.

Как ветер разгоняет тучи для лучей солнца, так и плохое настроение московитов было унесено известием о том, что в Нижнем Новгороде князь Пожарский, из рода Рюриковичей, собирает ополчение для похода против поляков в Москве, а затем и на шведов на севере. Особые надежды московиты возлагали на то, что денежной стороной ополчения занимался человек из «простых», нижегородский купец Минин. Из уст в уста передавали весть о том, что Минин сам отдал все своё добро и организовал сбор средств у населения на святое дело.

Возникла, было, и у Митяя мысль пособить в этом благородном деле сбора денег, но опыт его небольшой пока жизни научил его увязывать слово «деньги» с алчностью и рвачеством. Замаячили фигуры Серка, Исаака, Лейбы, московских бояр… Решил Митяй, что поможет тем, что у него получалось. Было отмыто и очищено оружие зарубленных поляков, брошен клич по округе, и скоро у Митяя было полтора десятка не робких слободских и

посадских ребят – ремесленников, готовых вести борьбу с поляками. Сначала Митяй водил их в леса, учил сабельному бою и владению боевым ножом. Без шума убрали пару польских разъездов у дальних хуторов, куда поляки ездили к шинкарям.

Когда же стало известно об успешном продвижении ополчения Пожарского к Москве и разбитии им корпуса гетмана Ходкевича, посланного Сигизмундом на помощь польскому гарнизону в Москве, поляки заметно присмирели. Митяй и его ребята, напротив, осмелели и стали нападать на польские патрули уже в московских посадах и слободах.

В день штурма ополчением Московских стен отряд Митяя показал ополченцам несколько потайных ходов сквозь оборону поляков и рубился потом на улицах города.

Митяя заметил один из воевод князя Пожарского и привел того на прием к Пожарскому в Кремль. Пока Митяй ждал на крыльце князя, заседавшего в палате Земского собора, он увидел, как в кремлевский двор вывели группу пленных поляков. Среди множества запыленных и незнакомых лиц он, вдруг, увидел атамана Серка и Анастасию Собакину, державшую под руку какого-то седого шляхтича. «Видать, муж. Сапега…» - не успел Митяй удивиться, как вышедший из дворца стрелец огласил какой-то указ и приказал освободить всех пленных. Им сняли путы, и бывшие мародеры и завоеватели разбрелись по двору. Некоторые, включая атамана Серка и чету Сапег, вышли через ворота в город и растворились в толпе.

«Чудны дела твои, Господи…» - вспомнил Митяй любимую присказку своего отца. В этот момент его окликнули и провели к князю Пожарскому. Невысокого роста, уже седоватый мужчина смотрел внимательными глазами на Митяя. Рослый, светловолосый, в помятой от сабельных ударов броне тот был воплощением русского витязя.

- Как звать – величать тебя, воин? Чьих будешь?

- Дмитрий Горшенин. Свободный горожанин из Москвы.

- Хочешь, свободный московит Дмитрий Горшенин послужить новому царя московскому? Царя Собор еще не выбрал, но войско, царское, личное, охранное, для него мне уже поручено набирать. Тебя бы взял сотником. Пойдешь?

- Могу подумать? Хозяйство надо пристроить... И один вопрос, можно?

- Давай, Дмитрий Горшенин! Что спросить хочешь?

- Здесь во дворе пленные поляки стояли. Их отпустили. Так вот и простили им всё, все их зверства московские? Без дознания?

Пожарский посерьёзнел.

- Ты, парень, при царе служить будешь. Понимать должен, что есть политический расчет. С Польшей у нас – мирный договор. Королевич Владислав, которого мы сами на трон приглашали, отказался от него, но войска у него и отца его Сигизмунда Августа остались. Не можем мы пока поляков задирать. Нет у нас на это ни рати, ни денег. Понял?

- Понял. Надумаю служить, завтра приду.

- Ну что же, воин. Решай. Но помни – простых путей в этой жизни нет. Всегда чем-то рискует человек…

- И даже князь? – улыбнулся Митяй

- И даже князь, - печально покачал головой Пожарский, - а князь, особо…

- Дерзок ты, парень, - сказал ему стоявший весь разговор за спиной Митяя воевода, приведший его к Пожарскому, - а ведь почти с царем говорил.

- Как, с царём?

- Да выдвинули мы, ополчение, его на царствование. Он же Рюрикович… Но Романовы со своими - против. Сами хотят на трон.

Вон, всё казачество подкупили, сюда ведут. Кричать Романова будут.

- Филарета? Он же метрополит, божий человек. Его брат Иван – статью не вышел. В народе говорят, будто чересчур горяч, да горделив…

- Все они гордецы – Романовы. Не успел батюшка наш Грозный, а затем и благословенный Борис Годунов, всех их придушить. Четверых братьев – гордецов убрали. Но эти два, оставшиеся, Филарет и Иван, будут за власть царскую до конца биться. Есть у метрополита сынок, Михаил, еще до монашества в законном браке прижитой. Того, видать, и выкричат, хоть и недоросль, шестнадцать всего. А уж отец его, Филарет, и державой и церковью править будет!

Пока шел домой, понял Митяй, что не его это судьба – влезать в этот властный ящик гадючий.

Дома его ждали. Исаак и Лейба. Долго жевали губами, крутили пейсы. Заговорил Лейба.

- Предлагали при Кремле служить?

Митяй кивнул.

- При каком царе?

- Романове.

- Ойц! Филарете? Иване?

- Филаретовом сыне Михаиле. Но его еще не избрали. Сейчас казаки подойдут на площадь, прокричат.

- Отказался?

- Не пойду завтра.

- Рискуешь. Ты не пойдешь, за тобой придут и нас всех – на разбор. Найдут, за что на дыбу подвесить.

- Что делать?

- Уходить тебе надо. Много на тебе всякого висит. Нас не губи!

- Куда идти-то? На юг не пойду, был уже, да и атамана Серка с Сапегами сегодня прямо с площади кремлевской отпустили. Они не простят. Новгород и Псков – под шведом. Не смогу там ужиться.

- Да уж. Неуживчивый ты, Митяй. Чуть что – за саблю свою хватаешься. Хотя нам это помогло… Одно для тебя осталось место – Сибирь. Туда уж многие ушли свободу и волю искать. И до того, как атаман Ермак ханство сибирское к владениям Строгановых присоединил, а с их подачи - царю московскому отдал, так после этого вообще поток людской туда полился. Даже ловят некоторых царевы стражники, остроги ставят, чтобы беглые не уходили от господ своих.

- И как же туда идти? Что там делать – то?

И Лейба рассказал, что есть у него приказчик знакомый в московской конторе Строгановых («так, кое-какие пеньонзы туда – сюда гоняем»). Тот приказчик нанимает надежных людей на службу Строгановым («А там целая держава; заводы, селенья, поля, стада, золотые и медные прииски, которые надо в порядке держать и от местных разбойников охранять!»).

- Вольготно там. Царя, бояр и дворян нет. Выдачи оттуда тоже нет. И жить будешь делом, а не разбоем! Не понравится – уйдешь…

Последний довод особенно понравился Митяю, и он согласился.

К строгановскому приказчику Митяя повел Мойша, помощник Лейбы. Тот, который когда-то Магду за ручку держал. Магда уже стала его женой, и они ждали первенца, но похорошевшая на сносях Магда такими глазами смотрела на Митяя, что её пейсатый Мойша ну очень хотел отправить Митяя подальше от своей семьи. По пути к дому Строгановых радостный Мойша щебетал, как соловей.

- Я всем говорю, что меня зовут Михаил, как нашего нового царя!

При этом он так картавил в слове «царь», что Митяй посоветовал,

- Не говори об этом громко. Услышат казаки - ррразоррвут…

Обиженный Мойша долго сопел, но потом успокоился и стал давать Митяю советы насчет жалования, кормовых, проездных и подъемных, на которые надо «развести» Строгановых. Советы, наверно, полезные, но Митяю, на очередном распутье своей судьбы, было не до них.

На «просмотр» в богатый гостевой дом Строгановых, не тронутого мародерами, Митяй явился в боевых доспехах. Во-первых, в освобожденной Москве такой наряд был привычен, а во-вторых, другого достойного одеяния у него не было.

Дородный бородатый приказчик, выставив за дверь скукожившегося Мойшу, сразу оценил статного воина, спросив лишь,

- От чего бежишь, парень?

Митяй не стал лукавить.

- Обрыдло всё, как в болото врастаю.

- Лейба тебе кто? Какие с ним дела? – строго вопрошал приказчик.

- Никто. Сосед по слободке. Дел с ним не имею.

- Добре! Нашему кумпанству за Уралом нужен представитель. Ездить по заводам, приискам, порядок наводить. Когда и деньги выбивать, зажатые от хозяев. Наберешь себе отряд, небольшой, но воинов отважных и умелых. Чтоб спину твою берегли. Кошт тебе положат сто рублёв в год. Деньга не московская, а новгородская, полновесная. Двадцать рублёв сразу дам, под расписку. Одёжу себе справишь, коня и в дорогу припасов. Сразу все не трать. За

Уралом надо будет тёплую одёжу покупать – шубу, пимы, шапку и рукавицы. Не был еще в Сибири? Увидишь, какая она – ширь да мощь земли нашей… Через два дня отсюда идет туда обоз наш, присоединяйся, не так одиноко ехать будет. Да и узнаешь от наших бывалых людей много полезного для себя.

Деньги берёшь? Ставь крест. Да ты грамотный!? Тогда и цена тебе будет выше…

Хотел Митяй поручить Мойше купить всё для дальней дороги, но взглянул в плутоватые глаза «Михаила» и решил завтра самому идти по лавкам.

В слободке Митяй зашел к Лейбе и Исааку, поблагодарил за сделанное ему добро. На вопрос, должен ли он им что-то в деньгах, старики долго трясли пальцами и пейсами.

- Как можно? Ты нам и так помог. Ничего не должен…

Но когда Митяй дал им по полновесному серебряному рублю – «на сладкое внукам», старые ростовщики не отказались. Узнав у честного Митяя, сколько тому положили денег, долго цокали языками, изображая удивление столь «громадной» суммой. При этом Митяю, или теперь уже Дмитрию, было доподлинно известно, какими суммами со многими нолями ворочают два старых еврея.

Уходя из недавно отстроенного дома Исаака, где, кроме него, жили теперь все три его дочери, удачно пристроенные им замуж, Митяй был пойман в темном коридоре чьей-то теплой рукой. Магда, которой заметно мешал её округлившийся живот, прижалась к Митяю.

- Знаю, что больше не увидимся. Ты уходишь далеко, мы можем уехать из Московии, как говорит папхен, в теплые края. Возьми на память. Это – моей покойной мамы. У тебя ведь нет памяти от твоей мамы? Пусть хоть этот знак бережет тебя. Прощай!

В своей руке Дмитрий почувствовал что-то с острыми краями. Придя в свою комнатушку, он рассмотрел подарок Магды. Это был маленький знак, состоящий из двух перекрещенных треугольников.

Он вспомнил, что знак называется «звездой Давида», является для иудеев символом их веры, но как объясняли ему еще в Сечи, изображение этого знака есть и в православных храмах, поскольку идет он из библейского Старого Завета. Какая разница, думал Дмитрий, из какой религии этот знак. Главное, подарила его Магда с добрыми пожеланиями и искренней любовью.

На следующий день Дмитрий купил себе коня и всё необходимое в дальнюю дорогу. Прощаться больше было не с кем и, проехав в последний раз мимо места, где когда-то стоял родительский дом, Дмитрий Горшенин навсегда уехал из своей юности.

Рано утром в указанный день собранный в дорогу Дмитрий был на строгановском подворье, где уже знакомый приказчик сверял по списку людей и грузы в дорогу. Кивнув Дмитрию, как старому знакомому, он указал на стоящую отдельно группу конных, снаряженных и вооруженных так же, как Дмитрий.

- С ними держись. До Урала идёте, как охрана, потом хозяева сами определят по местам.

Дмитрий занял своё место в строю всадников, привычно поймал ход коня и почти задремал в седле.

- Парень, а я тебя знаю, - подъехавший к Дмитрию бородатый по самые глаза всадник был ему не знаком, - я – Василий Размётнов. Был в опричном войске у младшего Басманова, видел тебя в сотне Богдана Бельского. По твоему доносу тогда чинили следствие по польским прихвостням, что семью твою убили. А потом уже по прямому приказу Малюты розыск по боярину Капитону Собакину, тоже твоему обидчику, вели, в великой измене его уличили, в сговоре с поляками и казачьей «старшИной». Меня

не вспоминай, не знакомились и вместе не пили. Это у меня память, как капкан. Кого один раз увижу, век не забуду.

- И от кого теперь бежишь? – вспомнил Дмитрий вопрос строгановского приказчика.

- От Романовых. Митрополит Филарет, что теперь всей Московской землёй правит от имени сына своего, на царство венчанного, помнит наши дела опричные. Помнит, как братьев его Годунов нашими руками устранял. Да и с поляками у Филарета, тогда еще мирским именем - Федор звавшимся, свой сговор был, тайный, против царя-батюшки нашего Иоанна Васильевича.

Из Москвы выехали уже в позднюю осень, и в ближайшем посаде уже меняли колеса возков на полозья.

- Теперь до места на полозьях побежим! Зимой – быстро доедем. Эх, в былые времена еще пару бояр-изменщиков к лошадям бы подпрягли, вообще птицей бы полетели.

Много чего порассказал бывший опричник Василий Размётнов своему новому знакомцу, пока шли они до нового места службы.

- Знаешь, почему Скуратова Малютой прозвали? Когда он к нам в опричнину пришел, нас царь Иван Васильевич по типу ордена монашеского построил и заставлял все службы – и заутренние, и обедню и вечерю в молельне стоять. Так вот Скуратов самый ярым молельщиком был. Все поближе к царю норовил пристроиться и так лбом поклоны клал, что чуть пол каменный не разбил. И всё просил что-то у Бога, прощение, видать, вымаливал. Только и слышно было от его согбенной фигуры – «Молю тебя…, молю тя…» Так и прозвали – Малюта. Ему шло! Маленький был росточком, но лютый! Не приведи господь! Его во вторую ливонскую войну срубили. Так наши, кто рядом бился, сказывали, что Скуратов четырех лыцарей зарубил. Но дочек своих пристроил. Всех трех за князей столбовых отдал. Сам-то был мелкопоместный, через опричнину нашу и вылез…

Я – то до последнего в сыске опричном оставался, пока его Шуйский, по настоянию бояр, а пуще всего Филарета да Ивана Романовых не разогнал. Знали, злодеи, что были у нас доносы на то, что именно они поляков и первый, и второй раз на нас напустили. И Лживые Дмитрии – их люди. А заговор против Шуйского–царя как раз Иван Романов и возглавил. Были грамотки у моего воеводы Басманова, что и царя Фёдора, сына Ивана Васильевича, убили по приказу Федора (а ныне Филарета) Романова, и сына Бориса Годунова вместе со своей матерью…

А красавицу дочь Годунова Ксению, по прямому наущению Романовых, злодей Дмитрий Первый опозорил, взяв в свои наложницы.

- И где теперь эти грамоты? Сам-то не боишься мне это всё рассказывать? – не утерпел Дмитрий.

- Грамоты, известно где… Сгорели вместе с нашим приказом, бумагами Басманова и Малюты. Кому они теперь нужны, кроме Романовых? Да и им они без надобности. А тебе рассказывать не боюсь. Ты – не сторонник Романовых, раз бежишь от них, а доносить на меня некому. Хотя, похоже на то, что Романовы создали свой сыск, ведь кто-то искал меня по Москве…

Куда же власти без сыску–то?

Видно, действительно прикипел Василий Размётнов к своему сыскному ремеслу. Еще в пути дважды ловил сопровождающего их обоз приказчика на воровстве и сговоре с хозяевами постоялых дворов. Что поражало Дмитрия – гуляя и волочась за приятными подавальщицами в трактирах, Василий всегда видел, кто с кем шепчется, как расплачивается, кто и с какой девкой уходит «поговорить».

Однажды Размётнов напрямую спросил Дмитрия,

- Это тебя Лейба уговорил перейти в иудейство? Хотел на дочке своей женить? Или кто?

- Я – православный! Вот крест! А с чего ты взял, что я веру поменял?

- Видел, как ты знак Давидов в пальцах вертишь. Почему тогда на шее не носишь, рядом с крестом? Были такие когда-то в Новгороде Великом, «жидовствующими» себя называли. До конца веру нашу не отрицали, чтобы из «старшИны» не выкинули, но к учению Авраама склонялись. Все про Хазарию рассказывали, что Киевом владела, да о том, то Иисус, Сын Божий, да и сам Бог наш, из иудеев будет. Я – то сам, хоть и в монашеском ордене опричников был, не шибко в этом разбираюсь. Знаю только, что отличаются наши веры сильно, и нет у православных заповеди – «Обмани ближнего своего», как у иудеев…

- Я не иудей, - и Дмитрий рассказал историю их знакомства с Магдой, о спасении её от поляков и её прощальном подарке, - мне всё равно, чей это символ, тем более, что и в наших церквах он встречается. Это – просто память о моём прошлом.

- Хорошо. Просто даю совет. Строгановы - истые православные, даже раскольников поддерживают и у себя по укромным уголкам распихивают.

- Каких – таких раскольников?

- Митрий, ты откуда вылез? Раскольники - это те, кто за Никоном не пошел и старую веру себе оставил.

- А, староверы! В Сечи их много было!

- Так вот, Строгановы «жидовствующих» и иудеев не жалуют. Вроде как пострадали от них. Ну, обманули их… И приказчик московский, что тебя взял, в тайне от Строговых дела с Лейбой имеет. Не сдобровать ему, коль хозяева узнают. Я –то приказчика лейбина, Мойшу, сразу на подворье признал. Видел, что ты с ним пришел.

- Ну ты, Василий, и впрямь, как ищейка. «Цепной пёс сыска». Не обижайся… Я и сам таким был.

Ты не был, а пытался. А я был и горжусь!

Так и стал Василий Размётнов старшим по сыскному делу у Строговых. Много тем надо было «непоняток» и клубков распутать. Дмитрия же Горшенина поставили во главе отряда своих казаков делать привычную тому работу – порядок поддерживать, да смуту гасить. Здесь они вместе с Василием работали. Один всё знает, второй честно делает. И дома себе в Чусовом остроге, что стал потом станицей Чусовой, рядом поставили. Вместе вступили в созданное с согласия царя Михаила Романова (правда, жалованная сибирскому казачеству грамота была подписана «великим государем Филаретом Никитичем) казачество.

Женились тоже почти одновременно. Только Василий взял жену из купеческого сословия, с хорошим приданным, а Дмитрий привез жену от реки Яик, где у местного казачьего атамана увидел дочь-красавицу с чуть раскосыми глазами. Что поделать, яицкие казаки, пришедшие в эти места, как правило, холостыми, брали жен из местных кочевых народов, крестили и счастливо жили.

И дети родились в семьях почти одновременно, и пошли по земле сибирской два крепких казацких корня – Горшенины да Размётновы, давшие этой земле много славных сынов и дочерей.

Закончив рассказ словами – «На этом экстрасенсорное моделирование интересующего нас персонажа закончено» голос продолжил,

- Лаборатория ситуационного аналогового моделирования. Рабочая группа номер три. Вариант исторического развития номер два. Поиск по сочетаниям ключевых слов – «звезда Давида» и ваджра.

Поход

Последнее десятилетие 18 века не заладилось для императора величайшей империи мира, благословенной в душах людских, но несчастной по стечению исторических обстоятельств, Павла Первого. Неудачи преследовали Павла во всех его благих начинаниях, рождаемых спонтанно, начинаемых рывком, и оканчивающихся, как правило, презрением к самому императору со стороны его внутренних и внешних «друзей». Самыми удачными из его «вызванных озарением» прожектов были только дети – 10 здоровых, красивых и умных мальчиков и девочек, составляющих тот уютный и благополучный мирок, куда император и его любезная Мария Федоровна, урожденная принцесса Вюртембергская, могли спрятаться от всяческих невзгод.

Оскорбленный до самой глубины ранимой своей души предательством союзников по антинаполеоновской коалиции – Великобритании и Австрии, чьё предательство стоило России миллионов рублей и многих тысяч солдатских жизней, Павел решает выйти из коалиции и лихорадочно измышляет способы отомстить вероломным Лондону и Вене. И выход Павлу показывает его вчерашний противник, первый консул Франции Наполеон Бонапарт. Тоже комплексующий по поводу своего роста и внешности, и такой же импульсивный «генератор идей», Наполеон, в отличие от Павла, мог доводить свои идеи до победного завершения. Впечатленный блестящим военным гением Суворова и стойкостью русских солдат, продемонстрированных в ходе италийской и швейцарской кампаний, Наполеон решил заполучить такого союзника для борьбы со своим злейшим врагом – Великобританией. Первый шаг франко-корсиканца был прост, но блестящ и убедителен. Он выпустил на свободу 6 000 русских

солдат, захваченных после разгрома корпуса Корсакова при Лейпциге, одел их, вернул оружие и обеспечил продовольствием для триумфального возвращения на Родину. Расчет Наполеона на «рыцарские чувства» помешанного на идеалах средневекового благородства Павла оказался верным. Повернувшись спиной к Англии и Австрии, русский император протянул руку дружбы Наполеону. И в эту руку торжествующий Первый консул тут же вложил проект совместного похода русских и французских войск … в Индию.

Француз понимал, что почти полностью уничтоженный англичанами французский флот, и еще сырой и слабо обученный флот России, несмотря на недавние победы Ушакова в Средиземном море, не смогут противостоять непобедимому флоту Англии. «Если нельзя пробить старому английскому льву его днище, - говорил Наполеон своему министру иностранных дел, - надо пробить его кошелёк!». К тому же, он был прекрасно осведомлен о давних планах России «вернуть себе» православный Константинополь, укрепиться на берегах Каспийского моря и «мыть сапоги русских солдат» в водах Индийского океана.

Зерно упало в подготовленную почву. По-детски дуясь на захват Англией уже почти российской Мальты, которая вместо военно-морской базы России стала обычной колонией Англии, Павел согласился на по сути вантюрный план по лишению Лондона основы его благосостояния – колоний в Индии.

Секретность этой операции была настолько велика, что доступ к её обсуждению имели всего несколько доверенных людей с каждой стороны, а переписка шла с использованием личных шифров Наполеона и Павла через специальных курьеров.

В целом предполагалось, что Россия и Франция выставят по 35 000 солдат. От Франции еще должна была участвовать артиллерия («прогиб» Павла в сторону Наполеона, артиллериста по военной профессии). Со стороны России Наполеон просил

добавить казаков. Это был не дипломатический «прогиб» Наполеона, якобы знавшего о том, что именно казаки возвели Романовых на русский престол. А просто вся Европа знала о том, что казаки умели воевать в самых сложных и необычных условиях. Было также договорено, что, по аналогии с египетским походом Наполеона, совместный корпус должны будут сопровождать французские инженеры, историки, художники. И про авиаторов и пиротехников не забыли два венценосных авантюриста, дабы поразить местное население и их правителей невиданными зрелищами и достижениями цивилизации. Специальным приложением оговаривался список промышленных товаров, главным образом из Франции, дабы убедить «бывшие» английские колонии в преимуществе торговли с Россией и Францией!

Но Наполеон не сказал Павлу главного. Конечно, он хотел унизить и щёлкнуть по носу спесивую Англию, да еще руками русских варваров. Но ему нужно было то самое чудо – оружие, ради которого он и вторгся несколько лет назад в Египет. Тогда ученые – египтологи распалили его воображение неземными технологиями, которыми, якобы, обладали древние египтяне. Но как артиллериста, его прежде всего интересовала возможность поражать противника на дальних расстояниях, не подвергая угрозе уничтожения свою армию. И еще – как прочитал в своих манускриптах седой «бумажный червь», работающий в библиотеке Академии наук Франции, у египтян было когда-то оружие, способное уничтожать вражеских солдат, оставляя нетронутым имущество завоевываемых стран. В самом разграбленном Египте тогда ничего необычного и желаемого не нашли, но на одном из рисунков – а по приказу Наполеона, приданные экспедиционному корпусу художники тщательно зарисовывали все сюжеты со стен храмов, колонн и усыпальниц фараонов, - он увидел в руках одного из воинов странные предметы, волны от которых поражали вражеское войско. Причем, как заметил Наполеон, поражались

только люди, солдаты, а боевые слоны, башни и походные шатры оставались нетронутыми!

Первый консул устроил тогда тщательный опрос всех найденных участников того египетского похода на тему о том, что за предметы были в руках того воина, но никто не смог сказать ему ничего вразумительного. Лишь один из ученых высказал предположение, что этот воин, как и поражаемые им противники, не были египтянами. По мнению ученого, одежда солдат, походные шатры, а главное – боевые слоны, дают основание предположить, что речь идет об Индии и её военных технологиях, упоминание о которых есть в священных книгах этой страны. На приказ Наполеона «немедленно достать» эти книги, ему ответили, что вся эта информация давно найдена и изъята англичанами, никому не дающими к ней доступа.

При одной мысли о том, что коварный Альбион не только закрыл доступ к тайным знаниям, но и сам может получить такое оружие, взбесила Первого консула.

И тут ему подвернулся Павел с его идеей «мыть солдатские сапоги в Индийском океане». Пусть русские сапоги моют, где угодно, но искать, изымать и зарисовывать все технические идеи и приспособления будут только французы!

Воображение Наполеона тогда настолько разыгралось, что даже его обычно умеренная на комментарии Жозефина отметила его необычный пыл и страстность.

Так и родился план Индийского похода.

Первыми должны были двинуться в поход донские казаки в составе 22 000 человек, укомплектованных в 41 полк и 2 конные артиллерийские роты. Командовать казаками должен был главный атаман войска Донского Василий Орлов – Денисов. В виду преклонного возраста атамана Павел приказал найти ему достойного помощника.

- Мне нужен вояка, ухарь, но в меру дисциплинированный. Просто служака, слепо следующий инструкциям, не проведет войска туда, куда мы и сами не знаем. Карты мои заканчиваются городом Хива и рекой Амурской. Далее они должны идти сами, по ими же добытым сведениям. Знаешь такого? – спрашивал Павел своего адъютанта.

- Знаю! Хорунжий Матвей Платов. Рубака, грамотный, казаки его любят. Только он в крепости сидит. В Шлиссельбурге…

- За что сидит?

- У себя на Дону беглых укрывал. Знаете, ведь, Ваше величество, их, казацкую присказку – «С Дона выдачи нет!» Тем и держится казачество. Иначе давно бы в походах, да войнах погибло…

- Ладно! Приведи его ко мне!

Платова почистили, побрили и покормили. И хотя казачий хорунжий знал бытовавшую среди солдатиков – истуканов российского императора поговорку – «Солдат перед лицом начальствующим вид должен иметь лихой и придурковатый, дабы не смущать оного разумением своим!», вел себя спокойно и естественно. Ответив на интересующие Павла вопросы касательно службы в казачьих войсках, Платов был обескуражен, когда император вдруг спросил его,

- А как к Гангу идти, знаешь?

Кто такой этот «Ганг», Платов не вспомнил, но он же был казак!

- Да у нас на Дону каждая девка знает, как к нему идти, ваше величество!

Уходил Платов из царского кабинета не по-придворному, пятясь, а, как и положено казачьему офицеру, то есть строевым шагом спиной к сидящему за столом Павлу Первому.

Уже в эту спину император спросил,

- Ну что, теперь не будешь беглых укрывать?

Услышав твёрдое Платовское – «Нет!», император подумал - «Врёт, собака, будет!», но твёрдой рукой подписал приказ об освобождении Матвея Платова из-под ареста и командировании его под начало атамана Орлова – Денисова в роли первого заместителя войскового атамана. Второй приказ, который подписал Павел, был о начале военного похода донских казаков. Целью была указана Средняя Азия.

В поход выступили в конце февраля 1801 года. Несмотря на обычные для российских штабных и интендантских учреждений беды, помноженные на весеннюю распутицу, в конце марта казаки, не потеряв ли одного коня, переправились через уже начавшую ледосплав Волгу в районе Саратова. Перейдя на ту сторону, казаки получили известие о кончине императора Павла, а также приказ императора Александра Первого о прекращении похода и возвращении к «местам постоянной дислокации».

Снова переправились через бушующую льдом Волгу, и снова – не потеряв ни одного коня. В начале похода казаки не знали, каков пункт назначения, и считали, что идут «воевать Бухарию». Но уже к волжской переправе по полкам пролетела весть о том, что шли они воевать англичан в Индии. Тайный приказ Павла о том, что «все богатства завоеванной Индии он отдает своим солдатам в качестве награды» почти дословно цитировался казаками. Потому возвращение было безрадостным, и казаки кляли «труса Алексашку», не давшего им возможность, как их славным предкам, пограбить Индию, англичан и еще кого-нибудь, кто бы не встретился «по пути».

Тревожным был только Матвей Платов. Только он знал страшную тайну.

Еще в январе, получив приказ о походе, войсковой атаман Орлов – Денисов сидел со своим заместителем Матвеем

Платовым, и ломали голову над тем, как и куда им идти после Каспийского моря. Раздобытые казаками карты тех мест имели очень давнюю историю и относились к временам разбойных набегов на Персию Стеньки Разина и Емельяна Пугачева. Верить им можно было с большой натяжкой, а сведений о том, кто жил и что творилось в тех местах, не было и в помине.

Идею о том, чтобы допросить персидских купцов в Москве и Астрахани отбросили сразу, как нарушающую приказ о строжайшей тайне. Тогда у Платова родилась мысль направить в те края казаков – разведчиков. Недостатком такой разведки могло быть только отсутствие связи между постоянно движущимися как основным корпусом казаков, так и их лазутчиками. В итоге договорились, что собравшие данные о ближайшем районе разведчики – пластуны передадут их основным силам, сразу после пересечения ими Каспийского море, в персидском порту Астрабад. Что касается самих разведчиков, Платов предложил отобрать их из числа яицких (уральских) казаков.

- А что? Это потомки наших, донских, казачков. Немного помешались с местным население, так, то и лучше. Обстановку до Каспия знают. И за море тож многие ходили, когда еще вольница на той границе была, - фантазировал Платов, знавший казацкие легенды о богатой Персии и сказочно-богатой Индии.

Получившие право действовать самостоятельно, атаман и его заместитель приняли такое решение, и утром Платов отправился на Урал. Перейдя отроги Южного Урала, сменив коня и взяв в качестве проводников местного казака, Платов направился на Яик, переименованный после Пугачевского бунта в реку Урал. Доскакав да прежнего Яицка, ставшего Уральском, Платов заперся с местным атаманом, выгнав, к их неудовольствию, местного батюшку, войскового писаря и казначея. Очень уж те хотели послушать такого редкого в их глуши посланника самого главного атамана Войска Донского, прибывшего по высочайшему распоряжению. Пока недовольная казачья «старшИна» сидела на скамейке и обсуждала

варианты развития событий, мимо проскакал атаманов посыльный, махнувший рукой на их приказ остановиться.

Дело пахло войной! Или призванием уральского казачества в личную свиту императора!

В это время Платов изложил атаману свою потребность в разведчиках для поиска «глубоко за Каспием». Тот думал недолго.

- Есть у меня такой. Дмитрий Горшенин. В Симбирске, при атамане сибирского казачества сотником был. Как ушел из жизни его отец, тоже высоких казачьих чинов, сюда попросился. Его мать - полукровка, бабку – то дед в жены от казахов взял, в православие перекрестил. Но кровь, видать, своё берет. Как мужа не стало, она упросила сына ближе к её родичам переехать. Место сотника он потерял. Я его есаулом взял. Лихой казак, правильный. Первый охотник и следопыт по нашим местам. Грамотен, языки степные знает. И еще его наши казаки «заморочником» называют, за знание особых боевых приемов. Оружных казаков голыми руками вяжет. Наши бают – от нечистого та сила. Но уважают его. У него есть еще пара-друзей следопытов. Вместе в поиск и дозоры ходят. Нужда есть, давай приказ. Я их вам отправлю, хотя без них сложнее будет нашу пограничную службу вести.

- Приказ будет. Тебе из Петербурга передадут. Зови этого Горшенина сюда. Семья у него есть?

- Только мать.

- Оно и к лучшему.

Через час Дмитрий Горшенин был доставлен к Платову, еще через час он и оба его товарища, получили снаряжение у атамана и о-двуконь направились к Каспийскому морю. По пути Платов рассказывал казакам, что им надо будет сделать. Хотя и сам точно не знал, что делать ему самому.

Поскольку путь по Каспию был оговорен с императором Павлом, именно к этому морю направлялись Платов с казаками.

Горшенину, которого Платов сразу своей властью заместителя походного атамана назначил старшим группы, пришлось открыть детали Похода и его цель – Индию. То ли у Горшенина были железные нервы, то ли он действительно был «заморочником», но изумления своего он не выдал. Только покачал головой.

- Далеко же смотрят цари наши. В такую даль будут гнать народ – то наш… Пешком не дойдёшь – издохнешь. Но что делать? И там люди живут… Дойдем – посмотрим.

Растолковывая Горшенину, что тому надлежит определить пути движения основных сил и главные цели возможного сопротивления, Платов обратил внимание на «звезду Давида», висевшую у казака на шее вместе с крестом.

- Это что за знак иудейский у тебя висит? Да еще рядом с крестом!

Усталым голосом, видно, уже уставший говорить одно и то же, Горшенин объяснить, что знак сей является семейным оберегом, достался ему от прадеда. Сам знак является не только иудейским, но и христианским символом. И его изображения есть во всех православных храмах.

- Да и вообще, Бог – он един для всех. Одному нас учит, любви и терпению. А как его называть и по каким книгам законы его учить, это дело каждого.

- Хорошо, что тебя попы наши не слышат. Да и я не слышал. Вернёшься, молчи об этом. Раскольник ты, богоборец!

- И это есть немного… Так что, в Индию иду?

- Идёшь конечно.

Решили дойти до портового города Гурьева, где торгуют персидским товаром. Раз торгуют, пути в Персию есть. А за Персией, и это Платов знал точно, и находится та самая Индия.

Можно написать целую книгу о том, как уральским казакам удалось найти на рынке персидских купцов, почти распродавших свои индийские пряности, как они смогли устроиться на их торговый корабль, пересекавший Каспий по всей его длине и заходивший в порт Астрабада. Как шли они с караваном до Герата, где отчаянные местные воины рассказывали им, что их маленькую страну когда-то с трудом завоевывал великий Александр Македонский.

Интересной могла бы получиться глава о том, как уральцев арестовал английский патруль и несколько дней держал, издеваясь, в зиндане, вырытой в земле яме, накрытой железной решеткой. Стоя у края этой ямы, старый комендант английского гарнизона, в молодости служивший в Московской торговой кампании, рассказал изнывающим от жары, вони и голода пленным о смерти в России императора Павла и восшествии на престол «большого друга» англичан Александра Первого, который остановил готовящийся поход русских и французов на Индию.

Он подходил к краю ямы каждый день и спрашивал, не всех ли еще перекусали ядовитые змеи и не хотят ли они признаться в том, что являются русскими шпионами.

Заслуживала бы внимания и глава об освобождении казаков, когда Горшенин потребовал встречи с английским комендантом под предлогом того, что хотел бы сообщить кое-что о тайной русской военной базе под Гератом. Когда Горшенина привели связанного к коменданту, казак каким-то чудом снял с себя кандалы и, приставив к шее коменданта пойманную им накануне в яме кобру, потребовал освободить своих товарищей и дать им лошадей. В комнате коменданта Горшенин увидел висящий на стене необычной формы кинжал. Лезвие было не длинным, широким у гарды, но сужающимся к концу, словно шило, а рукоять оплетала золотая змейка с красными рубинами в глазницах. Перед тем как увидеть живую кобру у своего горла, комендант успел

похвастаться тем, что привез этот необычный нож, который он называл «ваджра», из древнего города в стране Великих Моголов.

- В храме, полном каменных статуй и трупов убитых нами индусов, я вынул эту ваджру, а именно так индусы зовут это священное для них оружие, из руки какого-то божка и теперь храню его как память и талисман!

Под угрозой укуса разъяренной кобры, которую Горшенин крепко держал у самого капюшона, комендант дал необходимые распоряжения. Почувствовав, что ему становится всё труднее удерживать извивающуюся змею, Горшенин просто свернул ей голову и, пока комендант не понял, что ему больше ничего не угрожает, оглушил англичанина схваченной с его же стола медной фигуркой танцующей индианки в весьма фривольном наряде. Этот наряд Горшенин рассмотрел уже позже, когда связывал коменданта и обшаривал его кабинет. Найдя пистолет, он поставил коменданта у окна, приставил к его спине пистолет и, приоткрыв шторку окна, заставил коменданта дать своему гарнизону необходимые распоряжения. Следуя этим распоряжениям, солдаты открыли решетку, выпустили и развязали казаков, а затем залезли в яму сами. Казаки тут же захлопнули решетку. Еще раз оглушив коменданта, Горшенин связал его по рукам и ногам, и, засунув тому кляп из собственного комендантского потного шейного платка, еще раз внимательно осмотрел комнату. Сняв со стены понравившийся ему кинжал - ваджру, казак взял «до кучи» саблю и пистолет, а также все находящиеся на столе и в его ящиках деньги (а как-же казак без добычи?). Пнув на прощанье коменданта, безумными глазами провожавшего свой талисман и свои деньги, казак вышел из комнаты. На стоящем у двери часовом испробовал боковым ударом ваджру. Работает!

Освобожденные казаки, забрав коней и оружие, смогли добраться до гор, где ненавидящие «проклятых инглизи» афганцы помогли им уйти в безопасный район.

Путь домой занял у них почти год. Все лишения этого пути заслуживают целой книги, но, щадя читателя, пропустим этот трагико-героический отрезок жизни наших героев.

Поскольку, выполняя поставленную перед ним задачу, Горшенин всюду, где мог, и на английские деньги, добывал карты этого региона, он уже неплохо ориентировался в этом лоскутном регионе, мирные и не мирные жители которого были объединены штыками и стойкостью английского солдата. Путь вокруг Каспия показался казакам, у которых еще были свежи воспоминания о змеиной яме, очень опасным и долгим. Снова воспользовались торговым кораблем из Астрабада, отдав капитану почти все последние деньги английского коменданта. Правда, капитан, хитромудрый перс, очень уж жадно поглядывал на кинжал - ваджру Горшенина, который тот неосторожно показал, приоткрыв полу халата. Но ему жестко было сказано, что нож является собственностью России, и единственное место, где он может доплыть до родных берегов, это – горло капитана. Перс всё понял и больше не докучал ненужным (ему) любопытством.

На корабле у казака было время рассмотреть ваджру, и он в который раз оценил изящество и мастерство неизвестных мастеров. Сидя с диковенным кинжалом вечером на палубе, он заметил, что с наступлением темноты лезвие ваджры начинает светиться внутренним светом, но само не нагревается.

По прибытии в Гурьев Горшенин обратился к военному коменданту города, вкраце рассказав о своей миссии и необходимости личного доклада хорунжему Матвею Платову, заместителю главного атамана войска Донского Орлова – Денисова.

Военный комендант долго смотрел на вошедшего к нему дочерна загорелого, бородатого Горшенина в грязном азиатском халате. Потом, выглянув в окно, посмотрел на двух таких же оборванцев, опоясанных саблями.

- Ладно! Убедил ты меня. Что-то о походе том я слышал. Лошадей и сопровождение до Уральска дам. Да, и Платов уже не хорунжий, а сам – главный атаман войска Донского. Будешь докладывать, не премини сказать о том, что комендант Гурьева его людям поверил и помог. Я когда-то его знал…

В Уральске все долго охали и ахали, увидел вернувшихся казаков.

- Давно уж в поминание записали. Не чаяли… Богом клянусь, не чаяли увидеть. Никаких указаний на ваш счет не поступало, - юлил атаман.

- Как мать моя? – резко спросил Горшенин.

- Жива, кажись. Пришлось немного твой надел подурезать. Да и кошт твой ей не выдавался. Из списков – то вас вычеркнули. Бумаг насчет вас никаких не было, сами понимаете…

- Смотри, атаман. Если что… - рука Горшенина угрожающе легла на рукоять сабли.

Мать была жива и здорова. Станичные казаки о ней забыли, но степные родичи не дали умереть с голода. Звали к себе, но не хотела она бросать дом. Ждала сына. Словно чувствуя его возвращение, встретила его на развилке дорог. Кинулась, пряча слезы при виде седого, худого и изможденного Дмитрия.

- Ничего, ничего, выхожу… - шептала она, - главное – живой вернулся…

Через два дня Дмитрий Горшенин отбыл в Петербург, в ставку Главного атамана казачьего Его величества войска Донского Матвея Платова. Роскошный красавец атаман не поверил своим глазам, увидев Горшенина.

- Ты живой! Как же ты, чёртушка! Давай, рассказывай!

- Докладываю, что приказ Ваш выполнил. Местность разведана, карты получены. Готов лично рассказать о гарнизонах и

силах англицких. Прошли Персию, вошли в Империю Великих Моголов. Был бы приказ, дошли бы до океана Индейского, - Горшенин лихо козырнув, вручил адъютанту главного атамана баул с картами и дорожными записями.

Растроганный Платов обнял Горшенина.

- Ну ты исхудал! Кожа да кости! Ну да ничего, нарастёт… Вечером за обедом всё расскажешь. Я всех офицеров соберу, пусть посмотрят, как служить надо и долг свой священный исполнять!

И, посерьёзнев, добавил,

- А за то, что забыли вас там, одних оставили, прости. Не до того, сам понимаешь. Служба!

И было чествование героев. Казачье войско наградило их и званиями, и орденами, и деньгами, и землицей со льготами.

Но императорский двор промолчал – негоже было перед императором – англофилом и кучей шпионов английских в Генеральном штабе про тот поход вспоминать. Россия опять с Англией дружила, против Франции, конечно, поскольку германские собачки еще только тявкали, не смея кусать из-за спины английского льва. Но, натравливая на Россию Наполеона, Англия помнила о мечте царей русских «мыть солдатские сапоги в Индийском океане» и вернуть Константинополь.

Дома Дмитрий долго рассматривал ваджру. Открыл в ней то, что даже на лютом морозе рукоять и гарда – змейка всегда остаются теплыми; лёд под кинжалом тает, а положенная в воду, ваджра сохраняет воду теплой. В темноте диковина по-прежнему светилась, а в полночь, в самую кромешную тьму, начинала излучать яркий, чуть синеватый свет, достаточный, чтобы освещать путь.

Однажды, когда Дмитрий наклонился в доме над кинжалом, его выпавшие из широкой нагрудной проймы рубахи крест и «звезда» Давида стали отталкиваться от ваджры, словно чья-то

рука отводила их в сторону, не давая соприкоснуться. Мать Дмитрия, увидев индийский кинжал в первый раз, прижала руки к груди и попросила убрать его из дома. Сослуживцы Горшенина, особенно прошедшие с ним все тяготы персидского поиска, рассматривали диковину, отмечали красоту работы, но, как заметил теперь уже сотник Дмитрий Горшенин, опасались дотрагиваться до него.

Особый трепет перед ваджрой испытывали степняки, башкиры и казахи, родичи его бабки, к которым Дмитрий часто возил свою мать. Увидев торчащую за поясом казака змеиную рукоятку и характерное лезвие, степняки бухались на колени, в молельном жесте протягивали руки к ваджре. «Божество смерти» - переводила их лепет мама. Но уважение к Горшенину среди степняков было беспредельным.

Странно, что ни один купец, ни в Персии, ни в Гурьеве не просил продать им этот кинжал, а дома с просьбой продать или поменять к нему не обратился ни один из сослуживцев или соседей, хотя все любили диковенные вещицы и охотно собирали их.

- Он – как хищный зверь, вернее, как та змея у нас в яме, так и норовит укусить, - признался ему как-то за кувшином медовухи один из бывших с ним в том поиске, - убери ты его с глаз долой. От греха подальше…

И Дмитрий смастерил деревянный ларец, положил в него кинжал и спрятал под стрехой дровяного сарая.

Потом бы французский поход, куда уральские казаки были лично приглашены главным казачьим атаманом России Матвеем Платовым. В составе уральцев были в том походе две сотни «башкирцев», прозванных французами «степными ангелами» за малый рост, прыткость их степных лошадок и чрезвычайно меткую стрельбу из луков. Командовал башкирцами Горшенин, поскольку это гордый степной народ не признавал дисциплины боя,

субординации и приказов. Лишь Горшенин мог поставить перед ними боевую задачу и добиться её исполнения.

Однажды его «степные ангелы» напали на бежавший из Парижа обоз и пригнали своему командиру дорожную карету, полностью забитую книгами, альбомами и рисунками. Карету башкирцы использовали для своих, невесть каких, целей, а книги, по просьбе своего сотника, сложили в зале. Вечером, сидя в этом каминном зале брошенного французскими хозяевами поместья, Горшенин с товарищами угощались найденным в подвале вином и поддерживали огонь в камине трофейными книгами, меж делом, листая их. Внимание привлекали прекрасно сделанные рисунки каких-то каменных строений, угловатых людей и животных. Вдруг один из Горшенинских офицеров подошел к нему с альбомом.

- Глянь, сотник! Никак это твой ножик!

На рисунке был изображен какой-то богато одетый воин с высоко поднятым над головой мечом. В другой руке воин держал кинжал, как две капли воды похожий на индийский трофей самого Горшенина. Оба оружия соприкасались кончиками лезвий и были направлены в сторону наступающих на воина солдат. Из места касания ваджры и меча бил луч то ли света, то ли урагана, от которого эти солдаты падали на колени и навзничь. На втором рисунке была крупно нарисована рука в широком браслете, державшая ваджру, от которой исходило сияние.

Хотел, было, сотник оставить эти рисунки себе, но, подумав, бросил их в огонь. «Правильно я сделал, что убрал этот чертов кинжал в ящик. Вернусь, еще дальше перепрячу, а то и совсем закопаю или утоплю…»

Погиб казацкого войска Уральского полковник, походный атаман этого войска Дмитрий Горшенин в битве при Ватерлоо. Тело казака, залитое мёдом и зашитое в бараньи шкуры, его верные башкирцы довезли до родных мест, где и похоронили рядом с матерью, не дожившей до возвращения тела своего сына. В могилу

Горшенина положили ларец с таинственным кинжалом - ваджрой. Из уважения к православным, хоть и погребенным по степным обычаям, казаки привезли батюшку, совершившего над могилой необходимую требу.

Получив обычную плату и радуясь тому, что остался жив – степь, Яик, всякое бывает! – батюшка вернулся в Уральск и рассказал всем о странном погребении «заморочника» Дмитрия Горшенина.

Степняки насыпали курган над двумя могилами, полили землю кумысом и уехали, оставив вечному покою Тенгри души усопших.

- Конец записи, - устало произнёс голос из динамика.

Матвей и Николай Николаевич молча смотрели на Дэна. Тот, выждав, как хороший актер, паузу, подошел к стеллажу с книгами, взял с полки географический атлас и, открыв на нужной странице, ткнул пальцем,

- Здесь находилось захоронение с интересующим нас предметом! Оренбургская область, город Уссольск, территория военного аэродрома. В начале 19 века, в интересующее нас время эта территория, населенная в основном степняками – башкирами, казахами, киргизами, контролировалась уральским казаками, и как раз на территории нынешнего военного объекта – аэродрома и находились отдельные фамильные захоронения степняков.

Получив от знакомого Николая Николаевича из Центрального военного музея справку о том, что является научным сотрудником музея и направляется в Уссольск для «определения перспектив археологических изысканий», Матвей вылетел в Оренбург. Проехав 70 километров по неплохому шоссе, изюминкой которого были пасущиеся по обочинам верблюды, Матвей сразу явился к военному коменданту маленького, но уютного Уссольска.

Вручив коменданту «булькающий сувенир» из Москвы и отвергнув предложение перекусить «чем Бог послал», Матвей попросил доставить его на военный аэродром. Хрипя изношенным мотором, трофейный, судя по всему, «козлик», первоначальную марку которого было уже не установить, доставил его, минуя сразу открывшийся шлагбаум, прямо к домику начальника аэродрома. Досиживающий в богом забытой дыре последний год перед заслуженной пенсией боевой, некогда, авиатор сначала встрепенулся, услышав о грядущих раскопках на «вверенном уму взлетном поле». Но услышав, что речь идет о захоронениях прошлого века, успокоился, сказав, что слышал от старожилов службы рассказы о том, что при строительстве взлетно-посадочной полосы, действительно, были потревожены остатки старых захоронений.

- Да я сейчас вызову вам старшего прапорщика Джеп.. куз… баева, он был тогда при строительстве. Пусть сам и расскажет, - авиатор любовно гладил полученный от Матвея «булькающий сувенир из Москвы», который с быстротой молнии спрятал при звуке открывающейся двери.

«Ну и реакция! Видать, истребителем был… Мастерство, его на старом аэродроме не просидишь!» - успел подумать Матвей.

В кабинет, не постучав и не произнеся положенного – «Вызывали?», вошел седой казах? киргиз? туркмен? Национальность, как и возраст определить было трудно, но был он поджар, подтянут и бодр.

Сделав вид, что не заметил нарушения субординации со стороны подчиненного, начальник объекта попросил,

- Ну что, прапорщик, расскажи-ка товарищу из Москвы о тех захоронениях, что нашли при строительстве взлетно-посадочной. Что не так, чего морщишься?

- Не прапорщик, а СТАРШИЙ прапорщик, товарищ подполковник. А так, расскажу, спрашивайте, - усевшись (без

разрешения!) на стул, приготовился к беседе степняк в погонах. А что – шесть звезд вдоль погон – почти генерал-полковник!

Допросив старшего прапорщика, Матвей узнал, что, когда, сразу после войны, начали строить этот аэродром, сюда кинулось местное население, встревоженное тем, что разрушат их семейные захоронения.

- Почти восстаний был, солдат вызывали, с автоматами. Потом комиссия создали, аксакалов успокоили. Сказали, просто вскроем могилы, чтобы покой ушедших шум самолетов не нарушал. Установленный прах вручим семьям, а те их сами перезахоронят в своих склепах. А неустановленный – перенесём в отдельную могилу, за счет военкомата сделаем памятник, камень с дощечкой, чтобы путники поминание оставляли. У нас называется - бурхан…

- А вещи какие-нибудь были в могилах?

- К умершим раньше клали какие-то домашние вещи, украшения. Сейчас не кладут. А то, что из могил достали, у нас нельзя домой приносить. Плохо это…

- А если что-то тогда нашли, куда деть могли?

- Был в комиссии ученый человек, историей интересовался. В городе музей был, он там работал. Так вот он все предметы, что в могилах и вокруг находили, всё в музей забирал. Говорил, для истории этой земли это важно. Старейшины ему разрешили…

Старшего прапорщика Матвей просто поблагодарил, справедливо решив оставить последний «булькающий сувенир из Москвы» для музейных работников.

Поскольку при вопросе о городском музее у начальника аэродрома странно вытянулось лицо, Матвей попросил просто отвезти его в город, в администрацию. Там он выяснил, что единственный в городе музей был открыт еще в царское время при горной школе. Где и находится, хотя бывшая горная школа давно стала техникумом.

Матвея гостеприимно встретила в более чем скромном музее на последнем этаже техникума ну очень пожилая экскурсовод, она же заведующая музеем. Даже не взглянув в его справку (а что бы она увидела сквозь толстенные линзы своих очков) он долго рассказывала об истории местных соляных копий, о высылке в эти места ссыльных, в том числе и политических, которые и организовали этот музей.

- У нас скромная экспозиция. История края больше связана с казачеством, у которого есть большой музей Уральского казачьего войска. Мы же довольствуемся тем малым, что удается достать силами местных краеведов, - скорбным голосом экскурсовод словно предупреждала возможное разочарование единственного посетителя, да еще из самой Москвы.

Но тут Матвей узрел! Вот уж чудо, так чудо!

В отдельной витринке, под стеклом, прямо под светящейся кнопкой пожарной сигнализации, лежали индийская ВАДЖРА, скромный медный крестик и маленькая «звезда Давида».

- А это что? Тоже имеет отношение к соляным разработкам? – изобразил безразличное удивление Матвей, проходя мимо витринки.

- Нет, что Вы! Это – отдельная тема, наша с мужем гордость! Мой муж, возглавлявший до своей смерти, этот музей, нашел эти артефакты в старинной степняцкой могиле при строительстве военного аэродрома. Ему удалось забрать их в коллекцию музея. Он начал свое исследование этих предметов. Не будучи профессиональным историком, он даже выдвинул теорию о том, что захоронение принадлежит древним хазарам, чьи поселения, по всей видимости, простирались и до наших отдаленных мест. Именно на это указывает «звезда Давида».

- А православный крест?

- Муж считал, что крест вместе со звездой свидетельствуют о смешении в древней Хазарии православия и иудаизма.

- А этот странный, явно не христианский кинжал? – продолжал изображать дилетанта Матвей.

- Ну что Вы! Это же ваджра, священный ведический атрибут древних индийских ариев! По мнению мужа, эта находка говорит о связи с ариями не только древних славян, но и хазар!

- То есть, снова Библия. Все люди вышли из одного корня, – не удержался от язвительно замечания Матвей.

- Ну вот и вы тоже. Насмехаетесь. Как и те историки в Москве, которым писал о своей теории мой муж. Они даже приехать не захотели, чтобы взглянуть на артефакты!

Успокоив разволновавшуюся музейщицу, Матвей попросил у неё разрешения сфотографировать артефакты.

- Смотрите, вот мои документы. Я – старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных сил России. Не обещаю ничего конкретного, но я покажу фотографии своим коллегам и расскажу о вас и вашем муже, патриотах своего края и нашего музейного дела!

И она согласилась.

Открыв витрину заветным ключом, который она носила на шейной цепочке, хотела взять в руки ваджру, но Матвей остановил её.

- Извините, но мне нужна линейка, или спичечный коробок, чтобы на фотографии можно было определить размеры артефакта.

Пока экскурсовод ходила в поисках линейки, Матвей быстро убедился, что горящая над витриной лампочка – это не система тревоги, а просто пожарная сигнализация. «Видимо, по причине постоянно включенной лампочки, они и не замечали ночного свечения!».

Когда появилась радостная женщина с коробком спичек, Матвей в её присутствии сделал несколько фотографий экспонатов и покинул музей. Здесь же, на площади он отправил фотографии Николаю Николаевичу с припиской – «Если это то, нужен дубликат ваджры. Встречу в Оренбурге». Ответ он получил вечером, а уже на следующий день встретил посылку в аэропорту и прибыл в музей.

- Я к вам с радостной новостью, - с ходу выпалил он музейному работнику, - коллеги заинтересовались темой и просят прислать более детальные фотографии ваджры и «звезды», а также описать им некоторые детали артефактов. Линейку и перчатки я принёс. Пройдём к витрине.

У витрины повторилась та же процедура. Матвей долго, прикладывая линейку и меняя положение, фотографировал артефакты, затем полез в свой портфель.

- Вот же чёрт! Линейку и перчатки взял, а блокнот для записей забыл. Не сочтите за нахальство, но могу я попросить у вас пару стандартных листов белой бумаги. Я запишу и сразу отправлю им фотографии записей, чтобы не терять время. Мне же еще в пару музеев надо заехать.

Матвей рассчитал правильно. У экскурсовода с собой не было стандартных листов белой бумаги, и ей пришлось идти за ними в кабинет. Он спокойно поменял местами оригинал и копию, поражаясь качеству и скорости исполнения работы, которую, как он потом узнал, сделал лазерный принтер.

Не заметившая подмены экскурсовод закрыла витрину и тепло попрощалась с Матвеем.

Потом была переписка.

- Вещь у меня. Судя по ощущениям – теплая и светится в темноте, это она.

- Они не должны встретиться.

Коротко и ясно.

Но, как и куда???

Если артефакт столько лет пролежал в местных условиях, значит самопроизвольно ничего не должно произойти. Соляные пещеры? Могут возобновить разработки, да и туристов могут пустить. Просто глубоко под землю? Здесь кругом рвут старые боеприпасы, да и вдруг – новое строительство. Надо посоветоваться…

Вспомнив, с какой легкостью и быстротой авиационный подполковник спрятал бутылку, Матвей решил поговорить с ним.

На этот раз Матвея на такси за шлагбаум не пустили и пришлось звонить авиатору по внутренней связи.

Вышедший в тренировочных штатах, но в форменной рубашке, подполковник быстро вник в суть проблемы.

- Значит, говорить, неучтенный пробный взрыватель от номерного изделия упрятать так, что никто и никогда? Ладно, поверю, музейный ты работник, - прочитав ветеранское удостоверение Матвея, сказал авиатор. - Если бы на время спрятать, позвал бы я старшего прапорщика. Он в прошлом году так грузовик с тушенкой спрятал, две комиссии найти не могут. Но взрыватель…- авиатор задумался.

- Слушай, ветеран. Давай так. Ты сам эту штуку в муляж бомбы спрячешь, один, без свидетелей. У меня на аэродроме ребята из ДОСААФа тренируются. Есть у них упражнение – прицельное сбрасывание гири с флажком. С точностью до сантиметра кладут, снайперы! На реке нашей, на Урале, есть гиблые омуты – вода уходит неизвестно куда. Локаторы бросали, аппаратуру разную – с концами. Давай я туда завтра ребят направлю, скажу, очередной набор радиодеталей для измерения дна надо утопить, но точно по центру. Его, центр этот, сверху хорошо видно!

- Отличная мысль. Показывай, где муляж бомбы!

- Так, ты что? С собой эту хрень носишь? Ну ты даёшь! Рискуешь как истребитель… Пойдем в ангар, покажу. Но один всё сделаешь. Мне до пенсии три месяца осталось!

«Хрень» была засунута в корпус бомбы, засыпана песком и задраена. Флажок привязывать Матвей не стал. На следующий день, со второго самолета, с которого прыгали парашютисты, Матвей увидел, как «хрень» в корпусе бомбы точно попала в самый центр огромного омута. Смутно надеясь, что если ОНО и выплывет, то не ближе центра Йеллоустонского вулкана, Матвей вернулся на аэродром. На этот раз, без парашюта.

«Булькающий сувенир из Москвы», охлажденный в старом советском холодильнике, был весьма кстати. Второй, не отданный музейному работнику, «сувенир» тоже пришелся кстати, как и остальные, уже местные «сувениры», которыми авиационный предпенсионер щедро одаривал Матвея.

А уж баек про авиацию наслушался Матвей – на полжизни хватит. Жаль, не мог ответить взаимностью о своей прежней службе. А про музеи много смешного не расскажешь…

Потом, сидя в известном кабинете Николая Николаевича, они вспоминали все детали операции. Решение Матвея о захоронении ваджры признали остроумным. Куда он дел меч, Николай Николаевич так и не сказал, «вам же проще будет жить».

На вопрос Матвея – «А то ли мы уничтожили?», оба его собеседника лишь пожали плечами. Да и действительно, испытания надо было проводить, что ли? Или военным с политиками отдать, не дай Бог?

А музейному работнику в Уссольск Матвей отправил благодарственное письмо от Центрального музея вооруженных сил России. На фирменном бланке сообщалось, что «полученные сведения представили исключительный интерес, поскольку позволили определить место захоронения праха легендарного участника войны с Наполеоном полковника Уральского казачьего

войска Дмитрия Горшенина. Выражалась благодарность за проделанную работу, самоотверженность и преданность музейному делу». И в качестве дополнения к письму была приложена брошюра с кратким изложением биографии героя.